

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал

Человек. Культура. Образование

Research and Instruction Journal

Human. Culture. Education

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 4 (50) 2023

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

	12+
	<i>Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-68795 от 17.02.2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Журнал зарегистрирован в РИИЦ (регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.) Выходит с 2011 г.</i>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бараханова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулюните Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Ли, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
«Человек. Культура. Образование»**

№ 4 (50) 2023

Редактор Л. Н. Руденко. Корректор О. В. Габова
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Е. М. Насирова

Подписано в печать 28.11.2023. Дата выхода в свет 20.12.2023.

Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 11,5. Уч.-изд. л. 11,1. Заказ № 103. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

Research and instruction journal “Human. Culture. Education”
 Founder and publisher – Federal State Budget Educational Institution of Higher
 Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
 (167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+	
<p><i>PI Media Registration Certificate No. FS 77-68795 dated 02.17.2017 issued by The Federal Service For Supervision Of Communications, Information Technology, and Mass Media Journal is registered in the Russian Science Citation Index (Registration No. 261-06 of July 7, 2012) Published since 2011.</i></p>	

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhshanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; fellow of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Belarusian State University of Culture and Arts, Professor of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikal State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a

E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге “Пресса России” – 34110

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», 2023

Subscription reference of the journal in the catalogue “Press of Russia” is 34110

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Норманская А. В. Влияние этнической субъективации на формирование культурного кода города	10
Перминова Ю.В. Теория культурного капитала.....	26

Материалы, публикуемые в рамках

XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29-30 ноября 2023 года

Братчикова Н. С. Финские пьесы на русской сцене: опыт перевода.....	41
Лоскутова Н. Н., Гутникова А. В., Федорова Ю. Г. Понятийная организация кинематографической терминосистемы русского языка.....	56
Чикина Н. В. Переводы коми поэзии на национальные языки Республики Карелия (на примере творчества А. Ванеева, В. Тимина, А. Ельцовой).....	76

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Разова Е. Л. Границы и основания пространства человеческого в нечеловеческом мире	88
Соколова Н. А., Пылькин А. А., Сафонова А. С. Античная философия о взаимоотношении воли, свободы и разума человека	112

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Мясоутов О. В. Школа как «молодежная культурная сцена»: проблематизация вопроса	130
Поберезкая В. Ф., Терентьева С. Н. Модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов (на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»).....	149
Сажина С. Д. Ценностные ориентации будущих педагогов.....	166
Урманчиева И. А. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях по лексикологии в вузе.....	183

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Normanskaya A. V. Influence of Ethnic Subjectivation on the City's Cultural Code	10
Perminova J. V. Theory of Cultural Capital	26

Proceedings of the 16th International Scientific Conference
Semiosis and Culture: Strategies and Customs of the Dialogue among Cultures,
November 29-30, 2023

Bratchikova N. S. Finnish Plays on the Russian Stage: Experience of Translation.....	41
Loskutova N. N., Gutnikova A. V., Fedorova Y. G. Concept Organization of the Cinematographic Terminosystem of the Russian Language.....	56
Chikina N. V. Translations of Komi Poetry into the Republic of Karelia Ethnic Languages (works of A. Vaneev, V. Timin, A. Yeltsova as case studies).....	76

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Razava A. L. Boundaries and Foundations of the Human Space in the Non-human World	88
Sokolova N. A., Pylkin A. A., Safonova A. S. Ancient Philosophy on Inter-correlation between Will, Freedom, and Human Reason	112

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Myasoutov O. V. School as a Youth Cultural Scene: Problematization of the Issue	130
Poberezkaia V., Terentyeva S. N. Model of Ethnocultural Competence Formation In Future Primary School Teachers: case study of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University	149
Sazhina S. D. Values of Future Teachers.....	166
Urmancheeva I. S. Component Analysis and Methodology in Lexicology Classes at the University.....	183

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 304.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-10>

Влияние этнической субъективации на формирование культурного кода города

Анжела Викторовна Норманская

Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия
anzelanormansky@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-5082-976X

***Аннотация.** Материалы проведённого исследования посвящены рассмотрению этнической субъективации и региональной идентификации в качестве факторов, определяющих формирование и развитие семиотики города. Идентификация жителей с городским пространством на основе этнических интересов способствует формированию гражданского самосознания, отождествлению национальных и общечеловеческих универсалий и направлена на решение актуальных проблем современности, связанных с национальной политикой государства, проблемами гуманизации и глобализации общества. Культурный код каждого города представляет динамичное собрание символов, постоянно совершенствующихся в резуль-*

тате непрерывных в своей взаимосвязи процессов кодификации пространства и его трансляции посредством созданных кодов. Семиотическое пространство города формируется под влиянием природного, исторического, социального, экономического и политического факторов на конкретной территории. В системе культурологических понятий символика культурного кода отождествляется с культурными ценностями, идеалами и традициями города. Этническая субъективация как реализация этнического самосознания и социальной идентификации является основой актуального формирования, развития и сохранения культурного кода каждого города. Причиной проведения данного исследования послужил недостаточный научный интерес к проблеме симбиоза понятия «культурный код города» и вопроса этнической идентификации в городском пространстве. Целью данной работы является актуализация понятия этнической субъективации в контексте городской культуры, а также получение новых знаний о городских коммуникативных механизмах этнической идентификации на примере крымских городов – Бахчисарая и Евпатории. Рассмотренные в работе общественные пространства исторических центров Бахчисарая и Евпатории, несмотря на различия в организации, являются стабильными идентификационными маркерами и знаковыми системами городов, основанными на этнической активности и субъективации горожан.

Keywords: культурный код, этническая идентификация и субъективация, культурное общественное пространство, Бахчисарай, Евпатория

Для цитирования: *Normanskaya A. V.* Влияние этнической субъективации на формирование культурного кода города // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 10–25. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-10>

Influence of Ethnic Subjectivation on the City's Cultural Code

Anzhela V. Normanskaya

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia
anzelanormansky@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-5082-976X

Abstract. *The materials of the study are devoted to consideration of ethnic subjectivation and regional identification as factors determining formation and development of the city's semiotics. Identification of residents with urban space on the basis of ethnic interests contributes to the formation of civic consciousness,*

identification of national and universal universals and is aimed at solving urgent problems of modernity related to the national policy of the state, the problems of humanization and globalization of society. The cultural code of each city is a dynamic collection of symbols that are constantly being improved as a result of the continuous processes of codification of space and its translation through the created codes. The semiotic space of the city is formed under the influence of natural, historical, social, economic and political factors in a particular territory. In the system of cultural concepts, the symbolism of the cultural code is identified with the cultural values, ideals and traditions of the city. Ethnic subjectivation as the realization of ethnic identity and social identification is the basis for the actual formation, development and preservation of the cultural code of each city. The reason for this study was the lack of scientific interest in the problem of the symbiosis of Cultural Code of the City concept and the issue of ethnic identification in urban space. The purpose of this work is to reveal the concept of ethnic subjectivation in the context of urban culture, as well as to gain new knowledge about urban communicative mechanisms of ethnic identification based on the example of the Crimean cities of Bakhchisarai and Yevpatoria. The public spaces of the historical centers of Bakhchisarai and Yevpatoria considered in the work, despite the differences in their organization, are stable identification markers and sign systems of cities based on ethnic activity and subjectivation of citizens.

Keywords: *Cultural Code, ethnic identification and subjectivation, cultural public space, Bakhchisarai, Yevpatoria*

For citation: Normanskaya A. V. Influence of Ethnic Subjectivation on the City's Cultural Code. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 4: 10–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-10>

Введение. Актуальные проблемы современности, направленные на формирование гражданского общества и решение вопросов национальной политики государства, в значительной степени решаются посредством отождествления национальных и общечеловеческих универсалий. Актуализация традиционных культурных ценностей, противостоящих современным процессам глобализации и информатизации, путём реализации этнических интересов всегда связана с исторической территорией. Особый интерес представляет взаимосвязь этнических групп с культурным пространством отдельных городов. Целью данной работы является рассмотрение этнического фактора как инструмента конструирования

ния и актуализации культурного кода городов на примере городов Крыма – Бахчисарая и Евпатории.

Семиотический феномен города, определённый конкретной территорией и формой структуризации в виде транспортной инфраструктуры, сети жилых и производственных кварталов, связан с образованием уникального социокультурного и экономического пространства и развитием определённого образа и ритма жизни. В результате сложного процесса взаимодействия природного, исторического, социального, экономического и политического измерений повседневной реальности на конкретной территории формируется культурный код, который даёт возможность понимания культурного городского пространства и выражает городскую идентичность [1, с. 14].

Символическая природа кода, направленная на реализацию роли посредника между человеком и миром смыслов, представляет собой единство двух неразделимых процессов – кодификации и расшифровки, которые изучаются в научном аспекте и раскрываются в повседневной жизни. Кодификация реальности посредством различных символов является следствием актуализации исторической памяти и закрепления социального опыта в ценностных установках, стереотипах и правилах поведения. В процессе прочтения кода упорядоченные местным сообществом и государством в систему знаков культурные смыслы репрезентуют образ города во внешний мир и позволяют осмыслить и использовать городские символы в процессе коммуникации. В системе культурологических понятий знаковый концепт культурного кода отождествляется с ценностями, идеалами и традициями города, культурная матрица которого, в свою очередь, влияет на идеологическое воспитание и формирование мировоззрения горожан [2, с. 154]. В основе формирования и актуализации культурного кода каждого города лежит локальная идентификация жителей с культурой, природой и историей поселения, отражёнными в объектах природного и историко-культурного наследия как особых феноменах городского пространства [3]. Одним из направлений социальной идентификации является этническая составляющая, базирующаяся на этническом самосознании и этнической субъективации.

Современные научные исследования отражают значительный культурологический, философский, лингвистический, семиотический, социологический, литературоведческий, исторический и этнографический интерес к феномену культурного кода, первые исследования которого связаны с именами семиологов: Ю. Лотмана, Р. Барта и У. Эко [4, с. 152]. Активная интеграция в научную тематику понятия «культурный код города» обусловлена значительным количеством исследований, направленных на изучение семиотического понятия, раскрывающего, упорядочивающего и интерпретирующего современную городскую культуру. С особым вниманием к символическому инструментарию познания связана актуализация научного интереса к знаково-символическому содержанию городского пространства. Комплексное изучение современного феномена города с учётом характеристик населения как одного из познавательных элементов городского пространства раскрывает одну из наиболее актуальных проблем современности – локальный патриотизм и идентификацию жителей [5, с. 133]. Интерес социальных и философских наук к существующим и потенциальным формам идентификации горожан посредством субъективации определяется современной проблемой противостояния традиционных ценностных ориентиров манипулятивным технологиям и глобализационным процессам. Несмотря на признание роли культуры в обеспечении устойчивого развития городов и широкого круга исследований, связанных с понятием культурного кода города, активного научного интереса к проблемам этнической идентификации и межэтнического взаимодействия, взаимосвязь проблемного семиотического понятия с этническими составляющими исследована достаточно фрагментарно и остаётся за рамками работ, посвящённых урбанизации.

Методы исследования, теоретическая база. Для смыслового анализа понятий «культурный код» и «этническая субъективация» в качестве базовых предметных отраслей использовались философия, культурология, история и литература. В рамках теоретического исследования с использованием методов анализа, синтеза и логического обобщения был проведён анализ определения

концептуальных основ факторов, влияющих на формирование культурного кода города, и выделено значение этнической составляющей. Значительная часть исследования посвящена анализу сложившейся взаимосвязи этнической субъективации и формирования культурного кода на примере крымских городов.

Результаты исследования и их обсуждение. Каждый город характеризуется устойчивым, связанным с конкретной территорией, уникальным симбиозом различных форм жизни людей и её пространственной организацией и формирует собственную идентичность, свою сферу символов и смыслов. Создание культурного пространства определяется локальными природно-климатическими условиями, историческими, культурными событиями и демографическими характеристиками территории [6, с. 15]. Также значительное влияние на его формирование в контексте современных процессов развития информационного общества оказывает процесс формирования ценностных приоритетов и идентификационных характеристик общественного и личностного характера. Созданная многоаспектная городская семиотика позволяет выделить культурные смыслы, определяющие доверие к городу как к месту проживания и работы и значимые для различных этносов и социальных групп [6]. Таким образом, созданный культурный код становится универсальным инструментом для понимания культурного пространства городской реальности. Культурная матрица, на основе которой разворачивается разнообразие форм организации жизни, общения и деятельности города, определяет образ его жителей, их типы отношений с природным и рукотворным окружением. Но культурный код, не являясь постоянной величиной, достаточно динамичен и меняется под воздействием различных событий, коммуникативных практик и социокультурных кодов горожан. Уровень актуализации культурного кода определяется степенью его влияния на процесс формирования духовных ценностей, потребностей и способностей горожан, развитие их идентичности и локального патриотизма.

Потребность жителя в изучении и оценке своего города выражается в процессе идентификации посредством отождествления

себя с местом проживания и конкретными социальными группами. Личностная идентичность реализуется через чувство сопричастности и связь с отдельными элементами городского пространства: географическими особенностями и историко-культурным наследием [7]. Также идентификация связана с оценкой различных событий в публичном пространстве и социально-культурной среде, среди которых особое значение имеют события, связанные с историей и культурой [8].

Информатизация и интенсификация социального пространства и времени, вариативность социальных практик и технологий, активно реализующихся на фоне растущей коммерциализации человеческих взаимоотношений и углубляющегося процесса индивидуализации как основных характеристик современного общества, не только коррелируют ценностные ориентиры, но и в значительной степени усложняют процесс личностной идентификации. Следствием изменения традиционной системы ценностей стал кризис личностной и групповой идентичности и поиск новых оснований для идентификации, в которой особую роль играют символы как системы ориентации. При этом следует учитывать, что личностные установки, формирующие и мотивацию, и результат деятельности, связанной с городским культурным пространством, одновременно являются и результатом, и причиной событий, значимых как для общества, так и для конкретной личности. В процесс кодификации жителями для облегчения передачи информации создаются упрощённые, доступные для понимания символы. Но переработать информацию, упростить её, трансформировать в понятную, приемлемую и привлекательную систему знаков способен только непосредственный участник событий, глубоко погруженный в них, воспринявший и осознавший весь объем передаваемой информации. Открытая, динамичная система культурных кодов, интерпретирующая реальность и упорядочивающая культурные смыслы, даёт возможность разночтения постоянно обновляющейся информации при передаче, формируя полную зависимость актуальности символов от их создателей.

На современном этапе динамично развивающейся глобализации и информатизации общества, активной социодинамики коммуникационных процессов примером стабильной идентификации (например, семья, друзья) выступает этническая идентификация. Этническое самосознание отражает исторически сформированную потенциальную субъектность этноса. Глубокие ценностные, духовные, интеллектуальные этнические связи, поддерживаемые историко-культурным наследием городов, дают возможность жителям осознать себя его частью, а сам этнос – частью истории региона и всего государства. В контексте изучения городской культуры, факторов, влияющих на формирование городского культурного кода, важно понимание процесса взаимного генезиса культурного кода города и этнической субъективации, организации самосознания жителей, в которой значительную роль играют национальные характеристики.

Ярким примером этнической идентификации, формирующей культурную матрицу городов Крымского полуострова, являются культурные многонациональные пространства, в которых одновременно реализуются процессы интеграции и личностной субъективации на основе духовных и культурных ценностей. При рассмотрении сложного комплекса знаково-смыслового пространства городов формируется семиотическая конструкция различных пластов многовековой истории, дополняющихся с течением времени. Представление жителей полуострова об общем пространстве, их региональную идентичность поддерживают характеристики региона, связанные с историей его освоения, географией и хозяйственной деятельностью. Таким образом, на формирование культурного кода городов Крыма влияет культурный код самого полуострова, его символика и значимость, имеющие ряд отличительных особенностей в силу особого географического положения и многовекового исторического развития, связанного с различными этносами.

Семиотическую систему городов определяют природно-климатические особенности, которые дают возможность их репрезентации на основании географических аспектов: например, эле-

мент природы присутствует в названии района Южный берег Крыма, объединяющего известные курорты Черноморского побережья (Ялта, Алушта, Алупка). В значительной степени культурный код крымских городов обусловлен историческими событиями, отражёнными в объектах историко-культурного наследия, встроенными в городскую среду. Античное городище Херсонеса стало символом Севастополя, средневековые укрепления генуэзской Сугдеи ассоциируются с Судакком, дворцовые комплексы императорской фамилии – с Большой Ялтой. Культурные коды Бахчисарая и Старого Крыма маркированы средневековой эпохой, Ялты, Алушты и Алупки – XIX веком. Вербальный код городов зафиксирован в названиях улиц и площадей, исторических объектов и отдельных предметов. Видимыми объектами (Ласточкино гнездо, Воронцовский дворец) и знаками представлен визуальный культурный код, который также может формироваться под влиянием посвящённых ему художественных произведений (Киммерия Волошина в Коктебеле под влиянием творчества М. Волошина). Большое значение имеет символическая связь города с известной личностью, когда в городскую культуру встраиваются персонифицированные городские знаки: Александр III, Николай II (Ливадия, Массандра), А.П. Чехов (Ялта), А.Г. Грин (Феодосия, Старый Крым), святитель Лука (Симферополь), А.С. Пушкин (Бахчисарай). Одним из наиболее значимых факторов в формировании культурной матрицы и читаемых в контексте актуализации культурного кода символов являются национальные памятники и ценности.

Бахчисарай является ярким примером установления и укрепления устойчивой связи между формированием культурного кода и этнической идентификацией одного этноса. Бахчисарай был создан как столица Крымского ханства и исторически связан с крымскотатарским народом. Этническая среда города в полной мере иллюстрирует представления Л. Н. Гумилёва об этносе как о результате взаимодополняющего симбиоза жизнедеятельности людей и ландшафта, который развивается в энергетическом поле и формирует этническую принадлежность людей [9]. Город расположен в крым-

ских предгорьях, в окружении лесов, степей и гор, в долине реки Чурук-Су. Планировочная структура исторического центра Бахчисарая, вытянувшегося в виде длинного торгового ряда вдоль реки, сложилась в XVI–XVII веках в период создания и расцвета Крымского ханства.

Территория между дворцом и старым кварталом Салачик административно не выделена в рамках города ни как исторический центр, ни как городское культурное пространство. Но степень общественной активности, количество исторических памятников даёт основание рассматривать данную территорию как исторический центр Бахчисарая и идентифицировать его с крымско-татарским этносом.

Рассматриваемое пространство ограничено крупными музеефицированными объектами: ханским дворцом в центре старого города и историческим кварталом Салачик в предместье Бахчисарая. Современным центром территории, на которой представлены различные памятники истории Крымского ханства, является музеефицированный комплекс ханского дворца – Музей истории и культуры крымских татар. Дворец, единственный в мире образец крымско-татарской дворцовой архитектуры, включает свитский, жилой и гаремный корпуса, здания Большой и Малой ханских мечетей, Соколину башню и ханское кладбище.

Дорога от дворца к кварталу Салачик проходит мимо мечети Тахталы-Джами XVIII века и музея выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского. На территории квартала Салачик в XV веке располагалась первая столица Крымского ханства. Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби писал в XVII веке: «Это древний город, в нём всего три тысячи домов... Всего там пять кварталов... в этом городе нет лавок, постоянного двора и бань, потому что близко город Бахчисарай... большое медресе Менгли Герай-хана... Древний дворец Джучи Герай – хана... По сторонам четыре башни... Внутри есть мечеть... На дороге, ведущей от дворца, есть высокий дворец правосудия... Этот дворец крыт досками, и на нём есть полумесяц из чистого золота [10, с. 86–87]. До наших дней сохранились далеко не все постройки,

наиболее интересные и значительные из которых Зынджырлы медресе (духовное учебное заведение XVI века) и мавзолей ханов Хаджи Герая и Менгли I Герая.

Общую атмосферу старого города усиливает не только постепенно сужающаяся под нависающими скальными массивами дорога, ведущая в Салачик, но и множество стилизованных магазинов и кофеен с традиционными товарами и традиционной крымско-татарской кухней. На стихийных рынках рядом с ханским дворцом и Салачиком представлена не только сувенирная продукция, но и украшения, посуда, элементы одежды в традиционном крымско-татарском стиле.

Процесс формирования открытых общественных пространств в зоне влияния объектов культурного наследия крымско-татарского этноса, пользующихся популярностью у горожан, является ярким выражением этнической идентичности крымских татар в городской культуре Бахчисарая. Существующий локальный культурный уклад, гармонично сочетающий в себе черты традиционности и современности, успешно противостоит современным процессам стандартизации, ведущим к усреднённости и утрате исторической памяти крымско-татарского этноса [11, с. 5].

Свято-Успенский монастырь, один из «пещерных монастырей» Крыма, расположенный в отвесной скале, история которого начинается ещё в VIII веке, и музеефицированный комплекс караимского «пещерного города» на горном плато Чуфут-Кале включены в туристический маршрут по Бахчисараю, но находятся за пределами самого города. Исторически и географически данные объекты не могут быть включены в культурное пространство исторических кварталов города, семиотика которых основана на культуре крымско-татарского народа.

В Евпатории важную роль в организации городского культурного пространства играют территориальные общественные структуры, процесс этнической субъективации регулируется организованно и определяется межгрупповой деятельностью [12]. В городе активно взаимодействуют узаконенные статусные группы, представляющие локальные этносы. Культурный код Евпатории визуально представ-

лен такими аутентичными памятниками культуры, как православные храмы, мусульманские мечети, иудейские синагоги и караимские кенасы, которые транслируют смыслы православной, исламской, иудейской и караимской культур. Организованное полиэтничное пространство старого города объединяет памятники различных культур.

Проект исторического квартала «Старый Иерусалим», созданный в 2007 году в рамках административно определённых территориальных границ, реализовал задачи, направленные на интеграцию различных этносов и регенерацию локального культурного пространства, объединившего полиэтничные историко-культурные объекты: турецкие крепостные ворота, синагогу, турецкие бани и караимские кенасы. Знаковым стало начало погружения в атмосферу старого города за несколько кварталов до городских ворот, которое связано с расположенными в непосредственной близости друг от друга православным собором Святого Николая и мечетью Джума-Джами.

С историей и культурой крымско-татарского этноса на территории старого города связаны объекты культурного наследия XVI века: одна из главных достопримечательностей города – пятничная мечеть Джума-Джами (Хан-Джами), в которой короновались крымские ханы; памятник архитектуры и градостроительства – турецкие бани; восстановленные ворота старого города Гезлёв; ансамбль «Текие дервишей», которые активно актуализируются деятельностью представителей этноса. Храмовый комплекс «Караимские кенасы» – памятник архитектуры (всесоюзного значения до 1992 г.), связанный с историей караимов, был восстановлен и действует как музей благодаря деятельности караимской общины «Кардашлар». Архитектурный исторический памятник – синагога «Егие Капай» со стеной плача – памятник иудейской истории, в сохранении и деятельности которого задействованы представители иудеев. Все объекты культуры открыты для посещения.

В непосредственной близости от памятников представлена традиционная кухня каждого из этносов. Рядом с крепостными

воротами действуют кафе «Кезлёвкъяавеси», этноресторан «Джеваль» с широким ассортиментом крымско-татарской и восточной кухни, турецким кофе. В закрытом дворике синагоги, рядом с лавочкой с сувенирной продукцией разместилось кафе «Йоськин кот» с традиционной еврейской кухней. Рядом со входом в кенасы разместилось кафе караимской кухни «Караман».

Современное состояние исторического квартала направлено на реализацию представления об оживлённом многонациональном ремесленном центре рядом с городскими воротами, в котором ведётся торговля сувенирной продукцией, значительная часть которой представлена в авторском исполнении. Внутреннее пространство квартала организовано многочисленными указателями и картами, которые будут дополнены дизайн-кодами, объединяющими основные объекты туристического показа в единое архитектурно-культурное пространство.

Заключение. Изучение и моделирование сложного социального процесса этнической идентификации в контексте формирования семиотического пространства города позволяет решить актуальные проблемы формирования гражданского общества и сохранения традиционных культурных ценностей. Взаимосвязь этнических групп с культурным пространством отдельных городов обусловлена ценностными ориентирами, методами реализации и степенью публичности политики идентичности, но уровень её реализации, опирающийся на общественность, определяется степенью активности этноса каждого города. Культурная практика актуализации этнических городских смыслов представляет модель комплексной социально-культурной и национальной самоидентификации горожан.

Семиотический феномен культурного кода, который даёт возможность понимания культурного пространства и выражения городской идентичности, предопределяет генезис двух взаимосвязанных процессов кодификации и расшифровки. Интеграция исторических центров городов в современные социальные и экономические процессы основана на национальных ценностях, представляет собой результат сложного процесса этнической иденти-

фикации горожан и направлена на развитие толерантности и уважения к культуре и традициям различных этнических групп. На примере Бахчисарая и Евпатории исторические события прошлого рассмотрены как стабильные идентификационные маркеры городского общественного пространства, в создании и закреплении которых особое значение имеет этническая активность горожан.

Тем не менее в характеристиках культурных пространств городов существуют значительные различия. Так, например, историческое пространство Бахчисарая основано на памятниках культуры и традициях крымско-татарского этноса, пространство исторического центра Евпатории связано с представлением и популяризацией культур нескольких этносов: крымско-татарского, караимского и иудейского. Разница между городами также связана с организацией самого пространства, которое административно выделено только в Евпатории. Но этническая субъективация в городах, несмотря на значительную разницу в организации культурного пространства, представляет в значительной степени независимый мощный локальный ресурс, который в равной степени активности воплощает устойчивую историческую форму семиотического структурирования мира и реализует социальные интересы жителей и Евпатории, и Бахчисарая.

Создание перспективной проекции социальной конструкции культурного кода на основе этнической субъективации предоставляет возможность направленно разрабатывать процессы городской семиотики и определять стратегию сохранения различных аспектов исторического прошлого.

Список источников

1. Федотова Н. Г. Культурный код города // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 10–24.

2. Гудова М. Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 151–159.

3. Касаткина С. С. Историко-культурное наследие городов России как элемент культурного универсума // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 21–24.

4. Ненашева М. В. Человек в системе символов городской культуры // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 131–145.
5. Жеребенко А. В. Культурная идентичность как основа территориального бренда региона // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 86–90.
6. Герасимов С. В. Событийная идентичность // Человек. Культура. Образование. 2021. № 1 (39). С. 25–39.
7. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 280 с.
8. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.: ил.
9. Хабитат III. Исследовательские доклады. 4 – Городская культура и наследие. Нью-Йорк, 31 Май 2015. 10 с.
10. Кузнецова Е. В. Этническая идентичность личности как объект исследования современного гуманитарного знания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4 (1–2). С. 121–127.
11. Грехнев В. С. Этносы как общности людей // Философия и общество. 1999. № 4. С. 123–136.
12. В Крыму реконструируют исторические центры Евпатории и Алупки / Министерство курортов и туризма Республики Крым. URL: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/2430> (дата обращения: 03.07.2023).
13. Казакова Г. М. Региональная идентичность как результат социальной инженерии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 2 (40). С. 12–22.

References

1. Fedotova N. G. The cultural code of city. *Slovo.ru: Baltijskij akcent* [Slovo.ru: Baltic Center], 2022, vol.13, no 4, pp. 10–24. (In Russ.)
2. Gudova M. Yu., Yuan' M. The concept of “cultural code”: levels of meaning. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments], 2022, no 4, pp. 151–159. (In Russ.)
3. Kasatkina S. S. Historical and cultural heritage of Russian cities as an element of the cultural universe. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny eissledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies], 2021, no 1 (30), pp. 21–24. (In Russ.)
4. Nenasheva M. V. Man in the system of symbols of urban culture. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2022, no 2 (44), pp. 131–145. (In Russ.)
5. Herebnenko A. V. Cultural identity as the basis of a region’s territorial brand. *PR i reklama v izmenyayushchetsya mire: regional'nyj aspekt* [PR and advertising in a changing world: regional aspect], 2020, no 23, pp. 86–90. (In Russ.)
6. Gerasimov S. V. Event Identity. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2017, no 1 (23), pp. 68–83. (In Russ.)

7. Gumilev L. N. *Geografiyaetnosa v istoricheskij period* [Geography of the ethnoses in the historical period]. Leningrad: Nauka, 1990. 280 p. (In Russ.)
8. Chelebi Evliya. *Kniga puteshestviya. Krym I sopredel'nye oblasti. (Izvlечeniya iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII veka)* [A travel book. Crimea and adjacent regions. Extracts from the work of a Turkish traveler of the XVII century]. Simferopol: Dolya, 2008. 272 p.: il. (In Russ.)
9. *Habitat III. Issledovatel'skie doklady. 4. Gorodskaya kul'tura i nasledie* [Habitat III. Research reports. 4 -Urban culture and heritage]. New York, 31 May 2015. 10 p. (In Russ.)
10. Kuznecova E. V. Ethnic identity of a person as an object of study of modern humanitarian knowledge. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Social Sciences Series], 2008, no 4 (1–2), pp. 121–127. (In Russ.)
11. Grekhnev V. S. Ethnicities as communities of people. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 1999, no 4, pp. 123–136. (In Russ.)
12. *V Krymu rekonstruiuyut istoricheskie centry Evpatorii i Alupki / Ministerstvo kurortov I turizma Respubliki Krym* [The historical centers of Evpatoria and Alupka are being reconstructed in Crimea / Ministry of Resorts and Tourism of the Republic of Crimea]. Available at: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/2430> (accessed 03.07.2023). (In Russ.)
13. Kazakova G. M. Regional identity as a result of social engineering. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2021, no 2 (40), pp. 12–22. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Норманская Анжела Викторовна

Anzhela V. Normanskaya

канд. культурологии, доцент, зав. кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин
Крымский университет культуры, искусств и туризма

Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism

295017, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39.

39, Kievskaya Str., Simferopol, the Republic of Crimea, 295017, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

10.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

17.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

27.08.2023

УДК 316.7

[https://doi.org/ 10.34130/2233-1277-2023-4-26](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-26)

Теория культурного капитала

Юлия Валерьевна Перминова

Томский государственный университет, Томск, Россия

juliavperminova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ теории культурного капитала как направления теоретической мысли, изучающего проблемы влияния культуры на уровень благосостояния общества. Актуальность данной темы обусловлена ростом интереса к кросскультурным исследованиям в условиях многополярного мира и поиску путей урегулирования конфликтов и решения социальных проблем за счет реализации социокультурных проектов разного масштаба. Исследуется понятие культурного капитала и особенности его функционирования в обществе, стране, социальной группе, где обнаруживается, что механизмы наращивания культурного капитала и его влияние на прогресс аналогичны. Выделены основные направления исследований культурного капитала и его функций. Анализ концепций культурного капитала позволяет сделать вывод о необходимости смещения исследований этого феномена в направлении углубленного изучения влияния культуры на культурный капитал. Обосновывается авторская позиция, выводящая теорию культурного капитала за границы экономического и социологического дискурса и включающая это направление в более широкий культурфилософский контекст.

Ключевые слова: культурный капитал, кросскультурные исследования, общество, культура, ценности, социальный капитал, социокультурные проекты, культура прогресса

Для цитирования: Перминова Ю. В. Теория культурного капитала // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 26–40.
<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-26>

Theory of Cultural Capital

Julia V. Perminova

Tomsk State University, Tomsk, Russia

juliavperminova@gmail.com

Abstract. *The article presents an analysis of the theory of cultural capital as a direction of theoretical thought that studies the problems of the influence of culture on the level of well-being of a society. The relevance of this topic is due to the growing interest in cross-cultural research in a multipolar world and the search for ways to resolve conflicts and solve social problems through the implementation of sociocultural projects of various scales. The concept of cultural capital and the features of its functioning in a society, country, social group are studied, where it is found that the mechanisms for increasing cultural capital and its impact on progress are similar. The main directions of research of cultural capital and its functions are identified. An analysis of the concepts of cultural capital leads to the conclusion that it is necessary to shift the research of this phenomenon in the direction of an in-depth study of the influence of culture on cultural capital. The author's position is substantiated which brings the theory of cultural capital beyond the boundaries of economic and sociological discourse and includes this trend in a broader cultural and philosophical context.*

Keywords: *cultural capital, cross-cultural studies, society, culture, values, social capital, socio-cultural projects, culture of progress*

For citation: Julia V. Perminova. Theory of Cultural Capital. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 4: 26–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-26>

Введение. Реальность современной культуры, которая находится в процессе постоянного изменения в условиях формирования многополярного мира, порождает множество проблем, которые требуют теоретического осмысления. В связи с этим дискуссии по проблеме культурного капитала являются особенно актуальными. Теоретизирование по рассматриваемой проблеме структурируется неравномерно. Такие науки, как экономика, политические науки, социальная философия, социология, особенно активны в исследовании культурного капитала, тогда как в культурфилософии эта

проблема недостаточно изучена. Поэтому в данной статье представлен анализ проблемы культурного капитала в контексте философии культуры.

Основная часть. Согласно теории Л. Харрисона, культурный капитал есть совокупность ценностей, верований и установок, определяющих экономическое, социальное и политическое развитие общества. Следовательно, рост уровня культурного капитала стимулирует повышение уровня жизни общества в целом. На сегодняшний день причиной экономического и социального успеха какого-либо общества в большинстве случаев принято считать наличие ресурсов разного рода, географическое положение и т. п. Но в современных исследованиях оптика все чаще смещается в сторону исследований культуры и ее влияния на развитие общества, так как существует множество примеров, подтверждающих значение факторов культурного капитала.

Так, например, набор ценностей, которые разделяют культуры с высокой степенью тяготения к прогрессу – это экономически успешные страны Запада и Восточной Азии. К ним также можно добавить представителей довольно успешных в сфере экономики, науки, медицины и т. д. этнических и религиозных меньшинств, таких как джайны, сикхи, баски, евреи, мормоны. В данном случае речь идет о так называемой «универсальной культуре прогресса», которую Л. Харрисон противопоставляет «универсальной крестьянской культуре», ее подробно рассматривал Дж. Фостер и многие другие исследователи этой сферы. В этом смысле при более внимательном изучении экономического и социального развития успешных стран Запада и Востока стоит обратить внимание на значительное количество совпадений в довольно высоком уровне доходов населения, качестве образования и здравоохранения, стремлении к справедливому распределению доходов. Конечно, присутствуют и различия, например, в отношении к демократии. Китай, Вьетнам и Сингапур сохраняют авторитаризм в конфуцианском духе, в то время как Япония, Тайвань и Южная Корея продолжают стремительное демократическое развитие. К этому стоит добавить выявленную тенденцию современности, которая состоит в том, что

стабильно высокие темпы экономического роста способствуют демократизации общества. Из этого кратчайшего анализа успешных азиатских стран можно сделать предположение, что в данном регионе вполне возможна реализация синтеза восточных и западных ценностей. Ярким примером такого явления будут страны Скандинавии.

Если предположить, что основой формирования общества является именно культура, как об этом писали М. Вербер [1] и А. Токвиль [2], то развитие ценностей, характерных для успешных стран, то есть стран «универсальной культуры прогресса», приведет к росту уровня культурного капитала общества и, как следствие, к наращиванию человеческого и социального капитала. Именно такого рода явление может способствовать росту темпов прогресса, ведущего к социальной справедливости, грамотному правлению и процветанию в обществе.

Если же рассматривать культурный капитал в масштабах одного индивидуума, то можно сказать, что это совокупность знаний и интеллектуальных навыков, повышающих способность человека достигать более высокого социального статуса или выполнять экономически полезную работу. В экономическом смысле высшее образование, профессиональная подготовка и врожденные таланты являются типичными способами, с помощью которых люди создают культурный капитал с целью обеспечить себя более высокой заработной платой.

В контексте социологии культурный капитал включает в себя социальные активы человека (образование, интеллект, стиль речи, стиль одежды и т. д.), способствующие социальной мобильности в стратифицированном обществе. Культурный капитал функционирует как социальное отношение в рамках экономики практик (то есть системы обмена) и включает в себя накопленные культурные знания, которые обеспечивают социальный статус и власть. Таким образом, стоит добавить, что культурный капитал также включает материальные и символические блага разного типа, которые общество считает редкими и заслуживающими внимания.

В данном случае стоит также обратиться к трудам П. Бурдьё [3, с. 241–258], посвященным культурному капиталу, и сборнику эссе, составленному по итогам симпозиума, проведенного в 2000 г. в Центре международных отношений Уэтерхеда при Гарвардском университете. Выводы, к которым приходят участники конференции, опровергают идею о том, что «правильная» экономическая политика, проводимая эффективно, приведет к высоким результатам и совершенно не зависит от культуры. Авторы утверждают, что «культура – это мать, а учреждения – это дети». Особенно интересно эссе Р. Шведера, в котором он пишет о невозможности реализации принципов мультикультурализма в чистом виде: «...все хорошее в жизни нельзя одновременно максимизировать. Я считаю, что, когда дело доходит до реализации истинных ценностей, всегда есть компромиссы. Поэтому и существуют так много различных культур с уникальными традициями. Ни одна культура никогда не могла чтить все хорошее одновременно и в одинаковой степени» [4, с. 807–809]. Если в качестве эмпирического обобщения окажется, что экономического роста можно добиться, опираясь исключительно на такие аспекты западного общества, как, например, оружие, информационные технологии и т. д., то культуры не будут сближаться, даже если они находятся в процессе обогащения. Экономический рост не зависит исключительно от принятия глубоких или сложных аспектов западной культуры (например, индивидуализма, идеалов женственности, эгалитаризма, Билля о правах и т. д.), культуры не станут сближаться и развиваться экономически в таких условиях. Причиной тому является их чувство идентичности, которое может вытеснить даже их стремление к материальному богатству [5].

Амбициозное и довольно опасное проявление у некоторых обществ – желание иметь культурную чистоту, к счастью, не реализуемо, ввиду того что такого рода желание может уступить место культурному фундаментализму. Стремление к культурной чистоте угрожает миру и легко может привести к злу сегрегации и этнических чисток, результатом которых всегда становятся бесчисленные убийства и кровопролитие. В настоящее время в кон-

тексте глобализации требуется развитие взаимопонимания, терпимости и международной солидарности, а принятие концепции культурной гибридности [6] только усилит эти позиции в международном пространстве диалога различных культур. В данном контексте теория культурного капитала Л. Харрисона показывает возможность взаимообогащения культур за счет заимствования элементов, способствующих повышению темпов развития обществ. Так, анализируя каждое общество согласно типологии обществ с высоким и низким уровнями культурного капитала, можно проанализировать факторы, влияющие на человеческое поведение и определяющие, например, его экономический успех.

В действительности, культурный капитал во многом определяет экономическое поведение общества. Соответственно, и успех напрямую зависит от изначальных установок и принципов взаимодействия людей между собой. Стоит также не забывать о том, что и социальные правила и нормы имеют решающее значение для рационального экономического поведения. То, что историк экономики Д. Норт [7, с 3–31] называет «институтом», является нормой или правилом, формальным или неформальным, регулирующим социальное взаимодействие людей. Он указывает, что нормы имеют решающее значение для снижения операционных издержек. Так, например, отсутствие норм, требующих соблюдения прав собственности, привело бы к необходимости договариваться о правилах собственности в каждом конкретном случае, что не способствовало бы ни рыночному обмену, ни инвестициям, ни экономическому росту.

В данном случае также стоит отметить, что высокий уровень культурного капитала еще и обеспечивает само соблюдение прав и законов. При низком же уровне даже существующие законы и права могут быть нарушены в интересах какого-либо лица или группы людей, обладающих определенным рода влиянием. Таким образом, и экономисты, и социологи подчеркивают значимость тех факторов культурного капитала, которые напрямую связаны с развитием общества и его благополучия. Эти факторы складыва-

ются из норм, установившихся в обществе за определенное количество времени, зачастую при уникальных обстоятельствах.

Но такого рода утверждения, естественно, вызывают вопрос о том, откуда взялись эти нормы. Можно проследить их на поколение или два назад в историческое прошлое, но в конечном счете обнаруживается отсутствие свидетельств их более отдаленного происхождения. Какое-то время существовала школа «функционалистской» социологии и антропологии, которая пыталась найти рациональные, утилитарные причины для самых причудливых социальных правил. Индуистский запрет на употребление в пищу коров объяснялся, например, тем фактом, что коровы были ресурсом, который нужно было защищать для других целей, таких как пахота и молочное животноводство. Что не поддается объяснению, так это то, почему мусульмане в Индии, столкнувшись с такими же экологическими и экономическими условиями, с удовольствием ели коров или почему запрет сохраняется, когда «Макдональдс» в Нью-Дели может импортировать сколько угодно говядины из Австралии или Аргентины. На этом примере становится очевидно, сколько различных факторов из разных сфер, таких как религия, экономика, социология и т. д. оказывают воздействие.

Еще одно определение культурного капитала дал французский социолог П. Бурдьё. Он ввел этот термин в своей статье 1973 г. «Культурное воспроизводство и социальное воспроизводство» [8], написанной в соавторстве с Ж. Пассероном: культурный капитал – это накопление знаний, поведения и навыков, которые человек может использовать, чтобы продемонстрировать свою культурную компетентность и социальный статус. Позже П. Бурдьё развил эту работу в теоретическую концепцию и аналитический инструмент в своей книге 1979 г. «Различие: социальная критика суждения вкуса». В своих ранних работах по этой теме П. Бурдьё и Ж. Пассерон утверждали, что накопление знаний используется для усиления классовых различий. Это связано с тем, что такие переменные, как раса, пол, национальность и религия, часто определяют, кто имеет доступ к различным формам знаний. Социальный

статус также делает некоторые формы знаний более ценными, чем другие.

В данном исследовании эта концепция является одной из опорных точек, так как П. Бурдьё впервые было применено понятие культурного капитала с целью пояснения концептуального различия между уровнями успеваемости и академической успеваемостью детей в системе образования Франции в 1960-х гг. Позднее идея разрабатывалась в книге «Государственное дворянство: элитные школы в сфере власти» 1996 г. и в эссе «Формы капитала», в котором П. Бурдьё разбил понятие культурного капитала на три части. Во-первых, он заявил, что оно существует в воплощенном состоянии, а это означает, что знания, которые люди приобретают с течением времени посредством социализации и образования, существуют внутри них. Чем больше они приобретают определенных форм воплощенного культурного капитала, скажем знаний о классической музыке или хип-хопе, тем больше они стремятся его искать. Что касается норм, нравов и навыков, таких как манеры за столом, язык и гендерное поведение, люди часто отыгрывают и демонстрируют воплощенный культурный капитал, путешествуя по миру и взаимодействуя с другими. Культурный капитал также существует в объективированном состоянии. Это относится к материальным объектам, которыми владеют люди и которые могут быть связаны с их учебой (книги и компьютеры), работой (инструменты и оборудование), одеждой и аксессуарами, предметами длительного пользования в их домах (мебель, бытовая техника, предметы декора) и даже продуктами, которые они покупают и готовят. Эти объективированные формы культурного капитала, как правило, указывают на принадлежность к экономическому классу.

Критика данной концепции П. Бурдьё имела место быть по многим причинам, включая отсутствие концептуальной ясности. Возможно, из-за отсутствия конкретики исследователи по-разному использовали эту концепцию и по-разному пришли к своим выводам. Хотя некоторые исследователи могут быть подвергнуты критике за использование показателей культурного капита-

ла, которые сосредоточены только на определенных аспектах «интеллигентной» культуры, эта критика может быть направлена и на саму работу П. Бурдьё. В нескольких исследованиях была предпринята попытка уточнить измерение культурного капитала, чтобы изучить, какие аспекты культуры среднего класса действительно имеют значение в системе образования. Утверждалось, что теория П. Бурдьё и, в частности, его понятие габитуса полностью детерминистичны и не оставляют места индивидуальной деятельности или даже индивидуальному сознанию. П. Бурдьё определил новый подход, но никогда не утверждал, что сделал это полностью; то есть работа П. Бурдьё пытается примирить парадоксальную дихотомию структуры и действия. Некоторые ученые, такие как Джон Голдторп, отвергают подход П. Бурдьё.

Взгляд П. Бурдьё на передачу культурного капитала как на ключевой процесс социального воспроизводства просто неверен. И более подробные результаты исследования, как отмечалось выше, можно было бы тогда рассматривать как помощь в объяснении того, почему это неверно. То есть потому, что различные классовые условия не порождают таких отличительных и устойчивых форм габитуса, как предположил бы П. Бурдьё; потому, что даже в более неблагополучных классах с ограниченным доступом к высокой культуре все еще могут преобладать ценности, благоприятствующие образованию, и, возможно, существуют некоторые соответствующие культурные ресурсы и потому, что, следовательно, школы и другие образовательные учреждения могут функционировать как важные агенты ресоциализации, то есть могут не только поддерживать, но и в различных отношениях дополнять, компенсировать или даже противодействовать влиянию семьи на создание и передачу культурного капитала, и не только в случае с вундеркиндом, а на самом деле в массовом масштабе.

П. Бурдьё описывает культурный капитал как образование человека (знания и интеллектуальные навыки), обеспечивающее преимущество в достижении более высокого социального статуса в обществе. Здесь он рассматривает культурный капитал наряду с другими двумя категориями капитала: экономическим капиталом,

который относится к управлению экономическими ресурсами (деньгами, активами, имуществом), и социальным капиталом, который представляет собой фактические и потенциальные ресурсы, связанные с обладанием прочной сетью институциональных отношений взаимного знакомства и признания. Но и в этом случае П. Бурдьё также подвергался критике за отсутствие учета гендерных факторов, например отсутствие интереса к гендерному неравенству на рынке труда.

Наконец, культурный капитал существует в институционализированном состоянии. Это относится к способам измерения, сертификации и ранжирования культурного капитала. Яркими примерами этого являются академические квалификации и степени, а также должности, политические должности и социальные роли, такие как муж, жена, мать и отец. Важно отметить, что П. Бурдьё подчеркивал, что культурный капитал существует в системе обмена с экономическим и социальным капиталом. Экономический капитал, конечно же, относится к деньгам и богатству. Социальный капитал – к набору социальных отношений, которые человек имеет в своем распоряжении со сверстниками, друзьями, семьей, коллегами, соседями и т. д. Но экономический капитал и социальный капитал можно обменивать друг на друга. Обладая экономическим капиталом, человек может купить доступ к престижным учебным заведениям, которые затем вознаградят его ценным социальным капиталом. В свою очередь, как социальный, так и культурный капитал, накопленный в элитной школе-интернате или колледже, можно обменять на экономический капитал через социальные сети, навыки, ценности и поведение, которые указывают на высокооплачиваемую работу. По этой причине П. Бурдьё заметил, что культурный капитал используется для облегчения и усиления социальных разделений, иерархий и в конечном счете неравенства. Вот почему важно признавать и ценить культурный капитал, который не классифицируется как элита. Способы приобретения и отображения знаний различаются в зависимости от социальных групп. Подумайте о важности устной истории и устного слова во многих культурах. Знания, нормы, ценности, язык и пове-

дение различаются в разных районах и регионах США. Например, в городской среде молодежь должна выучить и придерживаться «кода улицы», чтобы выжить. У каждого есть культурный капитал, и он ежедневно использует его, чтобы ориентироваться в обществе. Все его формы действительны, но суровая правда состоит в том, что они неодинаково оцениваются общественными институтами. Это порождает реальные экономические и политические последствия, углубляющие социальные разногласия. Недостатком данной теории является отсутствие структур, необходимых для сравнения уровня культурного капитала различных обществ.

Тем не менее существует ряд работ, который выгодно расширяет теорию культурного капитала П. Бурдьё, не отклоняясь от его концепции различных форм капитала. Авторы исследуют не сформулированные области теории, а строят на ее основе новую теорию. Одной из творческих модификаций теории культурного капитала П. Бурдьё является исследование М. Эмирбайера и Е. М. Уильямс [9, с. 689–724]. Понятие о полях и капитале используются для изучения властных отношений в сфере социальных услуг, особенно приютов для бездомных. Авторы говорят о двух отдельных областях, которые действуют в одном и том же географическом месте (убежище), и о типах капитала, которые являются законными и ценными в каждой из них. В частности, они показывают, как бездомные могут обладать «капиталом, санкционированным персоналом» или «капиталом, санкционированным клиентом» и как в приюте они одновременно и желанны, и нежелательны, ценны и унижены, в зависимости от того, в какой из двух областей они работают.

Теория культурного капитала П. Бурдьё может быть ценной при анализе неравенства в любой социальной среде. Если в рамках социологии культурный капитал рассматривается по отношению лишь к одному индивидууму, то в экономике, как и в данной работе, понятие получает свое развитие в форме, которая позволяет артикулировать различные проявления культуры по аналогии с какими-либо источниками выгоды и запасом ценностей для общества. Особые долговременные характеристики культурного капи-

тала наглядно демонстрируют природу самой культуры общества (эволюция, преемственность).

Также стоит отметить вклад в развитие исследуемой темы Г. Хофстеде. Данная теория культурного капитала построена также с опорой на предложенную Г. Хофстеде схему факторов, влияющих на человеческое поведение. Отчасти она напоминает известную пирамиду Маслоу. То есть в основе базовое человеческое, выше – связанное с обществом, и последний уровень – индивидуальность. По этому принципу можно представить и развитие общества, его социальной, политической, экономической сфер. Именно в такой схеме будет очевиден путь развития таких принципов, как забота об экологии, соблюдение прав личности, свобода самовыражения и достижение возвышенных гуманистических идеалов. То есть невозможно голодающему, чувствующему себя незащищенным обществу, в котором не развита система социальной защиты, начать говорить, например, о правах животных или сексуальных меньшинств, так как их приоритеты совсем иные. Их базовые потребности не удовлетворены, а значит, удовлетворение последующих невозможно.

Но важно понимать специфику современности, учитывать глобализационные процессы, благодаря которым темп и динамика развития обществ ускоряется. В этом на первый взгляд позитивном моменте присутствует угроза. Ярким примером может послужить бедная развивающаяся страна с низким социальным капиталом. Соответственно, жизнь и права человека ничего не значат для общества, власть получает статус, обладающий большей физической силой и наиболее склонный к агрессии. И если допустить, что такая страна заполучает высокотехнологичное оружие массового поражения, то, учитывая ценностную систему и приоритеты данного общества, это может обернуться катастрофой для значительного количества людей. С. Пинкер в одной из своих работ утверждает, что с развитием мировое сообщество стало в целом менее агрессивным. Конечно, присутствуют страны, которые и сегодня позволяют себе вторжение на чужую территорию и ведение военных действий. Но большая часть, особенно это касается развитых стран, осознают, насколько может быть невыгодным для эконо-

мики страны ведение войн. Соответственно предпочитают искать решения, которые могли бы удовлетворить конфликтующие стороны.

Теория культурного капитала [10] предполагает возможность преобразования общества в долгосрочной перспективе за счет воздействия различными способами, например политическими мерами и программами, на определенные факторы культурного капитала. К таким факторам относятся:

1) мировоззрение (религия, отношение к судьбе, ориентация во времени, отношение к богатству, характер познаний);

2) ценности, добродетели (этический кодекс, житейские добродетели, образование и отношение к нему);

3) экономическое поведение (отношение к труду и достижениям, бережливость, предпринимательство, готовность к риску, отношение к конкуренции и инновациям, принцип продвижения по карьерной лестнице);

4) социальное поведение (верховенство права/коррупция, радиус идентификации и доверия, идея "семьи", общественные связи/социальный капитал, индивидуализм/коллективность, концепция власти, роль элит, отношения между государством и церковью, взаимоотношения полов, рождаемость).

Заключение. Согласно авторскому анализу, представленному в данной работе, одним из путей ведения мирной политики является акцент на кросскультурное взаимодействие, торговые отношения и наращивание культурного капитала в многополярном мире, так как это приносит выгоду всем сторонам. Сюда же можно отнести различные международные научные проекты, программы культурного обмена и т. д. Целью дальнейших исследований в данном направлении является выявление принципов, с опорой на которые станет возможным создание и реализация максимально эффективных социальных и культурных программ, направленных на урегулирование конфликтов в обществе, в том числе на религиозной или межнациональной основе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1999. 554 с.
3. Bourdieu P. "The Forms of Capital" in ed. J. G. Richardson Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258.
4. Richard Shweder and Robert Levine. Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion // *American Ethnologist. Journal of the American Ethnological Society*, eds November. 1986. Pp. 807–809.
5. Бэнфилд Э. Моральные основы отсталого общества : пер. с англ. М.: Новое издательство, 2019. 216 с. (Библиотека свободы).
6. Dr. Manisha Shah. Cultural Hybridity: A Postcolonial Concept // *International Journal of English Language, Literature and Humanities*. 2016. Vol. IV, Issue XII, December
7. North D. C. and Denzau A. T. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. 1994. 47 (1). Pp. 3–31.
8. Bourdieu P., Passeron J.-C. Cultural Reproduction and Social Reproduction. London: Tavistock, 2000.
9. Эмирбайер, Мустафа и Ева М. Уильямс. Бурдые и социальная работа // *Обзор социальных служб*. 2005. 79 (4). С. 689–724.
10. Лоуренс Харрисон. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2019. 286 с.

References

1. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya. Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Selected works. Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.)
2. Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress, 1999. 554 p. (In Russ.)
3. Bourdieu, P. (1986) "The Forms of Capital" in ed. J. G. Richardson Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (Westport: Greenwood Press): 241–258.
4. Richard Shweder and Robert Levine (1986). Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. *American Ethnologist. Journal of the American Ethnological Society*, eds November: 807–809.
5. Benfield E. *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* [Moral foundations of a backward society] / transl. from English. Moscow: New publishing house, 2019. 216 p. (Freedom Library). (In Russ.)

6. Dr. Manisha Shah. Cultural Hybridity: A Postcolonial Concept (2016). *International Journal of English Language, Literature and Humanities*, vol. IV, issue XII, december.

7. North D. C. and Denzau A. T. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions. *Kyklos*, 1994, 47(1), pp. 3–31.

8. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Cultural Reproduction and Social Reproduction*. London: Tavistock, 2000.

9. Emirbayer, Mustafa, and Eva M. Williams. Bourdieu and social work. *Obzor social'nyh sluzhb* [Social Services Review], 2005, 79(4), pp. 689–724. (In Russ.)

10. Lawrence Harrison. *Evrei, konfuciancy i protestanty: kul'turnyj kapital i konec mul'tikul'turalizma* [Jews, Confucians and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism] / transl. from English. Y. Kuznetsov. Moscow: Thought, 2019. 286 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Перминова Юлия Валерьевна

Yulia V. Perminova

магистр культурологии, аспирант
Томский государственный университет

Master of Cultural Studies, Postgraduate Student
Tomsk State University

634050, Россия, Томск, ул. Ленина, д. 36а

36a, Lenina Str., Tomsk, 634050, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

19.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

11.09.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

11.10.2023

*Материалы, публикуемые в рамках
XVI Международной научной конференции
«Семиозис и культура: стратегии и практики
межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года*

Научная статья / Article

УДК 81–22

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-41>

Финские пьесы на русской сцене: опыт перевода

Надежда Станиславовна Братчикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, n.bratchikova@mail.ru

***Аннотация.** Объектом исследования являются пьесы на финском языке, предназначенные для постановки в Финском театре в дореволюционной России¹. Предмет исследования составляют юмористические, фразеологические и диалектные выражения в финских пьесах и их перевод на*

© Братчикова Н. С., 2023

¹ Рассматриваемые в статье пьесы хранятся в фонде Театральной библиотеки Санкт-Петербурга. Фонд сохранен с дореволюционного времени и включает около полутысячи цензурованных экземпляров пьес на финском языке.

русский язык. Материал исследования включает две комедии, написанные на финском языке разными авторами в конце XIX – начале XX века для Финского театра, созданного в Великом княжестве Финляндском и ставившего представления также в дореволюционном Санкт-Петербурге.

Цель исследования: установить способы перевода на русский язык финских юмористических, фразеологических и диалектных выражений. Актуальность исследования: сложившаяся в последнее десятилетие социолингвистическая ситуация в России обострила интерес к театральным постановкам на прибалтийско-финских языках. Театральная деятельность помогает процессу ревитализации национальных языков и культур. Однако исследований особенностей перевода на русский язык драматургических пьес, написанных на прибалтийско-финских языках, недостаточно. Научная новизна: исследован финноязычный театральный материал с точки зрения перевода на русский язык. В работе представлены способы перевода финских юмористических, фразеологических и диалектных выражений. Методологической основой исследования являются сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий проанализировать национальный юмор и найти эквивалентные по смыслу выражения в русском и карельском языках, метод лингвостилистического анализа, дающий возможность изучить художественно-речевую систему произведения, и метод дискурсивного анализа, раскрывающий смысл выражений, которые употребляли современники изучаемых пьес. Гипотеза: финский национальный юмор можно передать подбором близких по смыслу шуток народов Севера. Вариантом перевода речевых особенностей персонажей, диалектных выражений является разговорная лексика и эквивалентные выражения из фразеологического фонда карельского и русского языков.

Ключевые слова: театральная пьеса, финский язык, перевод, юмористические, фразеологические и диалектные выражения, разговорная лексика

Для цитирования: Братчикова Н. С. Финские пьесы на русской сцене: опыт перевода // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 41–56. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-41>

Finnish Plays on the Russian Stage: Experience of Translation

Nadezhda S. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia, n.bratchikova@mail.ru

Abstract. *The object of the research is Finnish-language plays intended for staging in the Finnish Theatre in pre-revolutionary Russia. The subject of the research comprises humorous, phraseological, and dialect expressions in Finnish plays and their translation into Russian. The research material includes two comedies written in Finnish by different authors in the late 19th and early 20th centuries for the Finnish Theatre, which was established in the Grand Duchy of Finland and performed in pre-revolutionary Saint Petersburg. The aim of the research is to establish methods of translating Finnish humorous, phraseological, and dialect expressions into Russian. The relevance of the research lies in the interest in theatrical productions in Baltic-Finnish languages, which has been sparked by the sociolinguistic situation in Russia over the past decade. Theatrical activities contribute to the process of revitalizing national languages and cultures. However, there is a lack of research on the peculiarities of translating dramaturgical plays written in Baltic-Finnish languages into Russian. Scientific novelty: for the first time, Finnish-language theatrical material has been examined from the perspective of translation into Russian.*

The paper presents methods of translating Finnish humorous, phraseological, and dialect expressions. The research is based on a comparative-comparative method, which allows for analyzing national humor and finding equivalent jokes and expressions in Russian and Karelian languages. The linguistic stylistic analysis method is employed to study the artistic and linguistic system of the works, while the discourse analysis method reveals the meanings of expressions used by contemporaries of the studied plays. The hypothesis is that Finnish national humor can be conveyed by selecting jokes that are similar in meaning to those of Northern peoples. The translation of the speech characteristics of characters and dialect expressions is achieved using colloquial vocabulary and equivalent expressions from the phraseological resources of Karelian and Russian languages.

Keywords: *theatrical play, Finnish language, translation, humorous, phraseological and dialect expressions, colloquial words*

For citation: Bratchikova N. S. Finnish Plays on the Russian Stage: Experience of Translation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 4: 41–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-41>

Введение. В конце XIX – начале XX века в Санкт-Петербурге и на территории Ингерманландии ставились спектакли на финском языке, что объяснялось политической, социальной и культурной ситуацией в Российской империи и Великом княжестве Фин-

ляндском². На театральные представления приходили мелкие торговцы, кустари и ремесленники, служащие учреждений, рабочие, служители в частных домах, а также члены их семей. Актерские труппы не имели собственного здания и гастролировали по местам компактного проживания финнов и ингерманландцев на территории царской России. Постановки спектаклей стали важной частью общественно-политической жизни страны, они сыграли заметную роль в становлении национального театрального искусства разных народов российского государства³.

Материалом исследования являются одноактные комедии С. Суомалайнена [псевдоним Самули С.] «Дядюшка» (1898) [3] и Ю. Хейлалы «Собрание булочников» (1905) [4]. Перевод пьес выполнен автором статьи. Рассматриваемые тексты отдалены от современного читателя значительной исторической дистанцией, но в культурно-географическом плане они близки ему, что допускает в работе переводчика обращение к фонду пословиц и фразеологических единиц народов близлежащих культур, а именно карельской. Кроме того, русская и финская театральные культуры взаимообогащались и дополняли друг друга в течение всей истории своего существования. Такое благоприятное взаимодействие расширяет арсенал переводческих приемов и средств, подсказывая пути решения проблем.

Перевод драматургических произведений для сценических постановок составляет предмет дискуссий переводчиков и театральных деятелей, в ходе которых обсуждаются переводческие решения по адаптивированию текста перевода с учетом соблюдения принципа играбельности, ведется поиск баланса между сохранением духа эпохи и

² На рубеже веков Санкт-Петербург пользовался высокой привлекательностью среди финляндцев, превратился в центр финляндской иммиграции. В 1881 г., на пике финской иммиграции в Россию, численность финнов в столице составила 24 374 человека. Финское население имело и в других городах Петербургской губернии. Согласно сведениям на 1910 г., в Кронштадте, в частности, проживали 703 финна, в Ямбурге – 530, в Шлиссельбурге – 342, в Царском Селе – 320, в Колпино – 250. Подавляющее большинство примерно 110-тысячного сельского финского населения Петербургской губернии составляли местные финны-ингерманландцы, в уездах губернии, по данным переписи 1897 г., насчитывалось лишь 11 196 финляндских подданных [1].

³ См. Такала И. Р., Спажева И. А. Национальный театр Карелии: вехи истории [2], интервью Паули Ринне. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HUjVN_6LMqM (дата обращения: 11.09.2023)

иной культуры и осовремениванием текста перевода исходя из запросов зрителей XXI века.

Краткий обзор научной литературы. Обсуждение дилеммы верности автору или зрителю в переводе и театральной постановке позволило исследователям сделать вывод о необходимости осмысления особенностей художественного культурного бытия всех народов только в контексте их собственной истории, религии и социальной действительности. Глубина восприятия чужеродного драматического искусства определяется личностным началом и ментальными характеристиками зрительского зала [5, с. 110].

Перевод драматических произведений носит междисциплинарный характер [6–9] и осуществляется на пересечении переводческого и театрального (сценического) дискурсов [10–13].

Финские исследователи отмечают повышенный интерес зрительской аудитории к уже знакомым литературным персонажам и сюжетам в связи с отсутствием современных оригинальных сценариев [14].

Фундаментальной работой, посвященной проблемам театрального перевода на материале финского языка, является коллективная монография под редакцией С. Аалтонен «Переведенные иллюзии: перевод драматических произведений в финском театре» («Käännetyt illuusiot näytelmäkääntäminen suomalaisessa teatterissa», 1998). Большинство исследователей приходит к единому выводу о второстепенности вербальной семиотики в общей системе театральной семиотики [15, с. 9]. Авторы статей отмечают, что благодаря высокой квалификации театральных переводчиков версия письменного перевода пьесы достаточно близка сценическому варианту [15, с. 11]. При анализе текста и его особенностей переводчик задумывается над вопросами, которые стоят и перед актером, режиссером, костюмером и световым дизайнером.

Одной из самых сложных и трудных задач является передача на целевой язык игры слов. Языковая игра всегда многозначна и соотносима только с определенным языком и культурой. В исследовании финского лингвиста А. Хаутакоски случаи языковой игры были классифицированы по категориям: на основе фонетики – гомофония и паронимия, на основе морфологии – выдуманные слова и словосоче-

тания, на основе семантики – омонимия и полисемия, и, наконец, в категорию прагматики вошли измененные выражения и аллюзии [16]. Как отмечает автор публикации, при переводе игры слов необходимо вызвать адекватную реакцию получателя текста. Обнаружение культурно обусловленных ссылок в тексте требует от переводчика хорошей общей информированности. В ходе анализа стратегий перевода языковой игры исследователь установила, что переводчики чаще всего обращаются к замене исходного выражения эквивалентным ему в целевом языке (50 %). Второй по популярности стратегией является использование перевода без игры слов (43 %), и далее следуют риторические приемы (3 %), которые А. Хаутакоски рекомендует «смелее использовать в переводе» [16, с. 69–70].

Большой интерес для переводчика представляет диссертация финского филолога С. Суракка (Surakka), в которой рассматривается перевод книги “Precious” (Сапфир, 2010)⁴ с африкано-американского языка на хельсинкский разговорный язык. Переводчик активно использовал разнообразные лексические средства, обращался к грамматическим приемам и некоторым фонетическим характеристикам, креативно оперировал ресурсами уличного сленга, что соответствовало общественному статусу главной героини как выходца из низшего социального класса и городской среды [17].

Особенности передачи диалектной речи в переводе рассматриваются в статье Э. Питкясало «Диалект или язык – языковая политика в основе выбора стратегии перевода», в которой изучаются версии переводов на финский и трансильванский венгерский языки романа Б. Похьянена «Сын главаря контрабандистов» (Jorrapikuninkhaan poika, 2009) [18]. Роман написан на меянкиеле⁵. Возможность или невозможность перевода диалекта наводит Э. Питкясало на размышления о положении национальных языков и меньшинств, о государственной языковой политике, о проблеме

⁴ В финской версии произведение опубликовано под названием «Precious – История девочки из Гарлема» (пер. Кристины Дрюс, 2010).

⁵ Меянкиели (фин. meänkieli), или торнедальский финский, является одним из диалектов финского языка или отдельным языком, получившим официальный статус языка меньшинств в Швеции [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/54780>].

языка и диалекта. Исследователь приходит к выводу, что перевод диалекта в его чистом виде, вероятно, является невозможной задачей, но можно создать иллюзию диалектной речи различными способами, используя отдельные диалектные слова, изменяя порядок слов для передачи ритма речи, употребляя повторы, частицы, короткие предложения или слова и выражения, типичные для разговорной речи [18, с. 185].

Результаты исследования и их обсуждение. Пьеса С. Суомалайнена [Samuli S.] «Дядюшка» относится к комедии положений, в которой представлены две противостоящие друг другу жизненные позиции – жить по велению сердца, как хочет Вяйне Айронен, мечтающий стать великим актером, или по разуму, как живет его прагматичный дядюшка Арвелин. Разность характеров порождает пространство для шуток и забавных ситуаций, например связанных со сменой ролей. Юный Айронен разыгрывает дядюшку, переодеваясь то в девушку, то в дряхлого больного старика. Ему удается вжиться в образ и убедить богатого родственника в своем актерском призвании.

Пьеса Ю. Хейлалы «Собрание булочников» относится к комедии нравов, в которой источником смешного является внутренняя суть нравов, смешная и уродливая однобокость характеров. Комедия высмеивает такие человеческие слабости, как пьянство, надменность и жадность.

Оригинальные персонажи в комедиях имеют первостепенное значение. В пьесах появляются местные простоватые сельские жители. Например, сапожник Пеллопяэ (Pellonpää) из комедии «Дядюшка» и булочник мастер Крендель (Rinkeli) из комедии «Собрание булочников» выглядят как неуклюжие парни. Реплики этих персонажей имеют просторечный характер и отражают их невежественность. Отражение этого в тексте пьес и их переводах достигается намеренным искажением фонетического звучания слов: вместо «маэстро» используется слово *majisteri* 'маистер', слово «представитель» заменяется на *repesentantti* 'реперзентант'. Имена и фамилии иностранного происхождения звучат в устах персонажей на финский лад, с оглушением звука [б] в начале слова, например имя ос-

нователя финского театра К. Бергбома (K. Bergbom, 1843–1906) произносится как *Perpumikki*, герой пьесы Шекспира «Макбет» Банко звучит как *Pankko*. В переводах фонетические искажения сохранены: «Перкпум» и «Панкко».

Персонажи обращаются друг к другу насмешливо и неуважительно. В переводах на русский язык было принято решение использовать уменьшительно-ласкательные прозвища, например, при обращении к прислуге – “*nassikka*” (букв. бочонок) «коротышка», “*oppipojan nulikka*” (букв. ученик подмастерья, пацан) «недоучка». Слово «пацан» заменено разговорным «недоучка», чтобы показать социальный статус персонажа – ученик ученика. Обращение к жене в пьесе о булочниках *tejän tamma* («наша мамулечка») переведено как «моя женушка», что объясняется культурными предпочтениями русскоязычного реципиента.

Автор комедии «Собрание булочников» высмеивает простых деревенских жителей, решивших во что бы то ни стало выглядеть образованными людьми, владеющими иностранными языками. Невежество и неуклюжее подражание манерам высшего общества представляют героев в комическом свете. Реплики персонажей перенасыщены неуместными заимствованиями. Демонстрируя знание этикета и переживая за его несоблюдение, жена одного из булочников произносит исковерканные шведские слова: *Sehän olisi paljon fiinimpiä tulla vähän myöhemmin kuin toiset* [4, с. 14] «Было бы больше **комильфо** припоздниться». С учетом читательской аудитории шведское слово *fiini* (букв. изысканный, эlegantный) в переводе заменено на французский лад, устаревшим «комильфо» (*comme il faut* – как должно), употребление которого было широко распространено в конце XIX – начале XX века. *Se on simppeä, simppeä sanon minä* [4, с. 14] «Ох, как **вульгарно**, как **вульгарно**, скажу я». Обращение к иностранной лексике вызвано стремлением булочницы выглядеть госпожой, однако при этом она выставляет себя посмешищем, так как тут же произносит просторечную реплику: *Minä pakahdun kiukusta* [4, с. 18] (букв. разорвусь от бешенства) – «я сейчас лопну со злости». Хозяин пекарни господин Крендель старается отличаться от стоящих ниже по ран-

гу его гостей – подмастерьев и прислуги. Он чаще других обращается к иноязычной лексике, например обыкновенную закуску под водку Крендель называет *trahamentti*” от нем. *traktament* – букв. ‘угощение’: *Pane trahamentti kuntoon* [4, с. 24]. Переводческим решением было использование просторечного слова ‘закусон’ вместо ‘закуски’, чтобы придать слову оттенок иноязычного звучания: «Сообрази закусон».

Диалектные слова, которые часто употребляются в пьесе Суомалайнена «Дядюшка», в переводе были заменены разговорными конструкциями: *kyllä teä nyt on sitä vihon viimeistä* [3, с. 6] (букв. это уже слишком) – «это уже перегиб». Контекст комедии подсказал перевод следующих выражений с использованием разговорного слова «добряк», хотя в тексте оно отсутствует: *kun neät se mielenloatu* [3, с. 6]; *on mulla se mielempi loatu* [3, р. 5]; *ja se mielenii loatu on mulla niin lauhkiata sorttia* [3, с. 21] (букв. раз уж у меня такой склад характера) – «раз уж я такой добряк, да характер у меня такого мягкого свойства».

Для передачи на русский язык диалектных форм переводчик обратился к фонду фразеологических единиц и просторечных оборотов: *Jotta sill aikoo kuin työ siellä soarnata poasuatte, niin mittees, jos tässä näinikkään joutessaan panis piippuun?* [3, с. 6] – «Покуда вы там всякие антимионии разводите, я покамест затянусь?» Русский пословичный фонд помог подобрать перевод выражения *Jopa ois tuokii sommoo nähä* [3, с. 10] (букв. даже подобное можно увидеть) «Такие чудеса, что дыбом волоса». Уместность обращения к народным пословицам оправдана простонародным происхождением персонажа и соответствует его речевому портрету.

В комедии «Дядюшка» игра словами выступает как своеобразная форма остроумия. Она позволяет усилить комический эффект, например выражение *tulla tijaatteria pellomaan* [3, с. 5] – «играть в театр» – получает в тексте значение ‘лицедействовать, кривляться’. С таким же смыслом используется выражение *pelata kometiijoo* [3, с. 7] – «играть комедию». Главный персонаж пьесы громогласно заявляет о своем профессиональном выборе, говоря, что он *menee teaateriin* [3, с. 9] – «уходит в театр».

В любой части Финляндии есть собственный юмор, который характеризуется своими особенностями и уникальными шутками. Шутки являются короткими, но тщательно продуманными и иногда довольно ядовитыми. Они касаются всех сфер жизни. С помощью юмора финны выдерживают трудности и проблемы жизни.

В комедии «Дядюшка» часто звучат шутки, авторство которых приписывается жителям города Пори⁶. Обращение к авторитету обитателей Пори, на наш взгляд, можно объяснить тем, что Пори является центром местного юмора, где постоянно подсмеиваются над его незадачливыми жителями⁷. Ключевым персонажем шуток всегда выступает житель мужского пола, который является наполовину выдуманным, наполовину реальным персонажем. Этот народный персонаж концентрирует в себе коллективный опыт, притворяется, что прожил различные житейские ситуации. Рассказчик подает намек на то, что все происходящее является глупостями и притворством и поэтому вызывает смех. Порильский юмор грубоват и несколько неуклюж, однако он прекрасно вписывается в контекст комедии. Шутки со ссылкой на опыт обитателя Пори произносит только один персонаж, сапожник Пеллонпяэ.

При передаче этих шуток на русский язык использовался прием вольного перевода, когда шутка менялась на отчасти похожую. Оригинальный юмор теряется, но при этом сохраняется настроение: *Äläst ny, sanoi Porilainen* [3, с. 5]. (букв. прекращай). «Брехня!» – сказал житель Пори». Реплика прозвучала, когда Пеллонпяэ было предложено сыграть роль мертвеца из трагедии Шекспира «Макбет». *Ols vai ny, sanoi Porilainen* [3, с. 6] (букв. будь только сейчас) «Давай без лишнего базара», – сказал житель Пори». Фраза произнесена в контексте долгого ожидания исполнения актером Айро-ненем сцены из трагедии Шекспира.

В качестве приема перевода шуток был использован прием рифмования. В высказываниях последние звуки строк совпадают или

⁶ Пори находится в Западной Финляндии.

⁷ Подобные центры юмора находятся в карельской деревне Киндасово, датском городке Орхус. В русской культуре подобное явление описано в цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина «Посехонские рассказы».

имеют схожее звучание: *Pal pīree ja pāree, sanoī Porilainen* [3, с. 12]. «Огонь все жарче и ярче», – сказал житель Пори». Эту реплику произносит сапожник Пеллонпяэ, предвкусывая конфликт между племянником и дядюшкой. *Oleks nāhny nātei flikoi? sanoī Porilainen* [3, с. 12] (букв. встречал ли таких красоток). «И личиком бела, и с очей мила», – сказал житель Пори». Реплика звучит, когда сапожник увидел Айронена в женском одеянии. Пытаясь найти решение в конфликте между родственниками, Пеллонпяэ произносит поговорку: *Pirä pāäll' joka sääll' sanoī Porilainen* [3, с. 9] «Одному покориться, другому уступить», – сказал житель Пори».

Перевод этих поговорок требует от переводчика широкой эрудиции и, конечно, глубокого понимания текста произведения.

Заключение. Перевод драматургических произведений представляет собой один из видов литературного творчества. В настоящее время он актуален, поскольку позволяет совершенствовать профессиональное переводческое мастерство, благодаря которому произведения национальной литературы получают широкую известность и популярность среди представителей других культур.

Интерес к дореволюционным драматическим произведениям связан с проектами по ревитализации национальных языков. Они позволяют прикоснуться к истории культуры и быта разных народов, изучить особенности языков, способы и приемы перевода лингвистических конструкций.

Стратегия доместикации является надежным способом вызвать интерес зрителя к драматическим произведениям. Особенность перевода драматических произведений заключается в безупречном отражении сценического живого слова. Для оказания эмоционального воздействия на зрителя переводчику в процессе работы над текстом следует уделять большое внимание образительно-выразительным средствам, позволяющим придать литературному тексту особую образность. Дух эпохи сохраняется с помощью реалий, поэтому при переводе лингвокультурных единиц важно сохранить культурологическую и историческую ценность слов и выражений. Как показало исследование, фразеологические единицы, речевые особенности персонажей, диалектные выражения переводятся с помощью разговорных и просторечных кон-

струкций. Шутки можно передать, обращаясь к приему вольного перевода или подбирая эквивалентные по смыслу текстовые сообщения из пословичного фонда языка реципиента. Интертекстуальность и аллюзии требуют высокой эрудиции переводчика.

Сюжеты, наполненные ярким ходом событий, напоминают переводчику о необходимости внимательного отношения к ремаркам, сохранения в тексте перевода всех деталей мизансцен. В тексте перевода пьесы должны быть учтены интонационная сторона речи и условия ее постановки на сцене, предусмотрены творческие приемы артистов (мимика, жесты, произношение и паузы).

Список источников

1. Мусаев В. И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX – начало XX века). URL: <https://rhga.ru/science/conferences/spbse/2006/musaev.htm> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Такала И. Р., Спажева И. А. Национальный театр Карелии: вехи истории // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. URL: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=786> (дата обращения: 07.07.2023).
3. Samuli S. (Suomalainen). Setä. Kuopio. Kuopion uusi kirjapaino. 1898. 34 p.
4. Heilala Y. Pullan pyörittäjän kokous. Seuranätelmiä № 27. Hämeenlinna, Boman & Karlsson's kustannus. 1905. 37 p.
5. Осипова Э. В. Театральное искусство Дальнего Востока как пространство межкультурных коммуникаций: проблемы зрительского восприятия в контексте «свой – чужой» // Известия Восточного института. 2018. № 1 (37). С. 97–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnoe-iskusstvo-dalnego-vostoka-kak-prostranstvo-mezhkulturnyh-kommunikatsiy-problemy-zritelskogo-vozpriyatiya-v-kontekste-svoy> (дата обращения: 30.07.2023).
6. Жиличев П. Е. Коммуникативная структура драматургии абсурда (на материале русской и английской литературы XX–XXI вв.): автореф. ... канд. филол. наук / НГПУ. Новосибирск, 2022. 24 с. URL: <file:///C:/Users/nbrat/Downloads/autoref-kommunikativnaya-struktura-dramaturgii-absurda-na-materiale-russkoi-i-angliiskoi-literatury.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).
7. Шойбонова С. В. Особенности художественного перевода (на примере бурятской драматургии) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 11 (91). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-khudozhestvennogo-perevoda-na-primere-buryatskoj-dramaturgii.html> (дата обращения: 30.07.2023).
8. Пасекова Н. В. Некоторые особенности перевода драматических произведений Теннесси Уильямса на русский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.

Симферополь: Ариал, 2021. С. 268–273. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45750096> (дата обращения: 30.07.2023).

9. Дашинимаева П. П. Теория перевода. Психолингвистический подход : учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.

10. Борисенко Ю. А., Макаров С. С. Проблемы перевода драматических произведений (на материале пьесы Д. Эдгара «Тестируя эхо») // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. Т. 11. С. 78–86. URL: <https://journals.udsu.ru/multilingualism/issue/view/348> (дата обращения: 30.07.2023).

11. Булгутова И. В. Роль перевода в современном литературном процессе Бурятии // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и восточного зарубежья: Проблемы межкультурной коммуникации. Владивосток, 2019. С. 94–97.

12. Кокарева Е. А. Особенности перевода драматических произведений с русского языка на датский (на примере пьес А. П. Чехова и Д. И. Фонвизина). URL: <https://core.ac.uk/works/63213063> (дата обращения: 30.07.2023).

13. Цыремпилов А. О., Тараскина Я. В. Эволюция взглядов на сценический перевод в XX и XXI веках: на примере постановок пьес У. Шекспира в бурятском театре драмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 186–190. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/41.html (дата обращения: 30.07.2023).

14. Ala-Korpela A. Teatteri elää murrosta: Saisiko olla vaellusteatteria tunturissa vai käykö sirkus? URL: <https://www.lapinkansa.fi/teatteri-elaamurrosta-saisiko-olla-vaellusteatter/88641> (дата обращения: 30.07.2023).

15. Aaltonen S. Käännetyt illuusiot näytelmäkäytäminen suomalaisessa teatterissa. Tampere, Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala 1998. 178 p. URL: https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/68079/kaannetyt_illuusiot_1998.pdf?sequence=1 (дата обращения: 30.07.2023).

16. Hautakoski A. Huumori kääntäjän käsissä: Sanaleikkien kääntäminen televisiosarjassa Arrested Development / Tampere, Tampereen yliopisto, Pro gradu-tutkielma, 2013. 86 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/250133098.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).

17. Surakka S. Stadin slangia ja Helsingin puhekieltä Harlemissa – Afrikkalaisamerikkalaisen englannin kääntäminen suomenoksessa Precious – Harlemilaistyön tarina. Helsinki. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, 2022. URL: <https://helda.helsinki.fi/items/cdaedefa-8b88-474e-a5d5-05a8b51d570d> (дата обращения: 30.07.2023).

18. Pitkäsalo E. Murrettä vai kieltä – kielipolitiikka käännösstrategian valinnan taustalla // Folia Uralica Debreceniensia 22. Debrecen, 2015. pp. 181–190. URL: https://finnugor.arts.unideb.hu/fud/fud22/fud22cikkek/14_pitkasaloeliisa.pdf (дата обращения: 30.07.2023).

References

1. Musaev V. I. *Migracionnye kontakty mezhdu Peterburgskoj i Vyborgskoj guberniyami (XIX - nachalo XX veka)* [Migration contacts between St. Petersburg and Vyborg provinces (XIX - early XX centuries)]. Available at: <https://rhga.ru/science/conferences/spbse/2006/musaev.htm> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
2. Takala I. R., Spazheva I. A. National Theater of Karelia: milestones in history. *Al'manah severoevropejskih i baltijskih issledovanij* [Nordic and Baltic Studies Review], 2017, issue 2. Available at: <https://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=786> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
3. Samuli S. (Suomalainen). *Setä. Kuopio. Kuopion uusi kirjapaino*. 1898. 34 p.
4. Heilala Y. *Pullan pyörittäjän kokous. Seuranätelmiä № 27*. Hämeenlinna, Boman & Karlsson's kustannus. 1905. 37 p.
5. Osipova E. V. Theatrical art of the Far East as a space of intercultural communications: problems of audience perception in the context of "friend or foe". *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Oriental Institute], 2018, no 1 (37), pp. 97–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnoe-iskusstvo-dalnego-vostoka-kak-prostranstvo-mezhkulturnyh-kommunikatsiy-problemy-zritelskogo-vospriyatiya-v-kontekste-svoy> (accessed 30.07.2023). (In Russ.)
6. Zhilichev P. E. *Kommunikativnaya struktura dramaturgii absurda (na materiale russkoy i angliyskoy literatury XX–XXI vv.)* [Communicative structure of the dramaturgy of the absurd (on the material of Russian and English literature of the XX–XXI centuries): abstract. ... cand. Philol. Sciences] / NSPU. Novosibirsk, 2022. 24 p. Available at: <file:///C:/Users/nbrat/Downloads/autoref-kommunikativnaya-struktura-dramaturgii-absurda-na-materiale-russkoi-i-angliiskoi-literatury.pdf> (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)
7. Shojbonova S. V. Features of literary translation (using the example of Buryat drama). *Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal* [Philological aspect: International scientific and practical journal], 2022, no 11 (91). Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-khudozhestvennogo-perevoda-na-primere-buryatskoj-dramaturgii.html> (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)
8. Pasekova N. V. Some features of the translation of Tennessee Williams' dramatic works into Russian. *Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Translation discourse: an interdisciplinary approach : materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Simferopol', Arial, 2021. Pp. 268–273. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45750096> (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)
9. Dashinimaeva P. P. *Teoriya perevoda. Psiholingvisticheskij podhod: uchebnik* [Translation theory. Psycholinguistic approach : textbook]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat gos. un-ta, 2017. 360 p. (In Russ.)

10. Borisenko Yu. A., Makarov S. S. Problems of translation of dramatic works (based on the play "Testing the Echo" by D. Edgar). *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve* [Multilingualism in the educational space], 2020, vol. 11, pp. 78–86. Available at: <https://journals.udsu.ru/multilingualism/issue/view/348> (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)

11. Bulgutova I. V. The role of translation in the modern literary process of Buryatia. *Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i Vostochnogo zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoj kommunikacii* [Literature and culture of the Far East, Siberia and Eastern abroad. Problems of intercultural communication]. Vladivostok, 2019, pp. 94–97. (In Russ.)

12. Kokareva E. A. *Osobennosti perevoda dramaticheskikh proizvedenij s russkogo yazyka na datskij (na primere p'jes A. P. Chekhova i D. I. Fonvizina)* [Peculiarities of translation of dramatic works from Russian into Danish (using the example of plays by A. P. Chekhov and D. I. Fonvizin)]. Available at: <https://core.ac.uk/works/63213063> (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)

13. Cyrepilon A. O., Taraskina Ya. V. Evolution of views on stage translation in the 20th and 21st centuries: on the example of productions of William Shakespeare's plays in the Buryat drama theater. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2018, no 6 (84), part 1, pp. 186–190. Available at: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/41.html (accessed: 30.07.2023). (In Russ.)

14. Ala-Korpela A. *Teatteri elää murrosta: Saisiko olla vaellusteatteria tunturissa vai käykö sirkus?* Available at: <https://www.lapinkansa.fi/teatteri-ela-murrosta-saisiko-olla-vaellusteatter/88641> (accessed: 30.07.2023).

15. Aaltonen S. *Käännetyt illuusiot näytelmäkääntäminen suomalaisessa teatterissa*. Tampere, Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala 1998. 178 p. Available at: https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/68079/kaannetyt_illuusiot_1998.pdf?sequence=1 (accessed: 30.07.2023)

16. Hautakoski A. *Huumori kääntäjän käsissä: Sanaleikkien kääntäminen televisiosarjassa Arrested Development*. Tampere, Tampereen yliopisto, Pro gradu -tutkielma, 2013. 86 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/250133098.pdf> (accessed: 30.07.2023)

17. Surakka S. *Stadin slangia ja Helsingin puhekieltä Harlemissa – Afrikalaisamerikkalaisen englannin kääntäminen suomenoksessa Precious – Harlemilaistytön tarina*. Helsinki. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, 2022. Available at: <https://helda.helsinki.fi/items/cdaedefa-8b88-474e-a5d5-05a8b51d570d> (accessed: 30.07.2023)

18. Pitkäsalo E. *Murretta vai kieltä – kielipolitiikka käännösstrategian valinnan taustalla. Folia Uralica Debreceniensia* 22. Debrecen, 2015, pp. 181–190. Available at: https://finnugor.arts.unideb.hu/fud/fud22/fud22cikkek/14_pitkasaloeliisa.pdf (accessed: 30.07.2023).

Сведения об авторе / Information about the author

Братчикова Надежда Станиславовна

Nadezhda S. Bratchikova

доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой финно-угорской филоло-
гии филологического факультета Мос-
ковского государственного университе-
та имени М. В. Ломоносова; профессор
кафедры лингвистики и профессио-
нальной ориентации в области полити-
ческих наук Московского государствен-
ного лингвистического университета
119991, Россия, Москва, Ленинские го-
ры, д. 1

Doctor of Philology, Associate Profes-
sor
Lomonosov Moscow State University,
Moscow State Linguistic University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	02.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	15.10.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	01.11.2023

Научная статья / Article

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-56>

**Понятийная организация кинематографической
терминосистемы русского языка**

Наталья Николаевна Лоскутова¹

Алла Владимировна Гутникова², Юлия Геннадиевна Федорова³

^{2, 3} Мариупольский государственный университет им. А. И. Куинджи,
Мариуполь, Россия

² agutnikova@mgumariupol.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5222-1791>

³ julfedorova84@gmail.com, <https://orcid.org/000-0001-8325-6439>

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятийной организации кинематографической терминосистемы в русском языке. Описаны и проанализированы тематические группы кинематографической терминосистемы русского языка, а также охарактеризованы ее ядерные, центральные и пери-*

ферийные конституенты. Выявлено, что наибольшее распространение в исследуемой терминосистеме получили центральные термины, производные от ядерных кинематографических терминов, что обусловлено прогрессом и совершенствованием кинематографической терминосистемы. Лексико-семантический анализ кинематографических терминов русского языка позволил выделить 13 тематических групп. Формирование тематических групп обусловлено внеязыковыми факторами, такими как, например, возникновение новых кинематографических технологий, кинематографических течений, создание нового кинооборудования. Выделенные тематические группы являются открытыми, что свидетельствует о постоянном развитии кинематографической терминосистемы русского языка.

Ключевые слова: термин, терминосистема, кинематографическая терминосистема, тематическая группа, ядерные термины, центральные термины, периферийные термины

Для цитирования: Лоскутова Н. Н., Гутникова А. В., Федорова Ю. Г. Понятийная организация кинематографической терминосистемы русского языка // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 56–75. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-56>

Concept Organization of the Cinematographic Terminosystem of the Russian Language

Nathalie N. Loskutova¹

Alla V. Gutnikova², Yuliya G. Fedorova³

^{2, 3} Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi, Mariupol, Russia

² a.gutnikova@mgumariupol.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5222-1791>

³ julfedorova84@gmail.com, <https://orcid.org/000-0001-8325-6439>

Abstract. *The article is devoted to the study of the conceptual organization of the cinematic-graphic terminological system in the Russian language. The thematic groups of the cinematographic terminological system of the Russian language are described and analyzed, and its core, central and peripheral constituents are characterized. It has been revealed that the most widespread in the terminological system under study are the central terms derived from nuclear cinematic terms, which is due to the progress and improvement of the cinematic terminological system. The lexico-semantic analysis of cinematic terms in the Russian language made it possible to single out 13 thematic groups. The formation of thematic groups is due to extralinguistic*

factors, such as, for example, emergence of new cinematographic technologies, cinematographic trends, and creation of new cinematographic equipment. The selected thematic groups are open which indicates the constant development of the cinematic terminological system of the Russian language.

Keywords: *term, term system, cinematographic term system, thematic group, core terms, central terms, peripheral terms*

For citation: Loskutova N. N., Gutnikova A. V., Fedorova Yu. G. Concept Organization of the Cinematographic Terminosystem of the Russian Language. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 4: 56–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-56>

В память о погибшей коллеге

Введение. Человек отражает в языке окружающую объективную действительность, фиксирует знания, закрепляет достижения культуры, науки и техники. Как следствие, в лексике общенационального языка возникает огромное количество специальных лексических единиц – терминов, нуждающихся в упорядочении и унификации. Стремительное распространение киноискусства, его интеграционный и глобальный характер способствовали появлению кинематографической терминосистемы, которая нашла свое специфическое вербальное и понятийное отражение в национальных языках стран, пользующихся достижениями кинематографии.

В связи с этим важным представляется исследование особенностей происхождения, формирования и развития кинематографических терминов (далее – КТ), которые представляют собой огромный массив терминологических единиц, используемых не только в сфере кинематографической терминологии, но и в общеупотребительной лексике, а также в терминологии смежных наук и дисциплин. По мнению С. Мамедовой, «невозможно приобретать знания, распространять последние достижения науки и техники без адекватной терминологии» [1, с. 427].

Данное исследование посвящено анализу и исследованию понятийной организации кинематографической терминосистемы в русском языке.

Теоретическая база. Теоретической базой исследования послужили фундаментальные работы в области терминоведения таких известных ученых, как Г. О. Винокур, Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, А. В. Суперанская, С. Д. Шелов [2–10]. Целью терминоведения является управление процессом создания и употребления терминов, содействие рационализации профессионального общения. Собственный предмет изучения составляют терминологии и терминосистемы, а термин становится одновременно и объектом, и предметом терминоведения [6]. Центральное положение в терминоведении занимает стандартизируемый научно-технический термин, который должен соответствовать ряду требований для того, чтобы именоваться термином, а именно требованию системности, моносемности, точности, логичности, лаконичности, нейтральности, лингвистической правильности и деривативности (см.: [11, с. 6; 12, с. 9; 7, с. 38–55; 8, с. 166; 13, с. 213]).

Лингвисты рассматривают термин как трехслойную сущность, в которой выделяется предметное знание, логическое осмысление и речевое выражение [6, с. 30; 9, с. 17]. Лексическая единица, представляющая термин, является его естественно-языковым субстратом, специальные понятия составляют его логический суперстрат, а между ними находятся содержательные и формальные признаки термина [6, с. 30–31].

В нашей работе под термином, вслед за В. М. Лейчиком, мы будем понимать лексическую единицу определенного языка для специальных целей, обозначающую общие понятия теории определенной специальной области знаний или деятельности [14, с. 32]. Исходя из этого определения, кинематографический термин – слово или словосочетание, обозначающее кинематографическое понятие, которое отражает специфику явлений киноискусства и киноиндустрии.

Одной из основополагающих характеристик термина является его системность, которая предполагает, что в пределах определенной терминосистемы термин существует не сам по себе, а только как «совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых единиц» (см.: [14, с. 226]). Рассматривая особенности структуры КТ РЯ как

системы, мы будем опираться на ее полевую природу, поскольку именно полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, где происходит взаимодействие и взаимопроникновение. Терминологическое поле – это своеобразная область функционирования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками [15, с. 25].

В своей характеристике терминологических семантических полей мы придерживаемся следующих положений концепции: во-первых, терминополь являются адекватным отражением информативно значимых профессиональных объектов действительности; во-вторых, моделирование полей – это доступный и эффективный способ познания особенностей профессиональной деятельности; в-третьих, терминополь представляют собой унифицированную на системной основе многоуровневую классификационную структуру, которая объединяет термины однородной сферы профессиональной деятельности; в-четвертых, построенное поле может стать основой создания специальных словарей идеографического характера и служить базой построения научных дефиниций.

Методологическая основа. Цель работы – описать полевую структуру КТ РЯ, охарактеризовав ее ядерные и периферийные конститuenty, а также описать и проанализировать тематические группы КТ РЯ. **Задачи** включают в себя следующее: определить основные характеристики терминологического поля; выделить ядерные и периферийные термины КТ РЯ; охарактеризовать основные единицы ядра и периферии; выделить основные тематические группы КТ РЯ. **Объектом** исследования выступает КТ РЯ, а предметом – тематические особенности русских КТ. Применяемые **методы** исследования: описательно-аналитический, метод лингвистического моделирования, прием тематической классификации, метод компонентного анализа, метод словарных дефиниций. Материал исследования составляют 4947 КТ, собранных методом сплошной выборки. Источником эмпирического материала послужили лексикографические и терминографические источники; ки-

нематографические интернет-ресурсы¹ и терминологические базы данных [16; 17].

Стратификационное структурирование кинематографической терминосистемы русского языка. Структурирование и классификацию терминов, относящихся к одному терминологическому полю, принято осуществлять на различных основаниях – лингвистических и внеязыковых [11, с. 213].

Поскольку термины отражают внеязыковую действительность, организованную на основе логически оформленных представлений о существенных свойствах и предметно-логических связях предметов, вполне закономерным является их упорядочение в виде четко очерченных тематических групп (далее – ТГ). В научной литературе подчеркивается, что терминологическое поле определенной терминосистемы является «иерархической структурой из множества терминологических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» (см.: [8, с. 68]).

Главным интегральным признаком терминов, объединенных в определенную ТГ, является их денотативная отнесенность, которая лежит в основе определения семантических полей. То есть термины объединяются в ТГ на основании экстралингвистических свойств предметов и явлений действительности (сходство или общность функций, характеристик, качеств, черт). Исследователи указывают на такие важные признаки ТГ, как разнотипность языковых отношений между ее членами и неоднородность их частеречного состава (см.: [18, с. 215; 19, с. 46]). Группирование терминов, находящихся в одной понятийной плоскости, должна осу-

¹ Словарь кинематографических терминов. URL: <http://www.educationmode.ru/waedus-583-1.html> (дата обращения: 10.02.2023); Кинематографические термины/ru. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Категория:Кинематографические_термины/ru (дата обращения: 10.02.2023); Словарь терминов по режиссуре кино и видеофильма. URL: <https://studopedia.org/1-140417.html> (дата обращения: 12.07.2023).

ществляться на основании гипонимического принципа с соответствующими классификационными отношениями [5, с. 132].

КТ русского языка весьма разнообразны по своей тематике. Это обусловлено тем, что кинематография олицетворяет сплав достижений многих отраслей науки, культуры и техники. Под киноискусством понимается творческая деятельность, направленная на создание художественных произведений и образное самовыражение автора с помощью результатов киносъемок.

Кинематография соединила в себе как традиционные профессиональные, так и пространственные и временные виды искусства, став техногенным искусством, которое покорило мир. Будучи «ожившей картинкой», она в первую очередь обязана своим рождением фотоискусству, которое дало ей ключевые понятия (*анастигмат, бленда, десенсибилизация*). Литература обогатила кинематографию разнообразием жанровых возможностей (см.: [20, с. 17]) (*парабола, композиция, эпизод*). Театральное искусство дало не только названия жанров, но и наименования театральных амплуа, систем декораций для пространственного решения фильма, грима и костюмов для создания образа персонажей (*декорация, мистерия, комик*). Для образного решения кадра из области изобразительного искусства заимствовано понятие композиции, перспективы, цвета, света (*ателье, навильон, контраст*). Союз кино и музыки позволил эмоционализировать структуру фильма, оживить материал съемок (см.: [20, с. 23]) (*контрапункт, интонация, звук*). Не меньшую роль в становлении и развитии кинематографии сыграли хореографическое искусство, журналистика, радио, телевидение (*диктор, информация, киножурнал*). Вместе с тем кинематография – отрасль промышленности с разветвленной структурой, целью которой является изготовление, продвижение и показ кинофильмов.

В рамках этой статьи считаем необходимым осветить вопрос стратификационного структурирования КТ РЯ на ядерные и периферийные термины. Ядерные конститuentы характеризуются высокой частотностью, наивысшей системной ценностью, стабильностью, они именуют исключительно понятия кинематографической терминосистемы и представляют собой собственно КТ. Вокруг ядра располага-

ются термины околоядерной зоны (так называемые центральные термины): термины, производные от ядерных конститuentов, а также их синонимы (см.: [15, с. 211]). Термины периферии характеризуются малой лексической активностью, обладают низкой деривационной способностью, либо обозначают абстрактные понятия, либо являются терминами широкой семантики, понятными специалистам из многих областей знаний, а также широкой общественности.

Кинематографическое терминологическое поле в русском языке охватывает КТ, отражающие понятийную сферу кинематографии. Доминирующим критерием отбора является семантическая общность терминов, входящих в состав поля, общность предметно-понятийной сферы (принадлежность к сфере киноискусства или кинопроизводства), а также общность функций элементов поля.

Ядром КТ РЯ (6,9 % КТ) выступают термины, обозначающие ключевые понятия кинематографии, которые имеют интегральную ядерную сему «соотнесенность с кинематографической отраслью», а также узкоотраслевые кинематографические понятия, отсутствующие в других терминосистемах: *дубляж, звукоаппаратура, интертитр*.

Терминами-доминантами КТ РЯ являются термины *кино* и *фильм*. Термин *кино* является апокопой от *кинематограф*. В течение первых нескольких лет со времен изобретения кинематографии этот термин обозначал съемочный или проекционный аппарат. Затем в значении съемочного аппарата в языке закрепляется заимствованный термин *камера*, а для обозначения проекционного аппарата используется КТ *кинопроектор*. Впоследствии термин *кинематограф* вследствие расширения значения начинает обозначать систему создания и показа фильмов, разработанную братьями Люмьер: *черно-белый кинематограф, документальный кинематограф*.

Успех изобретения братьев Люмьер был огромен, кинематограф распространяется повсеместно: создаются киностудии, организуются показы фильмов, изобретаются и разрабатываются материалы, средства, имеющие отношение к киноделу. Соответственно, значение КТ *кинематограф* продолжает расширяться, и вскоре под ним понимают: 1)

искусство создания фильмов, технику съемок; 2) деятельность, связанную с реализацией и коммерциализацией кинопродукции; 3) совокупность кинопроизведений; 4) просмотровый, проекционный зал, кинотеатр.

В начале XX в. в русский язык из немецкого проникает усеченный вариант термина *кинематограф* – кино: *Kinematographie* – *Kientopp* – *Kino* – кино. По аналогии со словами французского происхождения в русском языке происходит перемещение ударения на последний слог.

С течением времени кинематография завоевывает весь мир и превращается в полноценный вид искусства, становится индустрией досуга и компонентом медиакультуры. КТ РЯ стремительно развивается, и термин *кинематограф* используется все реже, в основном в специализированной технической литературе, под ним обычно понимают киноаппарат, киноискусство или кинотеатр (устаревшее значение).

В свою очередь, термин *кино* становится многозначным, количество его значений увеличивается, он аккумулирует в своей семантической структуре значения термина *кинематограф* и обозначает такие понятийные сферы: 1) производственный процесс создания фильмов; 2) демонстрация фильмов; 3) технические методы, приемы киноискусства; 4) кинотеатр; 5) кинематография как специфический вид искусства; 6) кинофильм.

Что касается термина-доминанты *фильм*, он является англоязычной лексемой, которая в литературном языке имела значение «покров, пленка, мембрана», а с 1889 г. стала обозначать целлулоидную перфорированную пленку, которая использовалась в кинетоскопе Т. Эдисона. В КТ РЯ термин *фильм* начинают использовать после 1910 года. При этом в течение некоторого времени данная лексема имела две формы – *фильм* и *фильма* по аналогии с существительными *лента*, *картина* (см.: [21, с. 20]), но со временем, учитывая интернационализацию лексем *фильм*, КТ *фильм* вытесняет из употребления форму женского рода.

С течением времени КТ *фильм* приобретает значение отдельного произведения киноискусства, которое развивается вслед-

ствии метонимического переноса. Следует отметить, что в КТ РЯ термин *фильм* образует самые большие терминологические гнезда, насчитывая 149 производных: *фильм фактов, романтический фильм, игровой короткометражный фильм*.

Кроме терминов *кино* и *фильм* основными ядерными компонентами в КТРЯ являются термины *кинорежиссер, кадр, киноэкран, кинокамера*, обозначающие значимые понятия сферы кинематографии. Они обладают высокой частотностью, свободно соединяются с другими КТ и выступают основой для образования производных терминов: *сценарий – телесценарий – сценарист*.

К единицам ядра мы также относим КТ, которые обозначают аппараты и устройства, используемые в кинопроизводстве (*стедикам, трюкмашина, цейтлупа*), разновидности и составляющие кинотворчества (*трейлер, сток-шот, план*), процессы кинопроизводства (*киносъёмка, кинопроба, кинопрокат*), а также термины, обозначающие технические понятия и их характеристики (*панорадность, киногоеничность*).

Отметим, что подавляющее большинство ядерных терминов составляют заимствованные КТ (315 терминов из 341), представленные либо интернациональными лексемами, которые обозначают ключевые кинематографические понятия, либо англицизмами, именующими узкоотраслевые понятия: *кинограмма, рирэкрэн, сериал*.

Околоядерную зону в КТ РЯ формируют центральные термины (77,9 %), представленные производными моно- и полилексемными терминами: *диафрагмировать, режиссер-монтажер, полицейский боевик*.

Центральные термины, образованные от ядерных терминов, передают видовые или аспектные понятия и являются гипонимами к ядерным КТ.

Периферию КТ РЯ составляют термины, связанные с кинематографией дифференцирующими семами (15,1 %); это термины, употребляемые не только в исследуемой терминосистеме, но и в других областях знания. Периферию можно разделить на зоны ближней и дальней периферии. В зоне ближней периферии распо-

ложены базовые термины, привлеченные из терминосистем фотографии, театра, литературы, живописи, оптики, акустики, химии, механики. Данные термины используются как в кинематографической терминосистеме, так и в указанных терминосистемах без значительного изменения значения, они являются фундаментом для дальнейшего развития понятий в КТ РЯ: *базис, актер, грим*.

К зоне дальней периферии относим общенаучные и общетехнические понятия, а также термины широкой семантики. Общенаучные и общетехнические термины обозначают соответствующие понятия, их семантика одинакова во всех сферах знания, но в каждой конкретной отрасли она конкретизируется по-своему: *аппарат, блок, интервал*. Терминами широкой семантики являются общеупотребительные лексемы, которые изменяют свое значение в зависимости от той терминосистемы, в которую они входят, при этом сохраняя только общее нетерминологическое значение: *группа, заявка, смена*.

Как видно из приведенных статистических данных, центральные термины доминируют в КТ РЯ. Это свидетельствует о том, что, во-первых, кинематографическая терминосистема является постоянно прогрессирующей отраслью человеческой деятельности, которая с течением времени совершенствует свою технику. Это вызывает появление новых, а чаще уточнение уже имеющихся понятий.

Периферийные термины занимают второе место, значительно уступая в количестве центральным КТ и вдвое превышая ядерные КТ. Периферийные термины, которые могут функционировать с подобным значением во многих терминосистемах, – монологемны, потому что, входя в состав кинематографической терминосистемы, они конкретизируют свое значение, приобретают уточняющие компоненты и таким образом становятся производными, а следовательно, могут переместиться к центру.

Ядерные термины представлены наименьшим количеством КТ, поскольку количество узкоотраслевых понятий ограничено и они коррелируют с появлением новых денотатов: появится новое

собственно кинематографическое понятие – соответственно, появится термин для его обозначения.

Тематические группы кинематографической терминосистемы русского языка. Сложная структура киноискусства и кинопроизводства с присущей им спецификой и своеобразием образуют понятийную сферу КТ РЯ. В процессе классификации терминов в ТГ мы опирались на идеографические словари О. С. Баранова, В. В. Морковкина; тематические классификации КТ С. И. Алаторцевой, Г. С. Ключевой и О. Н. Лебедевой [16; 17; 21–23].

Анализ теоретических источников показал, что авторы группируют термины в те или иные ТГ на основе предметной общности слов. Мы сделали попытку обобщить имеющийся материал. Анализ понятийной сферы КТ РЯ выявил следующие ТГ и их подгруппы:

1) ТГ аппаратов, механизмов, устройств, используемых в кинопроизводстве, и их составных частей (детали и принадлежности кинооборудования): *секционный операторский кран, кинопроекторный контрольный экран, звукомонтажный стол;*

2) ТГ процессов кинопроизводства – объединяет семь подгрупп для обозначения названий подготовительного периода, съемочного процесса, монтажно-тонировочного периода, озвучивания, тиражирования, кинопроката и демонстрации: *кадрирование, кастинг, экранизация;*

3) ТГ разновидностей кинематографического творчества и составляющих художественного и технического решения экранного произведения охватывает две подгруппы: видовая и жанровая структура кинематографии, а также составляющие художественного решения экранного произведения и его сюжетно-образной концепции: *кинороман, фильм-сказка, хоррор;*

4) ТГ технических понятий, имеющих отношение к кинопроизводству, их характеристик и свойств. Эта группа содержит наименование абстрактных технических понятий, характеризующих киноматериал: *гибкость киноленки, стойкость изображения, контрастность освещения;*

5) ТГ материалов и веществ, используемых в кинопроизводственном процессе, включает в себя две подгруппы: одна подгруппа объединяет наименование химических реактивов, растворов и веществ, необходимых для кинопроизводственного процесса; вторая подгруппа содержит названия видов носителей аудиовизуальной информации и их компоненты (киноплёнка, негативы, позитивы, фильмокопии, оптические диски): *цветной проявитель, дубильный раствор, позитивная киноплёнка;*

6) ТГ профессий, специальностей лиц, занятых в производстве или имеющих отношение к кинематографии, охватывает профессии основного творческого коллектива, руководящего состава, работников кинопроката, работников цехов киностудии, специалистов в области киноискусства, специалистов, занятых в производстве и обработке киноплёнки: *кинооператор-постановщик, киносценарист, дублер;*

7) ТГ способов, методов, приемов реализации кинопроцесса – содержит названия разновидностей кинематографических технологий: *скрытая камера, блуждающая маска, подмена;*

8) ТГ специальных величин и единиц измерения, используемых в кинопроизводстве и киноискусстве: *люкс, нит, индекс прибыли;*

9) ТГ помещений, зданий специального назначения, их частей и целых предприятий – содержит пять подгрупп, которые объединяют названия помещений, предназначенных для съёмки и обработки фильма, для обработки киноплёнки и оптических дисков, кинокопировальные помещения, помещения для кинопроката и демонстрации фильма, помещения для реставрации и хранения киноматериалов: *звуковой павильон, гримерная, киногород;*

10) ТГ профессиональных кинообъединений, организаций, учреждений, течений: *кинокомитет, кинокомпания, кинокорпорация;*

11) ТГ документов, используемых в кинопроцессе: *синопсис, экспозиционный список, экспликация;*

12) ТГ составляющих актерского мастерства и амплу актеров: *мика, коронная роль, типажность;*

13) ТГ дисциплин, наук, отраслей, относящихся к киноделу: *кинематографическая антропология, кинотеория, социология кино.*

Следует заметить, что наша классификация не является исчерпывающей, поскольку терминологический аппарат кинематографической терминосистемы постоянно обновляется и пополняется.

Статистический анализ функционирования ТГ в КТ РЯ свидетельствует о распространенности ТГ аппаратов, механизмов, устройств, используемых в кинопроизводстве, и их составных частей (22,7 %). Это обусловлено тем, что процесс кинопроизводства является достаточно трудоемким и на каждом этапе используется большое количество аппаратуры и техники, для того чтобы получить наиболее качественный продукт кинотворчества. Так, только для наименования модификаций киносъёмочных аппаратов по формату и назначению используется 62 КТ (5,5 % от количества данной ТГ): *цифровой аппарат, профессиональный съёмочный аппарат.* Для обозначения кинопроекционной аппаратуры используется 34 наименования (3 % от количества данной ТГ): *широкоэкранный кинопроектор, голографический кинопроектор, цифровой кинопроектор, кинопроектор для панорамных фильмов.*

Также значительное количество терминов используется для обозначения основных элементов конструкции кинооборудования, некоторые из этих терминов используются только в наименованиях киноаппаратуры (48 % от количества данной ТГ): *счетчик кадров, видопоисковик, конусный обтюратор.*

На втором месте (15,8 %) располагается ТГ разновидностей, фрагментов и параметров кинотворчества: *снаф, маргинальное кино, научная фантастика.* В данную группу вошли две подгруппы, классифицированные по следующим направлениям: видовая и жанровая структура кинематографии (*криминальный сериал, телероман, историческая драма*), а также составляющие художественного решения экранного произведения и его сюжетно-образной концепции (*саспенс, большой эллипс, саундтрек*).

ТГ процессов кинопроизводства находится в КТ РЯ на третьем месте по количеству сгруппированных терминов (13 %). Как уже от-

мечалось, данная ТГ содержит подгруппы, которые подробно воспроизводят все стадии производства фильмов: от замысла до тиражирования и кинопроката: *пичинг, подбор локации, сканирование киноплёнки*.

Наименьшее количество в КТ РЯ охватывает ТГ составляющих актерского мастерства и амплу актеров (0,9 %) и ТГ дисциплин, наук, отраслей, относящихся к киноделу (0,9 %). Это связано с ограниченным кругом вопросов в сфере кинематографии, которые исследуются. В основном киноведов интересуют проблемы изучения теории и истории кино, его выразительных средств и форм, вопросы исследования социологии фильма, киносемантики, взаимосвязей кино и театра, кино и телевидения и т. д.: *кинодекорационное искусство, теория кинопрактики Ноеля Берча, кинодокументалистика*. Также ограничен и круг ролей, соответствующий внешним и внутренним данным актеров: *резонер, травести, шериф*.

В процессе объединения терминов в ТГ было замечено, что в КТ РЯ очень распространено явление синонимии: в начале существования почти все КТ в русском языке были заимствованными, впоследствии к ним был подобран национальный аналог: *батальный фильм – военный фильм, андеграунд – подпольное кино, ситком – комедия положений*.

Формирование КТ РЯ обусловлено экстра- и интралингвистическими факторами, в результате чего исследуемая терминосистема пополняется как исконными терминами, так и терминами иноязычного происхождения, что позволяет говорить о неоднородности лексического состава кинематографической терминосистемы. В русском языке иноязычные термины преобладают над исконными, что объясняется тем, что ни один язык не в состоянии удовлетворять потребностям номинации исключительно собственноразличным материалом, поэтому языки вынуждены прибегать к заимствованиям. Термины, относящиеся к исконной лексике в КТ РЯ, – это преимущественно термины общеславянского и собственно русского происхождения.

Подобное тематическое распределение КТ в дальнейшем может служить базой для создания словаря идеографического типа (идиоматического или тематического). В идеографическом слова-

ре термины распределены по ТГ (или логико-понятийный полям) на основе общности их тематических элементов, без принятия во внимание их языковых отношений и связей. Понятийное содержание лексики классифицируется и систематизируется на логической основе, и основной единицей такого словаря считается семантическое поле или лексико-семантическая группа. Преимущество идеографического словаря в том, что он позволяет быстро ориентироваться в огромном массиве лексики (см.: [17, с. 3]). И потребность в нем ощущается именно при сравнительном изучении лексических единиц разных языков: каждый язык по-своему членит общий смысловой континуум и проследить специфику такого членения в лексике разных языков является важной задачей сравнительного языкознания. В нашем случае выделенные ТГ отражают результаты семантической классификации КТ РЯ, а более детальное исследование их смыслового наполнения в различных языках позволит понять, почему именно такой термин лег в основу номинации.

Перспективным считаем создание тематического кинематографического словаря наиболее употребительных КТ, который будет полезен как для специалистов в области киноискусства, так и для лингвистов. В данный момент все также дискуссионными остаются критерии принадлежности языковых единиц к терминологии и маркеры выделения этих единиц в текстах. В перспективе развития терминоведения видится решение вопроса о соотношении синонимии и вариативности терминологии, отношении соподчиненности: какой термин является более общим, а какой выполняет функцию гипонима. Учитывая, что ряд исследователей проводит различия между терминами-синонимами, с одной стороны, и терминами-дублетами – с другой, необходимо дать эксплицитные маркеры явлениям терминологической дублетности, эквивалентности и их соотношению с терминологической синонимией или развести их как разнопорядковые явления.

Заключение. Таким образом, в кинематографическом терминологическом поле русского языка можно выделить ядерные, центральные и термины периферии, среди которых наибольшее распространение получили центральные термины, производные от ядерных кинематографических терминов, что обусловлено про-

грессом и совершенствованием кинематографической терминосистемы. Лексико-семантический анализ кинематографических терминов русского языка позволил выделить 13 тематических групп на основе общих семантических признаков терминов и предметно-логических связей между денотатами. Формирование тематических групп обусловлено внеязыковыми факторами, такими как, например, возникновение новых кинематографических технологий, кинематографических течений, создание нового кинематографического оборудования. Выделенные тематические группы являются открытыми, поскольку кинематографическая терминосистема русского языка находится в развитии и совершенствовании. Связи, объединяющие термины в тематические группы, имеют экстралингвистический характер, а сами они представляют собой открытые блоки кинематографических терминов.

Список источников

1. Mamedova S. Terminological process in the Azerbaijani press during the years of independence // *Przegląd Wschodnioeuropejski* II. 2011. S. 427–433.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // *Труды Московского института истории, филологии и литературы*. М.: ЛИТЕРА, 1939. Т. 5. С. 3–54.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 105 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Канделаки Т. Л. Опыт разработки принципов упорядочения терминологии (Конструирование словарей системного типа) // *Современные проблемы русской терминологии / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. П. Даниленко*. М.: Наука, 1986. С. 124–140.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 462 с.
8. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // *Современные проблемы русской терминологии / АН СССР, Ин-т рус. яз., отв. ред. В. П. Даниленко*. М.: Наука, 1986. С. 163–198.
9. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. *Общая терминология: вопросы теории*. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.

10. Шелов С. Д. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21. М., 1995. 35 с.
11. Загоровская О. В., Данькова Т. Н. Термин и терминология : монография. Воронеж: Научная книга, 2011. 145 с.
12. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения : учеб. пособие. Киев: УМК ВО, 1989. 312 с.
13. Татаринев В. А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1996. 403 с.
14. Скворцов Л. И. Вопросы терминологии и терминотворчества в эпоху НТР // *Терминология и культура речи*. М.: Наука, 1981. С. 5–28.
15. Иванова Е. В. Терминологическое поле «аффинаж» в современном русском языке // *Вестник КемГУ*. 4 [52]. Т. 3. С. 210–218.
16. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка: 4166 ст. М.: ЭТС, 1995. 814 с.
17. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Наука, 1970. 69 с.
18. Вендина Т. И. Введение в языкознание : учебник для академ. бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 333 с.
19. Шулякина Ю. С. Лексика тематической группы «характер и поведение человека» в говорах Ивановской области : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2014. 22 с.
20. Вайсфельд И. В. Кино как вид искусства. М.: Знание, 1983. 142 с.
21. Лебедева О. Н. Русская кинематографическая лексика (структурно-семантический анализ) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Днепропетровск, 1984. 205 с.
22. Алаторцева С. И. Новая кинематографическая лексика в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1984. 281 с.
23. Ключева Г. С. Номинация в сфере киноискусства : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1989. 16 с.

References

1. Mamedova S. Terminological process in the Azerbaijani press during the years of independence. *Przegląd Wschodnioeuropejski* II. 2011, S. 427–433.
2. Vinokur G.O. On some phenomena of word formation in Russian technical terminology. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Moscow: LITERA, 1939. Vol. 5. Pp. 3–54. (In Russ.)
3. Golovin B.N., Kobrin, R.YU. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah* [Linguistic foundations of the doctrine of terms]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 105 p. (In Russ.)

4. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: the experience of linguistic description]. Moscow: Nauka, 1977. 246 p. (In Russ.)
5. Kandelaki T. L. Experience in developing principles for organizing terminology (Construction of system-type dictionaries). *Sovremennye problemy russkoj terminologii / AN SSSR, In-t rus. yaz., otv. red. V. P. Danilenko* [Modern problems of Russian terminology]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 124–140. (In Russ.)
6. Lejchik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow: Izd-vo LKI, 2007. 256 p. (In Russ.)
7. Lotte D. S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961. 462 p. (In Russ.)
8. Reformatskij A. A. Thoughts on terminology. *Sovremennye problemy russkoj terminologii / AN SSSR, In-t rus. yaz., otv. red. V. P. Danilenko*. [Modern problems of Russian terminology]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 163–198. (In Russ.)
9. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: questions of theory]. Moscow: LIBROKOM, 2012. 248 p. (In Russ.)
10. Shelov S. D. *Opyt postroeniya terminologicheskoy teorii: znachenie i opredelenie terminov: avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.21*. [Experience in building terminological theory: meaning and definition of terms: author. ... doct. Philol. Sciences]. Moscow, 1995. 35 p. (In Russ.)
11. Zagorovskaya O. V., Dan'kova T. N. *Termin i terminologiya: monografiya* [Term and terminology: monograph]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2011. 145 p. (In Russ.)
12. Kiyak T. R. *Lingvisticheskie aspekty terminovedeniya : ucheb. posobie* [Linguistic aspects of terminology : studies. stipend.]. Kyew: UMK VO, 1989. 312 p. (In Russ.)
13. Tatarinov V. A. *Istoricheskie i teoreticheskie osnovaniya terminovedeniya kak otrasli otechestvennogo yazykoznanija : dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.19*. [Historical and theoretical foundations of terminology as a branch of foreign linguistics : diss. ... doct. Philol. Sciences]. Moscow, 1996. 403 p. (In Russ.)
14. Skvorcov L. I. Issues of terminology and term creation in the era of scientific and technological revolution. *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and culture of speech]. Moscow: Nauka, 1981, pp. 5–28. (In Russ.)
15. Ivanova E. V. Terminological field “affinage” in modern Russian language. *Vestnik KemGU* [Bulletin of the Kurgan State University], 4 [52], vol. 3, pp. 210–218. (In Russ.)
16. Baranov O. S. *Ideograficheskij slovar' russkogo yazyka: 4166 st.* [Ideographic dictionary of the Russian language: 4166 art.]. Moscow: ETS Publ., 1995. 814 p. (In Russ.)
17. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow: Nauka, 1970. 69 p. (In Russ.)

18. Vendina T. I. *Vvedenie v yazykoznanie : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. 4-e izd., pererab. i dop.* [Introduction to Linguistics : textbook for academic Baccalaureate]. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt, 2017. 333 p. (In Russ.)

19. Shulyakina Yu. S. *Leksika tematicheskoy gruppy "harakter i povedenie cheloveka" v govorah Ivanovskoy oblasti : avtoref. na soisk. uchenoj step. kand. filol. nauk: 10.02.01.* [Vocabulary of the thematic group "human character and behavior" in the dialects of the Ivanova region : author. ... cand. Philol. Sciences]. Yaroslavl', 2014. 22 p. (In Russ.)

20. Vajsfel'd I. V. *Kino kak vid iskusstva* [Cinema as an art form]. Moscow: Znanie, 1983. 142 p. (In Russ.)

21. Lebedeva O. N. *Russkaya kinematograficheskaya leksika (strukturno-semanticeskij analiz) : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.* [Russian cinematic vocabulary (structural and semantic analysis) : diss. ... cand. Philol. Sciences]. Dnepropetrovsk, 1984. 205 p. (In Russ.)

22. Alatorceva S. I. *Novaya kinematograficheskaya leksika v sovremennom russkom literaturnom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.* [New cinematic vocabulary in the modern Russian literary language : diss. ... cand. Philol. Sciences]. Leningrad, 1984. 281 p. (In Russ.)

23. Klyueva G. S. *Nominaciya v sfere kinoiskusstva : avtoref. na soisk. uchenoj step. kand. filol. nauk: 10.02.01.* [Nomination in the field of cinematography: author. ... cand. Philol. Sciences]. Moscow, 1989. 16 p. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Лоскутова Наталия Николаевна

кандидат филологических наук

Гутникова Алла Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Мариупольский государственный университет им. А. И. Куинджи 287500, Россия, Мариуполь, проспект Строителей, д. 129-А

Федорова Юлия Геннадиевна

кандидат филологических наук, доцент, Мариупольский государственный университет им. А. И. Куинджи 287500, Россия, Мариуполь, проспект Строителей, д. 129-А

Nathalie N. Loskutova

Candidate of Philology

Alla V. Gutnikova

Candidate of Philology, Associated Professor, Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi 129a, Stroitelej Avenue, Mariupol, 287500, Russia

Yuliya G. Fedorova

Candidate of Philology, Associated Professor, Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi 129a, Stroitelej Avenue, Mariupol, 287500, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

03.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

14.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

01.11.2023

УДК 821.511.112.0

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-76>

**Переводы коми поэзии на национальные языки
Республики Карелия (на примере творчества А. Ванеева,
В. Тимина, А. Ельцовой)**

Наталья Валерьевна Чикина

Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия
tchikina@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5419-3758>

Аннотация. *Литературное сотрудничество между финно-угорскими народами является неотъемлемой частью художественного процесса. Переводческая деятельность как составная часть любой литературы имеет большое значение на разных этапах ее развития. Исследованию коми-карельских литературных связей в российском литературоведении практически не уделялось внимания, а между тем взаимодействие писателей и ученых осуществлялось на протяжении всего XX столетия. Цель исследования – выявить литературные переводческие контакты писателей Коми и Карелии XX–XXI веков. Проведенный анализ позволил обнаружить публикации коми поэзии и прозы в переводах на русский, карельский и финский языки, изданные на территории Карелии как в средствах массовой информации, так и отдельными книгами. Отдельно проанализированы переводы стихотворений А. Ванеева, В. Тимина и А. Ельцовой на карельский и финский языки. Выявлены особенности переводов и основные переводческие стратегии.*

Ключевые слова: поэзия, проза, литература, перевод, Коми, Карелия

Благодарности: автор выражает благодарность Е. В. Остаповой за помощь в поиске материалов по творчеству В. Тимина; А. Ельцовой, предоставившей подстрочники своих стихов, а также критическую литературу по своему творчеству.

Финансирование осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089-0.

Для цитирования: Чикина Н. В. Переводы коми поэзии на национальные языки Республики Карелия (на примере творчества А. Ванеева, В. Тимина, А. Ельцовой) // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 76–87. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-76>.

Translations of Komi Poetry into the Republic of Karelia Ethnic Languages (works of A. Vaneev, V. Timin, A. Yeltsova as case studies)

Natalia V. Chikina

Karelian Research Centre Russian Academy of Science, Petrozavodsk, Russia,
tchikina@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5419-3758>

Abstract. *Literary cooperation between Finno-Ugric nations is an integral part of the creativity process. Translation work, as a component part of any literature, plays an important role in different stages of its evolution. Komi-Karelian literary relationships have been almost totally neglected by Russian Literature Studies although writers and scientists were in contact throughout the 20th century. The aim of this study was to identify the literary-translation contacts between the 20th-21st century writers from Komi and Karelia. The analysis found out the Komi poetry and prose translated into Russian, Karelian, and Finnish as publications in Karelian territory both in mass media and as separate books. Special analysis was carried out for Karelian and Finnish translations of poems by A. Vaneev, V. Timin, and A. Yeltsova. Characteristics of the translations and the main translation strategies were identified.*

Keywords: *poetry, prose, literature, translation, Komi, Karelia*

Acknowledgements: the author is grateful to E.V. Ostapova for helping finding material regarding the works V. Timin; to A. Yeltsova for providing gloss translations of her verses and critical reviews of her literature.

Funding: funded from the federal budget through state assignment to KarRC RAS № 121070800089-0.

For citation: Chikina N. V. Translations of Komi Poetry into the Republic of Karelia Ethnic Languages (works of A. Vaneev, V. Timin, A. Yeltsova as case studies). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 4: 76–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-76>

Введение. В настоящее время гуманитарное сотрудничество охватывает культурные связи. Контакты между писателями являются неотъемлемой частью социокультурного взаимодействия. Обмен книгами, личные встречи на творческих вечерах, съездах и конгрессах финно-угорских писателей приводят к активной переводческой деятельности.

Э. Г. Карху подчеркивал, что «уровень переводческого искусства для популяризации творчества наших национально-карельских поэтов чрезвычайно важен» [1, с. 78]. В частности, «Калевала» в переводе Л. Бельского явно оказала воздействие на коми литературный эпос «Биармия», написанный на русском языке К. Жаковым в начале XX века. К. Жаков использовал калевальский размер – хореический восьмисложник, и многие места его текста напоминают строки «Калевалы». На язык коми эпос «Биармия» перевел М. В. Елькин [2, с. 246]. Венгерский исследователь П. Домокош, также выделявший эпос «Калевала», составленный Э. Лённротом на основе карельских рун, подчеркивал его тесную взаимосвязь с эстонским эпосом «Калевипоэг», который не был бы создан без «Калевалы».

Конечно, знать все финно-угорские языки народов России невозможно, поэтому перевод чаще всего осуществляется по подстрочнику, выполненному самим автором оригинала, или уже имеющемуся переводу на русский язык. Учитывая эту особенность, предполагается тесное взаимодействие переводчика с автором, если тот жив. Когда перевод осуществляется на русский язык, автор оригинала имеет возможность его оценить. Если же произведение переводится на один из языков народов России, которым автор не владеет, здесь ему приходится лишь довериться искусству переводчика. Так, например, о своем опыте взаимодействия с карельскими поэтами А. Волковым и Н. Абрамовым писал переводчик А. Расторгуев [3].

Само обращение к русскому языку обязывает авторов творить по законам русской литературы, в русле ее традиций, поэтому в творчестве многих писателей Карелии прослеживается взаимопроникновение русской и карельской художественной традиции. Поэты и прозаики, выступившие в качестве переводчиков

творчества коми-писателей, помогают русскоязычным читателям увидеть своеобразие литературы республики.

Теоретико-методологические основы исследования. В научной литературе по переводоведению XX век именуют «веком перевода» [4, с. 4]. Благодаря высокому статусу переводчика и организованным при Союзах писателей национальных республик секциям художественного перевода переводилось большое количество произведений. В карельском литературоведении анализ переводческой деятельности находился на периферии исследований, хотя количество переводов на русский и финский языки, выполненных в XX веке, впечатляет.

В. Г. Пантелеева отмечала, что «художественный перевод в современном мире (с том числе финно-угорском) становится целеустановкой, одним из реальных механизмов реализации интеграционной политики в области культуры» [5, с. 208]. Анализу переводов литературы на коми язык посвящена работа Е. В. Остаповой [6]. Материалом исследования стали публикации переводов произведений коми писателей в Карелии. Отдельно проанализировано творчество А. Ванеева, В. Тимина и А. Ельцовой. В основу исследования положены образно-семантический, контекстуальный, системно-субъектный подходы, которые интегрируются в едином сравнительно-сопоставительном анализе переводов.

Результаты исследования. Творчество коми писателей знакомо широкому кругу читателей Карелии благодаря публикациям в журнале «Север», который на протяжении многих лет является главным печатным органом писательских организаций Республики Карелия, Республики Коми, Архангельской, Мурманской и Вологодской областей. Писатели указанных выше регионов входят в редакционную коллегию журнала на постоянной основе. В разные годы в нем публиковались произведения коми писателей в переводе на русский язык, рецензии на книги, очерки, критические статьи. Так, карельские читатели познакомились с поэзией С. Попова, рассказами Г. Юшкова, критикой А. Микушева.

Дни литературы, искусства и культуры Коми АССР, проходившие в июне 1986 г. в Карелии, были представлены на страницах республиканской газеты «Ленинская правда» творчеством коми поэтов и про-

заиков: Н. Мирошниченко, М. Елькина, Е. Козловой, И. Торопова и А. Ванеева, в переводах на русский язык карельских авторов Е. Николаевой, Э. Тулина, В. Линьковой, В. Сергина, С. Панкратова, И. Костина.

У А. Ванеева установились прочные связи с карельскими коллегам. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранится переписка с языковедом, доктором филологических наук Г. М. Кертом, которому 1 февраля 2023 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, поэтами И. А. Костиным, А. И. Мишиным [7, с. 546].

К расширению взаимного интереса к переводам привели поездки представителей Карелии и Коми на конгрессы финно-угорских писателей, которые проводятся с 1989 г. В результате, например, на коми переведено стихотворение «Слово о ливах» А. Волкова (переводчик В. Тимин). Творчество коми поэтов А. Елфимовой, А. Ельцовой, Г. Юшкова, И. Куратова, В. Лодыгина, Н. Обрезковой, С. Попова, В. Попова, А. Суворова, В. Тимина, А. Ванеева и других переведено на карельский и финский языки.

Остановимся подробнее на переводах на карельский и финский языки произведений А. Ванеева (1933–2001), В. Тимина (1937–2015) и А. Ельцовой (род. 1979). Особенность коми языка, при котором ударение в словах обычно падает на первый слог, а в карельском и финском языке всегда на первом слоге, приводит к выбору одинаковых стихотворных размеров, таких как хорей и дактиль.

А. Волков (25 декабря 2023 г. исполнится 95 лет со дня рождения) перевел два стихотворения А. Ванеева «На севере кружится снег» (посвящено венгерскому профессору Д. Фокош-Фуксу) и «Родную землю чувствует и птица...» на карельский язык. Поскольку автор статьи не владеет коми языком, анализ переводов осуществлялся посредством переводов с русского языка, опубликованных ранее.

Стихотворение «Родную землю чувствует и птица...» (пер. с коми А. Расторгуева) в переводе на карельский язык "Joga linnul ota tua on rakas..." (букв. «У каждой птицы родная земля любимая...») впервые опубликовано в 2002 г. Выбор переводчика пал на это стихотворение, видимо, потому, что А. Волков известен своей активной гражданской позицией по защите карельского языка. Смысл произведения сохранен, однако стихотворный размер дру-

гой. Это связано с особенностью карельского языка, при котором ударение в словах всегда ставится на первый слог. В качестве примера приведем третью, заключительную строфу:

До смертного конца не расплатиться	Tämä mua on minun verisuonis,	Эта земля в моих кровеносных сосудах,
за хлеб за соль земли. И от и до	Süötti, juotti lämmän levon ual.	Ест, пьет под теплой крышей.
меня поймет ликующая птица,	Kevätlindu igävissäh kuolis,	Весенняя птица в тоске умерла бы,
в краю родимом вьющая гнездо.	Ku ei olis peziä omal mual.	Если бы не было гнезда на родной земле.
(Пер. с коми А. Расторгуева)	(Пер. на карел. яз. А. Волкова)	Подстрочный перевод с карел. Н. В. Чикиной

Обращает на себя внимание и измененная пунктуация.

Перевод второго стихотворения А. Ванеева, «На севере кружится снег» («Lumi rüögiü Pohjolas»), претерпел гораздо большие преобразования. Так, в названии изменена последовательность слов «Снег кружится на Севере», что привело к изменению интонации, но не смысла. Как и в первом случае, переводчиком использован другой стихотворный размер. Переставлены местами вторая и третья строфы. Из географических названий упомянуты Эжва, Будапешт, опущен Сыктывкар, но вместо него включены «берега Коми», а также добавлена Европа.

Интересен образ войны, представленный А. Волковым как разбушевавшаяся природная стихия:

Война шла дорогой жестокой,	Puolisual sil oli tulen iškuu,	На половине той был удар молнии,
Но, веря в наш общий успех,	Pühän jürüü Jevropan muan piäl,	Святая гроза на земле Европы,
Сквозь отблески пламени, Фокош,	Sinun, Fokoš, mieles ainos istuu	В твоих, Фокош, мыслях всегда сидит
Ты видел, как кружится снег.	Pohjolan muan lumituisku siä.	Снежная метель земли Севера.
(Пер. с коми И. Лашкова) [8, с. 234]	(Пер. на карел. яз. А. Волкова)	Подстрочный перевод с карел. Н. В. Чикиной

А. Мишин (Хийри) перевел на финский язык два стихотворения А. Ванеева: «Aallot» («Волны») и «Korpi» («Глушь»), которые

были опубликованы в 2002 г. Стихотворение «Волны» на коми языке опубликовано в последнем прижизненном одноименном сборнике А. Ванеева «Гыяс» («Волны») в 1999 г. Е. Ф. Ганова, анализируя книгу, отмечала, что «это скорее исповедь автора, его самоанализ пройденного пути, его биография со взлетами и падениями, когда взлеты значительные, оставляющие след в жизни, а падения – это след в сердце, на нервах, на состоянии души» [9, с. 25].

Действительно, в стихотворении «Волны» поэт не только вспоминает свою жизнь, но и беспокоится о судьбе России. На русский язык это стихотворение в переводе А. Расторгуева было опубликовано в сборнике А. Ванеева «Лебединая дудка» (Сыктывкар, 2013). Учитывая дату публикации перевода на финский язык, можно предположить, что А. Мишин перевел это стихотворение раньше и, скорее всего, с подстрочника.

А. Мишин не стал разбивать произведение на строфы, как это сделано в оригинале, и изменил пунктуацию. Особенно интересным нам кажется перевод строк о России: “Kohtalon päivä perääntyköön./ Venäjää vihuri kiertäköön” («День судьбы отступает./ Россию вихрь не закружил»). У А. Хийри он более приближен к оригиналу и констатирует, что все в порядке, заряжая нас оптимизмом.

В 2022 г. в Сыктывкаре вышел сборник статей, посвященный В. В. Тимину, который включал в себя исследовательские работы (Т. Л. Кузнецовой, А. В. Малевой, О. Н. Баженовой и других) о художественных особенностях поэзии и прозы автора, а также воспоминания коллег и родственников.

«Стихотворные размышления В. Тимина на рубеже веков о материальном и идеальном, духовном и чувственном, земном и божественном, близком и далеком не только раскрывают одну из сторон поэтического таланта автора, но и становятся еще одной, значимой вехой в истории коми поэзии XX в.», – отмечала Е. В. Ельцова [10, с. 42].

А. Хийри перевел стихотворение В. Тимина «Старая лошадь» на финский язык. Именно с публикации двух стихотворений – «Выходя на дорогу» и «Старая лошадь» – вошел в коми литературу в 1963 г. В. Тимин. По воспоминаниям самого автора, его друга до

сих пор шутят: «Тимин въехал в коми литературу на старом Пегасе» [11, с. 39].

Нам известно два перевода на русский язык стихотворения «Старая лошадь». Первый (переводчик А. Я. Алшутов) опубликован в сборнике стихов В. В. Тимина «Я пришёл из коми деревеньки» (Сыктывкар, 1982), второй (переводчик А. Суворов) – в сети Интернет.

Сопоставляя стихотворение Тимина в переводах на русский язык и перевод А. Хийри, приходим к выводу, что финский вариант имеет как структурные, так и смысловые изменения. Стихотворение Тимина в переводе А. Алшутова состоит из двух строф и 14 строк, вариант А. Суворова короче – 12 строк, а перевод А. Хийри включает 13 строк, и к тому же он отказался от разбивки на строфы. Оба перевода на русский язык выполнены ямбом, а у Хийри верлибром.

По мнению А. В. Суворова, «успешное переложение художественного текста с одного языка на другой зависит в первую очередь от внутреннего состояния переводчика» [12, с. 88]. Изменив смысл произведения, Хийри расставил несколько другие акценты. Герой Тимина идет по городу, и образ лошади, появившейся на дороге, рождает в нем воспоминания о далеком счастливом детстве. У Хийри героя нет, он обезличен: кто-то показывает на лошадь. «Табун машин» спешит вслед за ветром, в то время как у Хийри «холодный ветер с такси борется». Можно предположить, что герой едет в такси и наблюдает за действием со стороны. Лошадь Тимина ассоциируется с новым временем, которое своим ритмом отодвинуло ее на обочину, а в переводе Хийри лошадь сама выбрала путь – шагает по обочине дороги, хотя дорога не узкая, – как будто стесняется чего-то, своих «крестьянских» корней. Итог стихотворения одинаков: благодарность лошади за приятные воспоминания о детстве.

Даже пример одного этого произведения подтверждает выводы О. С. Зиявадиновой о философии поэта: «Связь с родом, с окружающим миром, чувство земли, память, духовная традиция определяют нравственную концепцию человека в поэзии В. В. Тимина» [13, с. 47].

А. Ельцова дебютировала в журнале «Север» в 1998 г., где были опубликованы ее стихи в переводе на русский язык. Творчество А. Ельцовой анализировали В. Латышева [14], Н. В. Горина [15], А. В. Малева [16] и другие. «Творчество Алены Ельцовой отличается особой меланхоличностью лирического мироощущения: это «лирика-тоска» – тоска по неосуществленному, быстротечно ускользаемому, невоплощенному, совершенному; лирическая героиня наблюдает мир сквозь призму воспоминаний и сновидений (образ жизни – зимнего сна), переживает воздействие неких «тайных» законов на судьбу человека и собственное бессилие перед нами», – писала А. Малева [17, с. 300].

На финский язык ее стихи «Небо» и «Среди сугробов мое село затерялось...» перевел А. Хийри. Переводчик опустил название стихотворения «Небо» и сразу начал повествование строками “*Katson taivaalle, kävelen...*” («Смотрю на небо, гуляю...»). Восторженный тон стихотворения Ельцовой в переводе звучит более спокойно, уравновешенно, хотя Хийри добавляет некоторые эмотивные акценты, которых нет в оригинале. Если у героини «От счастья кружится голова», то в переводе «Счастьем полно мое сердце».

Поскольку переводчик изменил не только интонацию, но и структуру стихотворения, выразившуюся в другой пунктуации и строфике, оказалась опущенной последняя строфа: «Иду и думаю – почему такую красоту/ Не можем мы вместе с Богом сберечь?». Героиня Хийри гуляет в одиночестве, в стихотворении чувствуется нотка грусти, хотя в оригинале, на наш взгляд, она не тоскует, а просто размышляет в момент счастья, оставшись наедине с собой.

Стихотворение «Среди сугробов мое село затерялось...» – в переводе “*Kylämme, lumihin kätkeytyen...*” (букв. «Наша деревня, в колыбели снега...») – также претерпело некоторые изменения в структуре (отсутствует разбивка на строфы, изменена пунктуация). Однако в смысловом отношении перевод удачен, но вновь возвышенный тон оригинала несколько принижен, более спокойный. Раз деревня «в колыбели снега», то ровная интонация сна здесь более уместна. Неожиданный образ, введенный

переводчиком, хоть и не совпадает с оригиналом, но прекрасно передает впечатления от зимнего пейзажа села.

Исследование показало, что межкультурная коммуникация осуществляется за счет гуманитарного сотрудничества. Однако большая часть национальной литературы так и остается недоступной широкому читателю по причине отсутствия переводов на русский язык. Переводчики коми поэзии на карельский и финский языки используют другие стихотворные размеры, по сравнению с оригиналами, меняют пунктуацию, порядок слов, что приводит к смене интонации. Используемые переводческие стратегии – методы замены и опущения – несколько меняют восприятие, но в смысловом отношении равноценны. Имеющиеся переводы коми поэзии на национальные языки Республики Карелия вносят существенный вклад в литературно-художественное взаимодействие регионов, обогащают коми и карельскую литературу, способствуют расширению читательской аудитории.

Список источников

1. Карху Э. Г. В краю «Калевалы» (Критический очерк о современной литературе Карелии). М.: Современник, 1974. 223 с.
2. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки "Калевалы" / науч. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. 246 с.
3. Расторгуев А. П. Перевод на русский язык должен восприниматься как русское произведение // Пыжа-поска = Переправа: лит.-худож. и науч.-публ. альманах. Сыктывкар, 2021. Вып. 1. С. 57–67.
4. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 254 с.
5. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия и перевод: анализы, интерпретации, комментарии. Ижевск: Ин-т компьютер. исследований, 2016. 248 с.
6. Остапова Е. В. Коми литература в зеркале перевода. Сыктывкар, 2016. С. 58–64.
7. Егорова С. Л., Попова К. А. Творческие контакты ученого и поэта А. Е. Ванеева (по материалам его эпистолярного наследия) // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 544–551.
8. Антология коми поэзии / сост., предисл., коммент. А. Е. Ванеева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 320 с.
9. Ганова Е. Ф. Грозы не нужно... // Чужан кыв = Родное слово. 2004. № 11. С. 19–28.
10. Ельцова Е. В. Философская лирика в творчестве В. В. Тимина 1980–90-х гг. // Владимир Тимин: «Чтоб добром вспоминали люди...»: сб. ст. о творчестве В. В. Тимина. Сыктывкар, 2022. С. 32–43.

11. Тимин В. В. Слово о старшем товарище // Вест. Коми НЦ УрО РАН. 2009. Вып. 28. С. 39–44.
12. Суворов А. В. Два костра должны гореть в такт // Пыжа-поска = Переправа: лит.-худож. и науч.-публ. альманах. Сыктывкар, 2021. Вып. 1. С. 88–94.
13. Зиявадинова О. С. Природа и человек в художественном сознании А. Е. Ванеева, В. В. Тимина, С. А. Попова, Г. А. Юшкова // Владимир Тимин: «Чтоб добром вспоминали люди...»: сб. ст. о творчестве В. В. Тимина. Сыктывкар, 2022. С. 43–53.
14. Латышева В. А. Мир Алены Ельцовой // Латышева В. А. Классики и современники. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 133–137.
15. Горинова Н. В. «Блистающий звездопад»: о новом сборнике произведений А. Ельцовой «Кодзула зэр» (Звездопад) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 1. С. 62–69.
16. Малева А. В. Антитеза как способ поэтического осмысления мира лирической героини А. Мишариной и А. Ельцовой // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 170–177.
17. Малева А. Елена Власовна Ельцова // Писатели Коми : биобиблиогр. словарь. Т. 1. А–Л. Сыктывкар, 2017. С. 299–302.

References

1. Karhu E. G. *V krayu «Kalevaly» (Kriticheskaa ocherk o sovremennoi literature Karelii)*. [In the land of “Kalevala” (A critique of the modern literature of Karelia)]. Moscow: Sovremennik, 1974. 223 p. (In Russ)
2. Kiuru E. S., Mishin A. I. *Fol'klornye istoki "Kalevaly"* [The folklore sources of “Kalevala”]. Petrozavodsk: PetrGU, 2001. 246 p. (In Russ)
3. Rastorguev A. P. Russian translation must feel like Russian-made piece. *Pyzha-poska=Pereprava*. 2021, vol. 1, pp. 57–67. (In Russ)
4. Toper P. M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation in the system of comparative literature studies]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS, 2000. 254 p. (In Russ.)
5. Panteleeva V. G. *Udmurtskaya poeziya i perevod: analizy, interpretatsii, komentarii* [Udmurt poetry and translation: analysis, interpretations, comments]. Izhevsk: Computer Research Institute, 2016. 248 p. (In Russ.)
6. Ostapova E. V. *Komi literatura v zerkale perevoda* [Komi literature in the mirror of translation]. Syktyvkar, 2016. Pp. 58–64. (In Russ.)
7. Egorova S. L., Popova K. A. Creative contacts of scientist and poet A. E. Vaneev (on the materials of his epistolary heritage). *Vestnik udmurtskogo universiteta*. 2019, vol. 29, issue 3, pp. 544–551. (In Russ.)
8. *Antologiya komi poezii / sost., predisl., komment. A. E. Vaneeva* [An Anthology of Komi Poetry]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 320 p. (In Russ.)
9. Ganova E. F. No need for thunderstorm... *Chuzhan kyv=Rodnoe slovo*, 2004, № 11, pp. 19–28. (In Russ.)

10. El'cova E. V. Philosophical lyric poetry among V.V. Timin's 1980-90s works. *Vladimir Timin: «Chtob dobrom vspominali lyudi...» : sb. st. o tvorchestve V.V. Timina* [Vladimir Timin: "To be remembered well by people..." : collected articles about the works of V.V. Timin]. Syktyvkar, 2022. pp. 32–43. (In Russ.)

11. Timin V. V. A word about the elder friend. *Vest. Komi NC UrO RAN*. 2009, vol. 28, pp. 39–44. (In Russ.)

12. Suvorov A. V. Two bonfires are to burn in sync. *Pyzha-poska=Pereprava*. 2021, vol. 1, pp. 88–94. (In Russ)

13. Ziyavadinova O. S. Nature and man in the artistic perception of A. E. Vaneev, V. V. Timin, S. A. Popov, G. A. Yushkov. *Vladimir Timin: «Chtob dobrom vspominali lyudi...» : sb. st. o tvorchestve V.V. Timina* [Vladimir Timin: "To be remembered well by people...": collected articles about the works of V. V. Timin]. Syktyvkar, 2022, pp. 43–53. (In Russ.)

14. Latysheva V. A. Alena Eltsova's world. *Klassiki I sovremenniki* [Classics and contemporaries]. Syktyvkar, 2005, pp. 133–137. (In Russ.)

15. Gorinova N. V. "Shooting stars shine": on the New Collection of Poetry and Prose by A. Yeltsova "Kodzula zer" (Shooting stars). *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Fenno-Ugric Studies]. 2018, vol. 12, no 1, pp. 62–69. (In Russ.)

16. Maleva A. V. Antithesis as a way for poetic comprehension of the world by a lyric heroine written by A. Misharina and A. Yeltsova. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2014, no 1, pp. 170–177. (In Russ.)

17. Maleva A. Elena Vlasovna Yeltsova. *Pisateli Komi: biobibliogr. slovar'* [Writers of the Komi : Bibliographic Dictionary]. Vol. 1. A-L. Syktyvkar, 2017, pp. 299–302. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Чикина Наталья Валерьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»
185910 Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11

Natalia V. Chikina

Candidate of Philology, Senior Research Associate of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science
11, Pushkinskaya Street, Petrozavodsk, 185910, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

01.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

14.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

01.11.2023

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Теоретическая (обзорная) статья / Theoretical (review) article

УДК 141.319.8

[https://doi.org/ 10.34130/2233-1277-2023-4-88](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-88)

Границы и основания пространства человеческого в нечеловеческом мире

Елена Леонидовна Разова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Республика Беларусь

lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Аннотация. *Границы и основания человеческого образа бытия, изначально определяемые как константы человеческой экзистенции (согласно М. Хайдеггеру), а именно разум, общность, телесность, повседневность с ее вещным наполнением, подверглись радикальной проблематизации в постклассической философии, психологии и социологии, в частности в работах Ф. Ницше, З. Фрейда, М. Фуко, Ж. Бодриера, П. Бурдьё и др. Попытки снять данные границы привели к деструкции гуманитарного простран-*

ства, поставили под вопрос не только субъектность человека, но и саму его человечность. Анализ этапов редукции человеческих границ и оснований позволяет определить нередуцируемые границы и основания пространства человеческой экзистенции, о которых в своих работах писали М. Бубер, К. Ясперс, Ю. Хабермас: со-бытийность человеческой экзистенции, общность, укорененность в этосе, коммуникация, направленная на понимание, интенциональность как устремление к Другому, познание как изменение и восхождение. Границы и основания дают возможность формализовать сущностные характеристики «человеческого» и «нечеловеческого» или «постчеловеческого», что актуально для противостояния анонимному индивиду толпы, массовой культуры, массового потребления и радикального либерализма, а также идеям трансгуманизма, направленного на преодоление исчерпавшего себя проекта «изначального» человека. Удержание пространства человеческого через его осознание и осознанное формирование обеспечивает удержание идентичности человека в пространстве и во времени, в процессе личностных изменений, в социальных интеракциях, в процессе познания и со-бытия с Другим, что может быть положено в основание исследований других сущностных факторов, определяющих «человеческое». Также исследование границ и оснований человеческого создает основу формирования понимания человеческой идентичности как на личном, так и на культурном, национальном и цивилизационном уровне.

Ключевые слова: *граничность, предельные основания, пространство человеческого, со-бытие, общность, понимание, вещь, телесность, дом, этос, самостояние, субъектность*

Для цитирования: Разова Е. Л. Границы и основания пространства человеческого в нечеловеческом мире человека // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 88–111. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-88>

Boundaries and Foundations of the Human Space in the Non-human World

Alena L. Razava

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Abstract. *Boundaries and foundations of the human way of being, initially defined as constants of human existence (according to M. Heidegger), namely - mind, community, corporeality, and everyday life with its material content, were radi-*

cally problematized in postclassical Philosophy, Psychology and Sociology, in particular, in the works of F. Nietzsche, Z. Freud, M. Foucault, J. Baudriard, P. Bourdieu, etc. Attempts to remove these boundaries led to destruction of humanitarian space while challenging not only subjectivity of a person, but also his/her very humanity. An analysis of the stages of reduction of human boundaries and foundations makes it possible to determine the irreducible boundaries and foundations of the space of human existence which are discussed in works by M. Buber, K. Jaspers, J. Habermas: the coexistence of human existence, commonality, rootedness in ethos, communication aimed at understanding, intentionality as aspiration to the Other, cognition as change and ascent. Boundaries and foundations make it possible to formalize the essential characteristics of the "human" and "non-human" or "post-human" which is relevant to confronting the anonymous individual of the crowd, mass culture, mass consumption and radical liberalism as well as the ideas of transhumanism aimed at overcoming the exhausted project of the "original" human. Retention of human space through its awareness and conscious formation ensures the retention of a person's identity in space and time, in the process of personal changes, social interactions, in the process of cognition and co-existence with the Other which can be the basis for research on other essential factors that determine the "human". Also, the study of boundaries and foundations of the human creates the basis for understanding of human identity, both at the personal and at the cultural, national and civilizational level.

Keywords: *boundary, ultimate foundations, human space, co-existence, community, understanding, thing, corporality, home, ethos, self-existence, subjectivity*

For citation: Razava A. Boundaries and Foundations of the Human Space in the Non-human World. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 4: 88–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-88>

Введение. Вопрос, что есть человек и что есть границы и основания человеческого, в которых человек, действуя, познавая, изменяясь во времени, продолжает быть человеком, фактически вопрос принудительной и тотальной деструкции того, что прежде считалось основой гуманистической современности, цивилизации модерна – самого человека, несомненно, актуален. Постклассическая философия, культура, тренды социальной инженерии – все было направлено на общую цель, декларируемую как едва ли не первичное условие цивилизационного и гуманистического развития современности: на деконструкцию и отмену всевозможных границ, от географических до экзистенциальных и биологических, сдерживающих любые формы проявления личности. При том что

граничность и укорененность – одни из сущностных и предельных оснований бытия человека, о чем писал М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» (1927) [1]. Речь идет о граничности во времени и пространстве, о телесной и биологической граничности, о границах пространства экзистенции, укорененной в этосе как онтологической и аксеологической структуре повседневного события человека с его ближайшими другими в общем пространстве, в образе жизни. О том, что формирует дом человеческого бытия во всем спектре этого феномена, от физического места личностного, социального и культурного становления до пространства экзистенции, где реализуются сущностные интенции человека – мышление, познание, общность, восхождение, что обеспечивает самостояние, субъектность человека. О том, что является основаниями человека как вида и основой его идентичности как личности. Именно границы и основания человеческого образа бытия, изначально определяемые как константы человеческой экзистенции, а именно разум, общность, телесность, повседневность с ее вещным наполнением, подверглись радикальной проблематизации, деконструкции и редукции в постклассической философии, что поставило под вопрос не только субъектность человека, но и саму его человечность. Впрочем, процесс этот имел свои глубокие исторические корни и на данный момент еще не завершен, что и делает вопрос о границах и основаниях человека по-прежнему, а возможно, и по-новому актуальным.

Основная часть. Эпоха модерна, начавшаяся с Лютера, Бэкона и Колумба, призвана была не уничтожить, но раздвинуть границы человеческого мира и самого человека (разумеется, человека европейского), определяемые прежде его тварностью, греховностью и географией месторождения, до границ разума, способного познавать и обуздать природу, до роли творца своей жизни, мерой благодати которой есть деловая успешность и благосостояние, до границ ойкумены, которая стремительно расширилась вместе с обретением доступа к «заморским землям» Индии, юго-восточной Азии и обеих Америк. В этих новых границах человек почувствовал себя если не равным богу, то достаточно могущественным в силу обладания разумом и познанием, чтобы свести Бога до роли

инструмента для достижения своих целей, будь то деловое предприятие, научный эксперимент или экспедиция. В таком мире трансцендентная сила Создателя оказалась не значимой, по крайней мере, как основание бытия человека, хотя и сохранила роль основания и причины бытия природы. Успешное «расколдование мира», как называл процесс рационализации бытия, отказа от сакральности и перехода к человеческому измерению мира М. Вебер [2], привело к отказу от «старых» божественных оснований человека и связанных с ним границ его экзистенции. Появился новый человек, который впервые поставил себя в центр бытия, заявив, что его цель – не просто познавать мир, но подчинить его, управлять им, как постулировал в работе «Великое восстановление наук, или Новый Органон» (1620 г.) Френсис Бэкон [3]. Рене Декарт утверждал, что бытийствует лишь то, что может помыслить, познать разум, разум человека (именно об этом утверждение Декарта «*Cogito ergo sum*» в его «Рассуждении о методе» (1637 г.)) [4], возводя тем самым человека мыслящего в ранг основания бытия, а его рациональность и познавательную способность – в ранг границ его собственного существования. Отстранение Бога и присвоение разума человеком, а вместе с ними и всего физического мира, создало ощущение всемогущества, лишённого каких-либо пределов. Любые силы, внеположные человеку, способные ограничить обретенное им могущество, подлежали отныне устранению, что и привело к постепенному освобождению человека от любых форм трансцендентного.

Идея освобождения реализовывалась постепенно. Просвещение искало предельные основания человека, его бытия, чтобы утвердить равенство человека с богом и природой. Классическая философия очертила границы человека человеческим миром, созданным его руками и интеллектом. Кант первым ограничил возможности человеческого познания пределами антропологии, то есть пространства человеческого бытия [5], в пределах которого человек был ничем не ограничен, более того, был трансцендентальным источником порядка устройства бытия. Трансцендентное было исключено из сферы мысли, но трансцендентальное как условие опытного познания сохранило возможность мира объек-

тивного, мира, который человек мог помыслить, что делало его миром человеческого.

Предтечей постклассического периода был Ф. Ницше, провозгласивший смерть Бога: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» [6]. Если Бога нет, то все позволено – квинтэссенция мировоззрения Ивана Карамазова, слова, никогда Достоевским не написанные, но ставшие едва ли ни самыми известными из приписываемых ему в силу того, что в них, как в фокусе, отражается идеология постклассического периода современности, в котором человек борется за то, чтобы любые границы и основания его бытия были разрушены во имя обретения неограниченной и безусловной свободы. Бог как трансцендентная основа онтологии, аксиологии, морали и социального порядка и был первым устраненным на этом пути.

Вслед за Богом требовалось преодоление границ разума, что с успехом совершил психоанализ, в частности З. Фрейда, утвердивший разум как надстройку над глубинами нерационализируемого бессознательного, своими проявлениями управляющего разумными, по видимости, действиями человека [7]. Разум был признан производным, конструктом, созданным для встраивания человека в социум ценой его упрощения и дисциплины. В качестве предельного основания человеческого оказался сам человек, вернее, та часть его сознания (подсознание), которая в наименьшей степени подвержена дисциплинарным практикам общества, а границами его экзистенции – его тело. Разум перестал быть интенциональностью бытия человека. Психоанализ и экзистенциализм очертил границы человеческого, укоренив его бытие в бессознательных функциях мозга, в телесности и познании того и другого через саморефлексию. Человек остался наедине с собой, одинокий и лишенный укорененности в том, что было когда-то его имманентными чертами, но выросло до Чужого Другого, грозного, опасного, пугающего – разума, тела, общества, другого человека, о чем писали экзистенциалисты, в частности Ж.-П. Сартр в «Бытие и ничто» (1943 г.) [8] и А. Камю в «Бунтующем человеке» (1951 г.) [9]. Если человек и признавался способным к познанию, то только познанию самого себя, трудному, болезненному, пугающему пониманию своих темных глубин телесности и подсозна-

ния. Делиться результатами такого познания могли лишь гении в художественном творчестве или безумцы, избавленные от стыда и морали.

В постклассической философии то, что на определенном этапе было определяющим человека – его разумность и способность к познанию, его социальность и общность, – оказалось подлежащим бескомпромиссной редукции. Та же участь постигала и границы человеческой экзистенции – его биологическое тело и его вещное окружение, материальное тело повседневности. От всего этого следовало освободить человека, отменить эти границы, силы и структуры со своими институтами и инструментами влияния, не позволяющими индивиду быть собой, иметь возможность полной и неограниченной ничем самореализации. Основными препятствиями виделись в первую очередь институализированные трансценденции любого извода с их «волей к власти» над человеком, исследованной Ф. Ницше [10], или монополией на истину («воля к знанию»), установленной через дисциплинарные пространства, проанализированной в работах М. Фуко [11], или диктата социальных практик и пространств, о которых писал П. Бурдьё [12].

Постклассическое гуманитарное знание отделило объективный мир от человека, сосредоточив его на нем самом, его жизненном мире, мире его непосредственного опыта, на его сознании, порывах и страстях. При этом любые выявляемые границы и основания, будь то общество, его структура и институты, социальные интеракции и коммуникативные практики, мир вещей, тело и его физические формы, – каждый раз подвергались деконструкции и в той или иной степени редукции для освобождения человека ради его предельной самореализации.

Однако каков тот предел, та граница, которая в стремлении к свободной самореализации не может быть преодолена без того, чтобы человек не перестал быть человеком, не утратил свои антропологические основания? Те «сверхлюди», о которых пишет Ю. Н. Харари в книге «Homo Deus. Краткая история будущего» (2015 г.) [13], идеал трансгуманизма, усовершенствованные с помощью генной терапии, высокотехнологичных имплантов, интегрированных с искусственным интеллектом, которые способны

существенно расширить когнитивные возможности и длительность жизни, будут ли они людьми, новой расой, видом или чем-то иным? К сожалению, даже культуры, сохранившие традиционные, консервативные представления о человеке и обществе, не предлагают альтернативного определения тех самых предельных оснований человеческого способа бытия.

Философия проблематизирует граничность и предельные основания человеческого бытия, чтобы вынудить человека задавать вопрос и отвечать на вопрос: что значит быть человеком. Такова сущность философствования. Предельные основания и границы, о которых вопрошает философия, должны быть всеобщими, то есть быть основой понятной всем и приемлемой онтологии, картины мира, быть константами человеческого в человеке при всем существующем и потенциальном разнообразии исторических, культурных, психологических, социальных форм человеческого способа существования. Также эти основания и границы должны допускать возможность изменения, ибо сущность человека – в мышлении и восхождении, в осознанном преодолении себя прежнего, в стремлении к своему иному. Восхождение интенционально по сути. Оно направлено от сущего к потенциальному, от оснований к цели, при этом и основание, и цель должны быть чем-то средственным, иметь «избирательное сродство», как его определял Гете [14], быть либо производными, либо иметь субъект-предикатную связь, либо являться разноуровневыми частями единого целого.

Наряду с вопросом предельных оснований человека стоит вопрос способности к интеракции и пониманию: при каких условиях человек способен выстраивать взаимодействие с другим человеком, обмениваться смыслами и понимать их в различных, в терминологии Ю. Хабермаса, «коммуникативных действиях», «когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии согласия относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться» [15, с. 199–200]. Это вопрос о границах человеческого, о предельных основаниях

человеческого способа существования как со-существования, со-бытия «Я» и «Другого», ибо понимание возможно лишь при условии общих оснований, допускающих признание Другого как равного, как субъекта коммуникации, того, с кем возможно понимание, а не объекта, для которого приемлемо властное воздействие и подчинение.

Гуманитарное знание XX века, так и не пережившее травму двух мировых войн, усомнилось уже не в разумности человека, а в его человечности. Реакцией на ужас перед нечеловечностью человека было перенесение фокуса внимания философской мысли с человека на то, что определяет человека и его действия, образ мысли и психологические реакции – на социальные формы, традиции, законы. На эти трансцендированные формы человеческого существования, отделенные от человека, получившие субъектность, фактически была перенесена ответственность за действия человека и все с ним происходящее в его повседневной жизни. Общество, культура, язык, традиции, образование, система законодательства, средства массовой информации, мораль – были описаны, проанализированы и заархивированы как сложные исторические структуры и системы, внеположные человеку, владеющие человеком и его бытием через властные институты и дисциплинарные практики. В работах структуралистов, таких как К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан, индивид становится объектом воздействия различных сил, которые придают ему форму в соответствии с требованиями социальных, политических или исторических этапов и тенденций. Индивид становится исполнителем той или иной роли, в которой он адаптируется через следование жестким требованиям социальной дисциплины и пространств, в которых эта дисциплина действует. М. Фуко в таких работах, как «История безумия в классическую эпоху» (1961 г.) [16], «Рождение клиники: археология врачебного взгляда» (1963 г.) [17] и «Надзирать и наказывать» (1975 г.) [18], анализирует дисциплинарные пространства, где задаются стандартные повседневные практики и нормативные формы поведения, принимая которые, индивид становится частью социального пространства и участником социальных взаимодействий, реализуемых в этих пространствах, но не

как субъект, а как стандартная функциональная единица. Фактически на месте человека, личности, субъекта, наделенного самостоятельностью, то есть осознающего себя и свое пространство экзистенции, имеющего свою онтологию и следующего своим ценностям, которые разделяет со своей общностью, появляется индивид, объект воздействия внешних сил, властей и институтов, чьи границы определяются его местом в системе, чье поведение есть лишь копирование, зачастую бессознательное, некоей общепринятой стандартной нормы. Так декларируется «смерть человека» и как субъекта, и как объекта гуманитарного знания, для которого человек перестает быть интересен. Фуко писал о конце антропологии: «...конец человека – это возврат начала философии. В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить» [19, с. 362]. Сама антропология провозглашается Фуко «сном философии» [19, с. 361]. «Для того чтобы пробудить мысль от этого сна – столь глубокого, что он парадоксально кажется ей (философии) бодрствованием, поскольку она путает кругообразное движение догматизма, в своем удвоении стремящегося опереться на самого себя, с беспокойным проворством собственно философской мысли, – для того чтобы пробудить в ней ее первозданные возможности, нет другого средства, как разрушить до основания весь антропологический четырехугольник» [19, с. 362]. Таким образом, вместе с отказом от человека как субъекта произошел отказ и от самого человека. Однако в поле зрения философии остался мир повседневной жизни человека, его телесная и вещная формы, благодаря которым сохранялась иллюзия культуры, цивилизации, прогресса, повседневности и, следовательно, гуманитарного пространства. Философия сосредоточилась на изучении этого пространства, из которого навсегда исчез его обитатель – человек.

Тело человека и вещное окружение человека попали в фокус внимания философской антропологии, этнографии и истории повседневности, которые обратились к вещам, получившим в этих исследованиях свой самостоятельный голос как акторы историче-

ского и культурного процесса. Такие работы, как «Карандаш. История создания и другие подробности» Г. Петроски [20], «Гурманистика. Культура еды и еда как культура» Дж. Ковина [21], «История бани» А. Рубинова [22], «Джин. История напитка» Р. Барнетт [23], «История зеркала» С. Мельшиор-Бонне [24], – примеры предельного приближения к вещи, при том что человек в этом вещном пространстве оказывается факультативным или даже полностью отсутствует. В отсутствие субъекта пространство бытия, уже не человеческого, а вещного, дробится, рискуя свалиться в дурную бесконечность детализации и фрагментации, теряя свою инструментальную сущность и обретая квазисубъектность, не способную собрать онтологию и породить собственную аксиологию.

Выведение вещей на первый план отчасти было следствием и при этом идеологическим основанием появления и стремительной экспансии идеологии консьюмеризма, превратившей в объект потребления даже культуру, которая становится рынком товаров массового потребления. Вместе с консьюмеризмом появляется новая мораль и система ценностей, в которой сущность человека сводится к тому, чем он владеет. При этом сами вещи не обладают безусловной ценностью в силу их краткосрочности и массовости. Вещи становятся тем, что говорит от имени человека или вместо человека, не имея своего языка, вытесняя человека из пространства повседневности, формируя новые границы, границы вещного, аморфные и непостоянные. В работе «Общество потребления» (1974 г.) Ж. Бодрийар писал, что «потребление... гедонистично и регрессивно. Его процесс не является более процессом труда и преодоления, это процесс поглощения знаков и поглощения знаками. Оно характеризуется... концом трансцендентного. В распространенном процессе потребления нет больше души, тени, двойника, образа в зеркальном смысле. Нет больше ни противоречия бытия, ни проблематики подлинности и видимости. Есть только излучение и получение знаков, и индивидуальное бытие уничтожается в этой комбинаторике и подсчете знаков... Человек потребления не находится перед лицом своих собственных потребностей, и более того – перед лицом продукта своего собственного труда, он никогда больше не сталкивается со своим образом: он имма-

нентен знакам, которые он упорядочивает. Нет больше трансцендентности, финальности, цели: это общество характеризует отсутствие “рефлексии”, перспективы в отношении себя самого» [25, с. 240]. В другой работе, «Система вещей» (1970 г.), Бодриар отмечает, что превращение вещей в «держателя» человеческой экзистенции приводит к тому, что человек оказывается производной вещи, замещается вещью, становится ее функцией: «Фактически свершилась настоящая революция быта: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Вещи делаются все более, а наши жесты – все менее дифференцированными. Это можно сформулировать иначе: вещами больше не определяются роли в театре жестов – в своей сверхцелесообразности они сами становятся ныне едва ли не актерами в том всеобъемлющем процессе, где на долю человека остается лишь роль зрителя» [26, с. 63–64].

Становясь своего рода «субъектом», вещь (как прежде бог, разум, социальные структуры) теряет свою сущность, которую Хайдеггер определил как служение человеку в качестве инструмента реализации его смыслов [27]. Без человека и служения ему вещь лишается смысла, которого в нее вкладывает человек, используя вещь для создания пространства экзистенции. Так вещь, утрачивая смысл, вместо реализации претензии на субъектность становится тем, что Ж. Бодриар назвал «симулякром», «означающим без означаемого» [28]. Но и сам человек, по мнению Бодриара, не выстояв в противостоянии с функциональными вещами, которые фактически образуют свою структурированную связность, свое пространство, становится тем же симулякром, «пустой формой», абстракцией [26, с. 65]. Человек утратил роль субъекта, превратившись в объект приложения сил, в пустоту, форму которой задают тело и вещи. Реакцией человека на очередной диктат трансцендированного атрибута своего привычного человеческого способа бытия – вещей, могло бы быть то, что М. Бубер называл «сущностным отношением к вещам» [29, с. 209], предполагающее большее, чем утилитарное, техническое использование вещи, то, что рассматривает сущность вещи, ее место в пространстве бытия человека, смысловое и ценностное ее наполнение. Такое отношение человека и вещей могло бы вернуть субъект-

объектную иерархию, но при этом достижимо оно лишь при наде-лении вещи сущностной ролью в том пространстве, где выстраи-вается экзистенция человека, например ролью хранителя времени и памяти, ролью инструмента осознанного действия, посредника коммуникации между человеком и его ближними Другими, разде-ляющими с ним общие границы бытия. Такие отношения с вещами могут складываться лишь при условии укорененности в этосе, ча-ще всего в границах Дома как места экзистенции, где происходит введение вещи в систему онтологических и аксиологических от-ношений внутри общности.

Тело также прошло процесс овеществления, первоначально став собственностью человека, на которую распространяются та-кие же права, как на автомобиль или домашнюю мебель. Тело-вещь, как и любая другая вещь, отделенная от человека, не соотне-сенная с его субъектностью, подлежит безболезненной декон-струкции и реорганизации, и все это ради того же освобождения. Тело, безумие, физическое насилие, удовольствие в работах Фуко получили свой собственный голос, помимо субъекта, без него, освобожденные от субъекта и его диктата. В частности, в много-томной работе «История сексуальности» (1976–1984 гг.) Фуко представляет телесную функцию – сексуальность – оторванной от тела, от физиологии. Сексуальность предстает как продукт соци-альных практик, оформленный в соответствии с требованиями различных дисциплинарных пространств, исторически детерми-нированных системами власти, обеспечивающими надзор за ин-дивидом [30]. Биологические границы человеческого существа стали восприниматься как «тюрьма» личности, утратив изна-чальный статус защитника, оплота приватности [31]. Психическое со-стояние, телесность, пол, возраст, раса, другие природные кон-станты каждого конкретного человека были интерпретированы как инструменты диктата внешних структур, преодоление кото-рых признавалось как условие обретения человеком, личностью своей подлинной сущности, предельного основания. То, что оста-лось человеку после полного освобождения от этих границ, – это инстинкты и эмоции, более не ограниченные неизменными осо-бенностями биологического тела, психической нормой, культурой,

традициями, моралью, религией. Как результат – фактическая неспособность индивида создавать какую-либо общность с общим этосом, единым пространством, требующим со-бытийности любых практик, что возможно лишь на основе единых ценностей и норм субъект-субъектного взаимодействия. А отсутствие границ, осознанных именно как ограничение, исключило дисциплину и практику восхождения над собой из того, что должно было восприниматься как становление личности.

Казалось бы, реализованная в радикальном либерализме извечная идея свободного самоопределения человека обернулась утратой интенциональности как стремления к Другому, что реализуется в познании, социальном взаимодействии, способности к пониманию как принятию Другого и изменению себя и своего этоса как восхождению над собой в результате познания своего иного и возникновения общности на основе общего этоса. Вместо этого индивид, не укорененный в своих основаниях, не защищенный своими границами, оказался в своем одиночестве в окружении вызывающего ужас бытия других, подавляющих, властных, диктующих правила и нормы, которые требуется принять безоговорочно и слепо. Речь идет об отмене этоса, который обеспечивает единство «Я» и «Другого» в общности, смысловое осознанное взаимодействие как внутри общности, так и между общностями, таким образом, что результатом этого взаимодействия является понимание (признание) и изменение обоих акторов коммуникации, трансформация границ этосов без утраты уникальности каждого. Этос и укорененная в нем общность есть основной способ защиты человека и социума от нуклеаризации, распада на изолированных индивидов и превращения их в безликую массу, не способную к коммуникации и ее результату – пониманию.

Понимание как результат коммуникации предполагает включение в системы смыслов воспринимающего нового смысла, а значит, некоторого изменения этой системы. При этом принимать или не принимать новое – это вопрос или соответствия чужого смысла своим, или готовности изменить свои смыслы, но так, чтобы сохранить основу своей смысловой идентичности. В ином случае, например когда на место общности с ее этосом встает масса с ее стандартом и то-

тальной нормой, речь идет не о понимании, а о подражании, замене своих смыслов на чужие или подчинении, то есть встраивании в чужую смысловую систему при отказе от своей. Следовательно, такая коммуникация есть лишь включение индивида в очередное дисциплинарное пространство или во властное чужое пространство, чреватое потерей своей идентичности в обмен на иллюзорную идентичность толпы, массы, о которой писал Х. Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс» (1929 г.). Вливаясь в массу, принимая ее идеи, идентифицируя себя с ней, индивид получает иллюзорное могущество массы. Иллюзорность этого могущества в том, что индивид более не стремится к истине, к поиску, к восхождению, то есть к преодолению своих границ за счет понимания иного, за счет мышления и познания, а пользуется готовыми идеями. «Массовый человек ощущает себя совершенным <...> наивная вера в собственное совершенство у него не ограничена, а внушена тщеславием и остается мнимой, притворной и сомнительной для самого себя» [32, с. 66].

Человек, способный не просто к коммуникации, но к осознанному принятию другого, к пониманию, следствием которого является осознанное изменение себя, но без потери себя, должен иметь некую основу, ядро: личность, предельное основание, идентичность, что-то, что гарантирует сохранение себя при всяком изменении. Ортега-и-Гассет писал, что появление и существование культуры невозможно, если в ее основе не лежат единые основание, правила, общие для тех, кого культура объединяет, сознательно ими принятые и следуемые. «Бессмысленно говорить об идеях и взглядах, не признавая системы, в которой они выверяются, свода правил, к которым можно апеллировать в споре. Эти правила – основа культуры. Не важно, какие именно. Важно, что культуры нет, если нет устоев, на которые можно опереться» [31, с. 69]. Предельная коммуникативная открытость, достигаемая через разрушения всех границ, получила название плюрализма и толерантности, предполагающих отсутствие любых универсальных или устойчивых норм (границ), что должно снять любые риски неприятия Другого. Но, как отмечает Л. М. Глазюк, «декларируемая толерантность практически выражается в безразличии к Другому» [33, с. 44].

Налицо в итоге вместо ожидаемого торжества беспрепятственной коммуникации и всеобщего единения и понимания – кризис социальности, обусловленный утратой человеком субъектности, самостояния, основанного на некоем онтологическом фундаменте, как обязательного условия коммуникативного действия. Возможно же такое согласие лишь между субъектами, погруженными в контекст общего жизненного мира, который они используют «в качестве той системы отсчета, с помощью которой они могут решать, что в том или ином случае имеет или не имеет места» [15, с. 203]. Таким образом, лишенный своих границ и оснований индивид не способен на коммуникативное действие, предполагающее добровольное, осознанное и взаимное изменение акторами своих границ, мышления, образа жизни как результат включения в себя иного, создание общего пространства, в котором возникает феномен «Мы», о котором писал М. Бубер [29]. «Мы» образует лишь человек и другой человек, обладающие своими границами, а следовательно, самостоянием, субъектностью. Именно тогда они могут образовать единое коммуникативное пространство с общими смыслами, основанное на общих ценностях, укорененное в общей онтологии, что и есть понимание.

Изгнанный из своего пространства, бездомный, лишенный субъектности, замещенный вещами, ставшими объектом гуманитарного знания, утративший биологическую константу телесности, вырванный из социальных связей и не способный к коммуникации и пониманию, человек снова, как на заре эволюции, предстает тем, чьи шансы на победу в эволюционной гонке крайне сомнительны, что признают гуманитарные науки в самых разных своих формах. В качестве жизнеспособной альтернативы отменившему самому себя гуманизму был предложен трансгуманизм. Термин введен американским футурологом М. Мором в 1990 г. в эссе «Трансгуманизм: на пути к футуристической философии» [34]. Трансгуманизм заявил возможность уже не познания предельного основания человека, так как все уже познано, оценено и отменено как не имеющее потенциала не только для дальнейшего развития, но даже для существования, а преодоления человека через интеграцию с его же порождением – техникой, а именно достижениями нанотехнологий, робототехники, молекулярной биологии, ДНК-

инженерии, разработок в области искусственного интеллекта и фармацевтики. Как результат появляется возможность снятия проблемы человека вместе с появлением новой расы постчеловека (термин, введенный в работе Р. Байротти «Постчеловек» (2013 г.) [35]). Рассматривая моральный и юридический аспект «либеральной евгеники», а именно вмешательства в ДНК эмбриона, Ю. Хабермас в работе «Будущее человеческой природы» (2001 г.) ставит вопрос об идентичности таких «постлюдей», об основаниях их самостояния, а следовательно, и свободы выбора образа жизни. В условиях «самоинструментализации» человеческой природы Хабермас обозначает ряд проблем, решение которых еще предстоит искать в первую очередь в осмыслении вопроса, что есть человек и каковы границы и основания человеческого: «Генная манипуляция затрагивает вопросы идентичности человеческого вида, причем самопонимание человека как видового существа образует контекст наших правовых и моральных воззрений. Особенно меня интересует вопрос, как биотехнологическая дифференциация изменяет привычное различие между «выросшим» и «сделанным», субъективным и объективным, характерное для существовавшего у нас до сих пор видового и этического самопонимания, и проникает в самопонимание генетически запрограммированной личности. Мы не можем исключать того, что знание о евгеническом программировании своего генофонда ограничит автономную организацию отдельным человеком своей жизни, подорвет принципиально симметричные отношения между свободными и равными личностями» [36, с. 34]. Возникновение иной эволюционной (или революционной) ветви мыслящих существ ставит вопрос о границах человеческого более радикально: постлюди – все еще люди? И будут ли признаваться людьми те, кто не будет относиться к «постлюдям»? До какой степени возможна «технологическая модификация» человека, чтобы он все еще оставался человеком, а когда он переходит на другую сторону, на сторону техники? Преодоление человека, чья человеческая сущность инфлировала, пока он стремился эту сущность познать, утвердить ее примат и реализовать вне и помимо любых ограничений, не снимает сам вопрос о пре-

дельном основании человека. Напротив, вопрос о границах и основаниях становится критически важным.

Заключение. То, что к концу XX века было представлено лишь на страницах философских трактатов, социологических исследований и психологических теорий, в первые десятилетия XXI века стало стремительно реализовываться в повседневных практиках личной и общественной жизни. Однако реализация заявленных идей в декларациях сторонников глобализма и цивилизации, построенной на единых гуманистических принципах, оказалась далека от ожидаемого результата, если не противоположна тому, как этот результат представлялся теоретикам либерализма, глобализма и мультикультурализма. К. Ясперс в работе «Смысл и назначение истории» (1949 г.) писал: «Характер бытия человека – предпосылка всего. Можно наилучшим образом наладить действие аппаратов; но если отсутствуют люди в качестве таковых, ничего достигнуто не будет. Может показаться необходимым, чтобы человек не погряз в желании просто продолжать существовать, поставить его в его сознании перед ничто: пусть он вспомнит о своем изначальном состоянии. Если в начале его исторического пути его физическому существованию угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир» [37, с. 398].

Как результат отказа от границ, которые задают форму человеческой экзистенции, вместо личности, способной к полной самореализации, возник индивид как элемент массы, лишенный своих границ, с разрушенным пространством своего самостояния, оторванный от своего этоса, потерявший сущностные связи с общностью, с теми другими, которые разделяют с ним и наполняют его пространство, с вещным окружением, со-бытийствующими с ним в пространстве его повседневной экзистенции. Человек, который должен был обрести весь мир как свой дом, оказался бездомным бродягой, неуместным в утратившем человеческую размерность мире, вырванный из присущего ему способа бытия – его этоса, границами которого и являются Бог, разум, тело, вещи в своей трансцендентной, имманентной или служебной роли.

Постклассическое гуманитарное знание, деконструировав предельные основания и границы человеческого способа суще-

ствования – отменив Бога, ниспровергнув разум, разрушив Дом, общность, семью, биологическое тело – экзистенциальные и аксиологические границы пространства, в котором только и возможно существование человека в форме его со-бытия (взаимодействия и взаимопонимания) с другим, лишило человека его этоса, его способа бытия человеком, тем самым заложило основание возникновения нечеловеческого мира. А. П. Павлов справедливо отмечает, что «мир существует до тех пор, пока существует его этос. К этому надо добавить, что этос есть условие миропорядка. Социальный порядок понимается в дискурсивном поле экзистенциальной онтологии как способ бытия мира, бытия-в-мире, как насущное, аутентичное миру, что наиболее близко людям и каждому отдельному человеку и что наиболее уязвимо и нуждается в совместном сбережении и заботе» [38, с. 19]. Деконструкция человеческого бытия, его оснований и границ, самого человеческого пространства привела к утрате самостояния человека, его человечности, его этоса, а в пределе – и самого человека.

Заявленная еще Хайдеггером антропологизация философского знания, которую так успешно отменили постклассические мыслители во главе с Фуко, по-прежнему актуальна, но, вероятно, в ином аспекте, более радикальном и жестком. Речь идет уже не об исследовании предельных оснований человеческой экзистенции, но о воссоздании ее границ, о сохранении самого человеческого этоса, человеческого способа бытия. В мире, утратившем человечность, насущным является осознанный и целенаправленный поиск основ самостояния человека, возврат гуманитарного знания и социальных практик к границам человеческого бытия таким образом, чтобы эти границы – Бог, разум, телесность, вещи, общность – перестали осознаваться как «ограничители» свободы самореализации индивида, а исследовались как сущностно необходимые и неизбежные основания самостояния личности. Реализация свободы человеческой личности должна восприниматься не как отказ от границ, а как их осознание, осознанное и целенаправленное строительство и развитие. Подобного рода «антропологический», «человеческий» поворот может быть осуществлен в исследовании Дома как формы жизненного мира, собирающего телесность и вещи в интегральное «макротело» человека,

и этоса как основы межличностного взаимодействия внутри общности Я и Другого, основанного на общности ценностей и обеспечивающего взаимодействие и взаимопонимание. При этом Дом, жизненный мир и этос следует развернуть не как категории индивидуального существования, но как способы бытийствования общности, включающей Я и Другого, объединенных общей экзистенцией, ценностями и смыслами, которые создают условия понимания и события. Вероятно, именно тогда у человека будет возможность продлить себя, противостоя нечеловеческому миру постлюдей, не отвергая того, что современность несет в качестве плодов технологического прогресса и социальной эволюции, создавать и расширять пространство человеческого.

Список источников

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / пер. З. Е. Александровой, А. Н. Гутермана, С. Красильщикова, Е. С. Лагутина, Н. А. Федорова. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
4. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / пер. Г. Г. Слюсарева, А. П. Юшкевича. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
5. Кант И. Сочинения : в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
6. Ницше Ф. Сочинения : пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 830 с.
7. Фрейд З. Я и Оно / пер. А. Н. Анваера. М.: АСТ, Neoclassic, 2019. 352 с.
8. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
9. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И. Я. Волевич, Ю. М. Денисова. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
11. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум, Касталь, 1996. 448 с.
12. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
13. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2021. 496 с.
14. Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гёте. М.: Evidentis, 2001. 219 с.

15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
16. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
17. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2010. 252 с.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 480 с.
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визигина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.
20. Петроски Г. Карандаш. История создания и другие подробности / пер. с англ. И. Сыровой. М.: Студия Артемия Лебедева, 2015. 457 с.
21. Ковини Дж. Гурманстика. Культура еды и еда как культура / пер. с англ. О. В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный Центр, 2016. 134 с.
22. Рубинов А. История бани. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 304 с.
23. Барнетт Р. Джин. История напитка / пер. с англ. С. Силаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 360 с.
24. Мельшиор-Бонне С. История зеркала / пер. с фр. Ю. М. Розенберг. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 456 с.
25. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
26. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 222 с.
27. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
29. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Литвиц, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с.
30. Фуко М. История сексуальности : в 4 т. / пер. с франц. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2. 432 с.
31. Чеснокова Л. В. Телесная приватность: сущностные характеристики и визуальные практики защиты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2022. № 3. С. 94–103.
32. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. М.: АСТ, 2002. 509 с.
33. Газнюк Л. М. Философский этос нормы в социальном и экзистенциальном бытии человека // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 42–45.
34. More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader. Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. Wiley Online Library. 2013. Pp. 3–17. URL:

http://media.johnwiley.com.au/product_data/excerpt/10/11183343/1118334310-109.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

35. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.

36. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.

37. Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

38. Павлов А. П. Этосы социальных миров // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 17–23.

References

1. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Transl. by V. V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 p. (In Russ.)

2. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Transl. by Yu. N. Davydova. Moscow: Progress Publ, 1990. 808 p. (In Russ.)

3. Bacon F. *Sochineniya : v 2 t.* [Essays : in 2 vol.]. Transl. by Z. E. Aleksandrova, A. N. Guterman, S. Krasil'shchikov, E. S. Lagutin, N. A. Fedorov. Moscow, Mysl' Publ., 1978. Vol. 2. 575 p. (In Russ.)

4. Descartes R. *Sochineniya : v 2 t.* [Essays : in 2 vol.]. Transl. by G. G. Slyusarev, A. P. Yushkevich. Moscow: Mysl' Publ., 1989. Vol. 1. 654 p. (In Russ.)

5. Kant I. *Sochineniya : v 8 t.* [Essays: in 8 vol.]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 3. 741 p. (In Russ.)

6. Nietzsche F. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 830 p. (In Russ.)

7. Freud S. *Ya i Ono* [The Ego and the Id]. Transl. by A. N. Anvaer. Moscow: AST Publ., Neoclassic Publ., 2019. 352 p. (In Russ.)

8. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness]. Transl. by V. I. Kolyadko. Moscow: Respublika Publ., 2000. 639 p. (In Russ.)

9. Camus A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel]. Transl. by I. Ya. Volevich, Yu. M. Denisov. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 415 p. (In Russ.)

10. Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostei* [The Will to Power]. Transl. by E. Gertsyuk. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005. 880 p. (In Russ.)

11. Foucault M. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality]. Transl. by S. Tabachnikova. Moscow: Magisterium Publ., Kastal' Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)

12. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Transl. by N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Press; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)

13. Harari Yu. N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Transl. by A. Andreeva. Moscow: Sindbad Publ., 2021. 496 p. (In Russ.)

14. Swassjan K. A. *Filosofskoe mirovozzrenie Gete* [Philosophical worldview of Goethe]. Moscow: Evidentis Publ., 2001. 219 p. (In Russ.)

15. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Transl. by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 p. (In Russ.)

16. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehpokhu* [A History of Insanity in the Age of Reason]. Transl. by I. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Press, 1997. 576 p. (In Russ.)

17. Foucault M. *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic:]. Transl. by A. Sh. Tkhostov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. 252 p. (In Russ.)

18. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 480 p. (In Russ.)

19. Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Transl. by V. P. Vizigin, N. S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad Publ., 1994. 406 p. (In Russ.)

20. Petroski H. *Karandash. Istoriya sozdaniya i drugie podrobnosti* [Pencil. Creation history and other details]. Transl. by I. Syrova. Moscow: Studiya Artemiya Lebedeva Publ., 2015. 457 p. (In Russ.)

21. Coveney J. *Gurmanistika. Kul'tura edy i eda kak kul'tura* [gourmet. food culture and food culture]. Transl. by O. V. Gritchina. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr Publ., 2016. 134 p. (In Russ.)

22. Rubinov A. *Istoriya bani* [The history of the bath]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)

23. Barnett R. *Dzhin. Istoriya napitka* [Gin. Drink history]. Transl. by S. Silakova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 360 p. (In Russ.)

24. Melchior-Bonnet S. *Istoriya zerkala* [History of mirror]. Transl. by Yu. M. Rozenberg. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 456 p. (In Russ.)

25. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Transl. by E. A. Samarskaya. Moscow: Respublika Publ., Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 269 p. (In Russ.)

26. Baudrillard J. *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Transl. by S. Zenkin. Moscow: Rudomino Publ., 1999. 222 p. (In Russ.)

27. Heidegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russ.)

28. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Transl. by A. Kachalov. Moscow: POSTUM Print. House, 2015. 240 p. (In Russ.)

29. Buber M. *Dva obraza very* [Two types of faith]. Transl. by P. S. Gurevich, S. Ya. Livit, S. V. Lezov. Moscow: Respublika Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)

30. Foucault M. *Istoriya seksual'nosti : v 4 t.* [The History of Sexuality : in 4 vol.]. Transl. by V. Kaplun. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2004. Vol. 2. 432 p. (In Russ.)

31. Chesnokova L. V. Bodily Privacy: Essential Characteristics and Visual Defence Practices. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences], 2022, no 3, pp. 94–103. (In Russ.)

32. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow: AST Publ., 2002. 509 p. (In Russ.)

33. Gaznyuk L. M. Philosophical ethos of the norm in the social and existential being of a person. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2017, vol. 3, no 3, pp. 42–45. (In Russ.)

34. More M. The Philosophy of Transhumanism. *The Transhumanist Reader. Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future*. Wiley Online Library. 2013, pp. 3–17. Available at: http://media.johnwiley.com.au/product_data/excerpt/10/11183343/1118334310-109.pdf (accessed: 30.06.2023).

35. Braidotti R. *Postchelovek* [The Posthuman]. Transl. by D. Khamis. Moscow: Gaidar Institute Press., 2021. 408 p. (In Russ.)

36. Habermas J. *Budushchee chelovecheskoi prirody* [The Future of Human Nature]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2002. 144 p. (In Russ.)

37. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russ.)

38. Pavlov A. P. Ethoses of social worlds. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2017, no 8, pp. 17–23. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Разова Елена Леонидовна

Elena L. Razava

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры системного программирования и компьютерной безопасности, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230023, Республика Беларусь,
г. Гродно, ул. Ожешко, 22

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of System Programming and Computer Security, Yanka Kupala State University of Grodno
22, Ozheshko St., Grodno, 230023, Republic of Belarus

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

06.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

01.09.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

01.10.2023

УДК 123

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-112>

Античная философия о взаимоотношении воли, свободы и разума человека

Нина Александровна Соколова¹,
Александр Александрович Пылькин²,
Алла Сергеевна Сафонова³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

¹alonsa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8156-1253>

²apylkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4856-3921>

³safonova_alla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5622-8379>

Аннотация. Основными моментами, определяющими природу человека, являются разум, воля и наличие свободы. В современной мысли способность человека разумно управлять собственным поведением, а также обладание им свободой были поставлены под вопрос, размывая определение человеческой сущности. Представляется необходимым вернуться к истокам философии, чтобы прояснить, от чего отталкивается и с чем спорит современная философская мысль.

Новизна работы заключается в прояснении взаимосвязи исследуемых концептов на протяжении истории философии. Работы других авторов раскрывают смысл того или иного понятия без взаимосвязи с другими или ограничиваются исследованием на протяжении только одной эпохи. Данная статья является первой из цикла статей, охватывающих всю историю философии.

Цель работы – проанализировать соотношение понятий «воля», «свобода» и «разум» в философской мысли античности.

То, как человек видит себя, оценивает свои возможности и поступки, какие цели ставит перед собой, чего стремится достичь, во многом зависит от установок, укоренившихся в культуре. Установки, касающиеся

сущности человека и его возможностей, формируются путем рефлексии, и главным образом философской рефлексии.

Авторы подробно рассматривают, как данные концепты и взаимосвязь между ними были освещены в трудах греческих философов от софистов до Аристотеля, а затем в философии греческих и римских стоиков периода эллинизма.

В качестве методов исследования использованы исторический, герменевтический, группа источниковедческих методов.

Результаты работы могут быть применены как в рамках теоретических разработок (по проблемам философской антропологии, аксиологии, философии и психологии сознания), так и на практике (по техникам самосознания и самоопределения человека в мире).

До появления философских размышлений древние греки полагали, что поступки человека предопределены судьбой. Софисты поставили под вопрос подобные рассуждения, а философы классического периода от Сократа до Аристотеля соотнесли между собой понятия разума, свободы и человеческой воли. Сократ вводит в философию этическую проблематику, осуществляет попытки сформулировать понятие совести. По Сократу, человеческое поведение может и должно направляться разумом, которому, в свою очередь, надлежит прислушиваться к голосу совести. Платон выделяет в человеческой психике три начала – возделующее, волевое и разумное. Последнее должно взять на себя роль ведущего, направляющего поведение человека. Аристотель анализирует четыре элемента воли и приходит к выводу, что достижение цели жизни возможно лишь при условии разумного познания всеобщего блага и действий на основании этого знания. Таким образом, в классический период древнегреческой философии происходит осознание тесной взаимосвязи разума и воли.

В эпоху эллинизма эти мысли получают развитие, прежде всего, в трудах стоиков. Уже в философии Ранней Стои происходит возвращение к вере в судьбу, но при этом свобода человека не только не отрицается, но утверждается на новом уровне. Свобода оказывается ключевой характеристикой человека, выделяющей его среди других живых существ. Воля является свободной лишь в том случае, если она направляется разумом. Последний осознает сферу возможного для данного человека в данных обстоятельствах и ограничивает его желания и действия этой сферой.

Ключевые слова: воля, разум, свобода, философская антропология, античная философия, философия эллинизма, история философии

Для цитирования: Соколова Н. А., Пылькин А. А., Сафонова А. С. Античная философия о взаимоотношении воли, свободы и разума человека // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 112–129. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-112>

Ancient Philosophy on Intercorrelation between Will, Freedom, and Human Reason

Nina A. Sokolova¹, Alexandr A. Pylkin², Alla S. Safonova³

^{1, 2, 3} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, 195251, Russia

¹alonsa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8156-1253>

²apylkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4856-3921>

³safonova_alla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5622-8379>

Abstract. *The fundamental elements that determine human nature are reason, will, and freedom. In modern thinking, a person's ability to manage their own behaviour and their freedom have been questioned, blurring the definition of human essence. It seems necessary to return to the origin of philosophy in order to clarify what exactly the contemporary philosophy is arguing with.*

The novelty of the research lies in the clarification of the relationship of the studied concepts throughout the history of philosophy. The works of other authors reveal the meaning of one or another concept without interconnection between all of them altogether or are limited to their study for only one period of time. This paper is the first of a series of articles covering the entire history of philosophy.

This article is aimed to analyse the relationship between the concepts of will, freedom and reason in the philosophical thought of antiquity.

The way a person sees himself/herself, evaluates their capabilities and actions, what goals they set for himself/herself, what they seek to achieve, largely depends on the attitudes rooted in culture. Attitudes concerning the essence of a person and their capabilities are formed through reflection, and mainly through philosophical reflection.

The author studies in detail how these concepts and their interrelationships are reflected in the works of Greek philosophers, from Sophists to Aristotle, and then in Greek and Roman Stoicism.

Historical, hermeneutical, and a group of source study methods were used as research methods.

The results of the work can be applied both within the framework of theoretical studies (on the problems of philosophical anthropology, value theory, philosophy, and psychology of consciousness), and in practice (techniques of self-consciousness and self-determination of a person in the world).

Before philosophical contemplation occurred, Ancient Greeks had believed that human actions were predestined. Sophists were the first who called into question such reasoning and classical ancient philosophers from Socrates to Aristotle correlated the concepts of reason, freedom, and human will. Socrates introduced in philosophy ethical range of problems and made attempts to formulate the concept of conscience. According to Socrates, human behaviour could and should be guided by reason, which, in turn, should listen to the voice of conscience. Plato distinguished between three main principles in human psyche – appetitive, strong-willed, and reasonable. The last one should assume the role of a leader, guiding human behaviour. Aristotle analysed four elements of will and came to the conclusion that the achievement of the goal in life was only possible provided that there was a reasonable cognition of the universal good and actions based on such knowledge. Thus, in the classical period of ancient Greek philosophy, there was an awareness of the close relationship between reason and will.

In the era of Hellenism, these thoughts were developed, first of all, in the writings of the Stoics. Already in the philosophy of the Early Stoa, there was a return to belief in fate, but at the same time, human freedom was not denied, but affirmed at a new level. Freedom turned out to be a key characteristic of a person, distinguishing him from other living beings. The will was considered to be free only if it was directed by reason. The latter was aware of the sphere of what is possible for a given person in given circumstances and limited his/her desires and actions to this sphere.

Keywords: *will, reason, freedom, philosophical anthropology, history of philosophy, ancient philosophy, philosophy of Hellenism*

For citation: *Nina A. Sokolova, Alexandr A. Pylkin, Alla S. Safonova. Ancient Philosophy on Intercorrelation between Will, Freedom, and Human Reason. Человек. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Cul-ture. Education. 2023; 4: 117–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-112>*

Введение. Со времен Зигмунда Фрейда, убедительно показавшего несостоятельность нашей уверенности в способности осознанно управлять собственным поведением, человечество будто утратило наивность. Просветительский призыв полагаться во всем на свой разум кажется насмешкой. Человек как существо преимущественно ра-

зумное поставлен под вопрос. Если его действия в гораздо большей степени определяются скрытыми от него самого бессознательными мотивами, то оказывается проблематичным говорить о нравственности или безнравственности того или иного индивида.

Ставятся под сомнение также и положения о тождественности воли желанию человека, степень осознанности того и другого, то, направляются ли наши волевые порывы деятельностью мышления или бессознательными влечениями.

Столь же неочевидным становится утверждение, будто человек – свободное существо, так как его поведение в большой степени оказывается предзадано внешними обстоятельствами, особенностями воспитания и окружения, внутренними побуждающими мотивами, скрытыми от него самого.

С наибольшей остротой звучат вопросы о соотношении совести и разума, о возможности (или невозможности) существования одного без другого.

Если признать тот факт, что человек не так разумен, как надеялись предшествующие мыслители, и несвободен во множестве своих проявлений, определение человеческого существа может оказаться слишком размытым и неточным.

Чтобы приблизиться к решению вышеизложенных проблем, представляется необходимым проанализировать, как соотносятся понятия воли, свободы и разума в истории развития философской мысли.

Соотношение воли, свободы и разума в философии Древней Греции. Ранние греческие философы занимались в основном поиском первоначала всего существующего, а также вопросами, связанными с возможностью и способами познания этого первоначала. Соответственно, в поле их внимания не попадали проблемы нравственности (выбора, воли, свободы). Разум интересовал их в качестве всеобщей сущности, в том числе сущности человека, его познавательной способности.

В философии софистов происходит смещение акцента с бытия на человека, на его субъектность и субъективность. Связано это было прежде всего с изменениями в политической сфере. Так, в

Афинах вследствие реформ Солона было отменено долговое рабство, а афиняне, которые были обращены в рабство людьми из других полисов, были выкуплены с помощью средств из городской казны. Термины «свобода», «личная независимость» прочно вошли в обращение в качестве ключевых характеристик граждан афинского полиса [1, с. 631]. Особенность греческой демократии заключалась в том, что каждый гражданин был обязан участвовать в управлении государством, а соревновательный характер греческой культуры побуждал людей активно творить новые идеи, выработать собственные стратегии, в соответствии с которыми должна была быть организована жизнь в родном городе-государстве. Однако, чтобы эти идеи получили популярность среди других граждан, их следовало умело преподнести, обосновать не только оригинальностью, но и полезностью обществу. Здесь на помощь пришли софисты, с одной стороны уча мыслить нестандартно, не опираясь на общепринятое мнение, традиции или религиозные догмы, а с другой – обосновывать свои доводы, убеждать окружающих в собственной правоте.

В рамках философии софистов человек осмысливается как «мера всех вещей». Он свободно, самостоятельно выбирает (волевым актом), как оценивать тот или иной феномен, какие стратегии поведения выбрать. При этом воля выступает у софистов как «относительно самостоятельная способность разума» [2, с. 98], акцент делается на «связь воли и разума, а не на их разрыв» [2, с. 98]. Разум направляет волю человека, а она, в свою очередь, определяет те или иные его поступки.

Данная позиция была своеобразным нововведением в рамках греческой мысли. До софистов считалось, что человеческие действия предзаданы судьбой, а не представляют собой проявления свободной воли.

Так, например, в трагедии Софокла Эдип, опираясь на представления о добре и зле, пытается сделать осознанный выбор: услышав страшное предсказание, что ему предстоит убить собственного отца и жениться на матери, он уходит из дома, бежит как можно дальше от людей, которых считает своими родителями,

но что это меняет? Пророчество должно осуществиться независимо от разумно принятых им решений, от его волевых действий, основанных на размышлениях.

Эдипу предстоит испытать чувство вины и понести наказание за собственные действия, несмотря на непреднамеренность их совершения.

Сократ задает в своей философии новые горизонты осмысления понятий «разум», «воля», «свобода» и их соотношения. Он задает древним грекам – а вместе с ними и европейцам в целом – новые ориентиры: от «культуры стыда» начинается осуществляться переход к «культуре вины» [3; 4, с. 77].

Раньше греки опирались в принятии своих решений на внешнюю оценку. Сократ впервые заговорил о наличии в каждом человеке внутреннего судьи – голоса совести, предварительно оценивающего возможное действие и рекомендующего его выполнить или от него воздержаться. Произнося свою защитную речь на суде, в процессе которого его обвиняли среди прочего в развращении умов юношества, Сократ упоминает некий внутренний голос («демона»), который является ему всякий раз, когда он хочет совершить какой-либо несправедливый поступок. Этот голос как бы удерживает его от недобрых мыслей, слов и действий [5, с. 85–86].

Согласно Сократу, мы можем укреплять, развивать этот голос. И это оказывается возможным только благодаря опоре на знание. Знание, полученное в результате разумных размышлений. Человек, который по-настоящему знает, что такое добро и зло, никогда не будет совершать плохие поступки. «Стремление к благу (благо для нас приравнивается к счастью) – неотъемлемая часть нашей природы, поэтому мы творим зло неосознанно» [6, с. 22].

Главная проблема, по Сократу, заключается в том, чтобы осуществить это разумное познание, найти окончательные (непротиворечивые) определения основных нравственных категорий.

Платон продолжает развивать мысль своего учителя.

Для него идеальным человеком является тот, в ком одновременно сосуществуют «добродетельная душа, красивое тело и мудрый ум» [7, с. 2].

В диалоге «Федр» он сравнивает человеческую душу с колесницей, запряженной двумя лошадьми. Черный конь символизирует вожделеющее начало, физиологические потребности, кипящие в человеке страсти, чисто эгоистические устремления. Белый конь символизирует начало, ориентированное в большей степени на оценку извне. Это человеческие стремления, приобретаемые благодаря жизни в обществе: стремления к славе, общественному одобрению, к сохранению чести. Белый конь постоянно притормаживает черного, боясь осуждения со стороны других людей.

Человек не смог бы нормально существовать, действовать, если бы в его психике не было третьего начала – стремящегося привести к балансу «черного» и «белого» коней. Таким упорядочивающим началом, по Платону, должен быть разум – «колесничий», подстегивающий белого и направляющий в нужное русло энергию черного коня [8].

Согласно Платону (закладывающему основы всей классической философской традиции), разум может и должен быть руководящим началом для воли. При этом сам разум будет опираться исключительно на себя, в себе самом будет иметь основание своих действий.

Кроме того, разум не субъективное начало в человеке. Это то, что связывает человека с истиной. Разумное начало позволяет знать, каково всеобщее Благо (Добро, Истина, Красота), и, лишь обретая это знание, человек получает прочное основание для своего волеизъявления – стремления удовлетворить собственные потребности с наибольшей эффективностью (как для себя, так и для окружающих). Разум позволяет действовать не вслепую, а в соответствии с подлинным порядком вещей. Именно благодаря разумному началу своей души человек способен перестать ощущать себя в собственном теле будто в темнице. Направляя свою волю не на внешнее, ускользящее, чужое подлинной человеческой сущности, а на вечное, благородное, зависящее от него самого, человек добивается настоящей свободы [9, с. 54–55].

Благодаря опоре воли на разум человек сможет избавиться от чувства стыда (возникающего от порицания со стороны окружаю-

щих) и/или от чувства вины (результата укоров совести) за свои поступки. Впрочем, античная культура не невротична. Категории стыда и вины не являются для нее столь значимыми, как для следующих эпох.

Свое наилучшее раскрытие в античности тема соотношения воли и разума получила в этике Аристотеля.

Согласно этому философу, наивысшая цель человека – достижение счастья [10, с. 62–63]. Счастье же определяется им как «добродетельная жизнь», проходящая в постоянной деятельности [11, с. 303]. Вне практики, вне деятельности человек не способен достичь своей цели.

При этом Аристотель выделяет четыре вида действия, соотнося их с четырьмя элементами воли [12, с. 16]:

1. Действия, которые зависят от человека, источник которых – сам человек, а не внешние силы. То, что человек в состоянии сделать или не сделать. В данном случае человек не отличается от животных, которым тоже присущи стремления, причем, их стремления неразумны [13, с. 444].

2. Действия, осуществляемые спонтанно, согласно волеизъявлению самого человека, а не в результате внешнего принуждения (ἐκούσιον). Характерное отличие такого типа действия заключается в том, что оно не является результатом выбора или обдуманно принятого решения.

3. Действие как «результат обдуманного решения» [12, с. 16] (προαίρεσις / electio), являющееся итогом обдуманного решения.

4. βούλεσις, или «воля к цели» [12, с. 16]. Это воля, обладающая способностью рассуждать, устремляющая человека к конечной цели, сообразующая с ней все его поступки.

В отличие от рассудочной воли (προαίρεσις / electio) разумная (βούλεσις) соотносит все возможные действия человека со всеобщим благом, а не с сиюминутной выгодой или сомнительным удовольствием. Согласно Аристотелю, человек, живущий среди других людей, способен достичь счастья только при условии торжества всеобщего блага над индивидуальными предпочтениями.

Воля и разум неразрывно связаны друг с другом. «Ум не движет без стремления (ведь воля есть стремление, и когда движение совершается сообразно размышлению, оно совершается и сообразно воле)» [13, с. 443]. Воля – «единственный вид стремления, который зарождается в разумной части души» [2, с. 102]. Воля связана со способностью анализировать ситуацию и выбирать тот или иной вариант действия.

При этом человек может обладать слабой волей (подчиняющейся скорее чувствам, а не разуму), но может и сильной (волей, полностью подвластной разуму и способной придерживаться принятых им решений вопреки воздействию страстей) [14, с. 3–4]. При этом слабовольный человек, в отличие от безнравственного или действующего опрометчиво, будет осознавать, что он осуществляет противный разуму выбор [14, р. 4].

Таким образом, в греческой философии классического периода осуществляется переход от предшествовавшего способа рассмотрения человека, его свободы и ответственности за свои действия к новому. «Человек виновен и ответственен не потому, что его действия нарушают порядок, но потому, что он обладает знанием нравственно должного» [2, с. 101–102].

Главный долг человека – знать всеобщее благо. Все несправедливые поступки совершаются от неведения [10, с. 106], которое в поле ответственности самого человека.

Свобода воли и разум в эпоху эллинизма. В эпоху эллинизма на территории, объединяющей древнегреческие полисы, складывается сложная политическая обстановка, в рамках которой на первое место среди обсуждений в интеллектуальной среде выходят проблемы, связанные с этикой. Чем меньше прав и свобод становится у каждого отдельного гражданина, тем актуальней для него оказывается моральная проблематика, особенно вопросы, касающиеся свободы воли.

Внимание философов поздней античности направлено на внутреннее состояние человека, его самоощущение в постоянно меняющемся мире. Для эпикурейцев идеалом стремлений является состояние счастья, которое достигается путем получения удо-

вольствий (прежде всего, духовных) и избегания страданий. Для киников таким идеалом является освобождение от противоположенных (с их точки зрения) стремлений к славе, богатству, роскоши, от всякого рода условностей, от зависимости от общественного мнения. Для стоиков – атараксия, стойкая безмятежность духа, полное владение собственными душевными порывами, разумный контроль над желаниями и действиями.

В наибольшей степени вопросы, связанные с исследуемой в данной статье проблематикой, были разработаны в рамках философии стоицизма. Самой целью их философствования было, по выражению П. Адо, помочь человеку «прийти к подлинному состоянию жизни, в котором человек достигает самосознания, точного видения мира, внутреннего покоя и свободы» [9, с. 24].

Этика занимала для стоиков центральное положение среди других частей философии физики и логики. Главной целью было обретение внутренней гармонии, жизнь в согласии с собой и природой, чего невозможно было бы осуществить, согласно стоикам, не понимая, как устроен мир и как в нем «сцеплены причины». Знание об устройстве космоса давала физика, владение логикой обеспечивало адекватность постижения мира и возможность предвидения будущих событий.

Уже ранние стоики вводят в философию понятие судьбы. Согласно Хрисиппу, «судьба управляет миром, который, однажды возникнув, не может быть изменен даже волей богов» [15, № 924, с. 141]. Подобное основоположение, казалось бы, должно было привести философов данного направления к жесткому детерминизму, уверенности в полной предопределенности всего происходящего, невозможности противостоять предначертанному. По известному выражению Сенеки, «судьба покорного ведет, а непокорного тащит» [16, с. 184]. Однако, как пишет исследователь философии раннего стоицизма А. С. Степанова, «было бы преувеличением называть ранних стоиков приверженцами учения о роке как непреодолимой цепи причинно-следственных связей. Напротив, стоики впервые занялись вопросом о соотношении детерминизма и свободной воли, увидев здесь серьезную проблему» [16, с. 197–

198]. На первый взгляд, они оказались в безвыходном положении: если исходить из предпосылки о всеобщей предопределенности, можно сделать лишь вывод об отсутствии в мире какой-либо свободы воли. Однако такой вывод противоречил бы идее ответственности человека за совершаемые им поступки и, по сути, уравнивал бы его не только с животными, но даже с неодушевленными предметами, влекомыми потоком всеобщих изменений. Поясняя позицию ранних стоиков, Ориген писал: «Неверно и неразумно освобождать себя от вины, объясняя все внешними причинами и уподобляясь бревнам или камням, которые извне перемещаются теми, кто их таскает» [15, № 990, с. 177–178].

Тема свободы воли у стоиков берет свое начало в сравнении действий человека, с одной стороны, с действиями животных, а с другой – с началом, управляющим миром. В обоих случаях человеческая воля оказывается свободной только благодаря ее соединению с разумом. Как пишет Сенека: «Каково отличительное свойство человека? Разум, благодаря которому он превосходит животных и уступает лишь богам» [17, № 220а, с. 76]. Среди всех других живых существ человек выделяется способностью осуществлять свою деятельность не инстинктивно, автоматически реагируя на стимулы извне или изнутри, а мысленно сопоставляя различные варианты реакций, анализируя возможные последствия. Если реакции животных предзаданы, полностью детерминированы внешней средой и потому предсказуемы, человек благодаря размышлению может изменить вектор своей изначальной реакции на прямо противоположный.

Разум – это то, что роднит человека с самой сутью бытия. Согласно Хрисиппу, судьба – это «причинная цепь всего существующего, или разум, согласно которому происходит все в мире» [15, № 915, с. 139]. Судьба и есть «разум мира» [15, № 913, с. 138]. И если мировой разум свободен в управлении всем сущим, свобода человека заключается во власти над самим собой, живущим в этом мире. Он не в состоянии переменить ход вещей, но может полностью владеть собой (своими эмоциями, желаниями, помыслами). Для развития такой способности стоики (особенно поздние) разработали ряд духовных практик. Главенствующей среди них являлась постоянная рефлексия. Так, напри-

мер, в своих «Размышлениях наедине с собой» Марк Аврелий то и дело советует: «наблюдай за собой», «посмотри на себя» [18, с. 103]. Еще одна – техника «досмотра сознания» [19, с. 66], в рамках которого философ утром ставил цель и задачи на грядущий день, а вечером отчитывался перед самим собой о достигнутом, о внутренних изменениях, давал оценку собственным промахам или удачам. Часто подобные размышления соединялись с практикой «написания себя» [19, с. 66], находившей выражение в ведении дневника или переписке с различными корреспондентами.

Другие практики касались внешнего мира и были призваны помочь человеку воспринимать действительность и ее объекты беспристрастно, не поддаваясь иллюзиям, не подвергаясь влиянию со стороны мнений других людей, сколь бы авторитетными они ни были.

Следующая практика – вдумчивое чтение с периодическим обсуждением прочитанного с другими людьми, а также своеобразное коллекционирование мыслей древних, к медитации над которыми стоик возвращается в течение всей своей жизни, углубляя свое понимание действительности и тем самым укрепляя себя, свою позицию в мире, делая себя независимым от внешнего воздействия.

И наконец, «упражнение последнего дня», заключающееся в интенсивном проживании каждого события дня с мыслью о том, что он является последним днем твоей жизни. Таким образом, философ стремился, во-первых, жить настоящим, не отвлекаясь на пугающие мысли о будущем или сожаления о прошлом, во-вторых, учился трезво оценивать свои поступки, стремиться совершать лишь значимое, важное, не жить в праздности, умерять свои желания. Согласно Сенеке, научившись умирать, человек перестает быть рабом [9, с. 44].

Практикуя подобные техники, стоик учился глубже понимать себя и вместе с тем мир, жить в этом мире, не испытывая желаний, которые входили бы в противоречие с возможностями. Причем, чтобы добиться такой власти над собственными стремлениями, человеку нужно было приложить немало усилий и в конечном счете сделаться мудрецом. «Воля (ἡ βούλησις) есть разумное желание, таковым же обладает только мудрец» [16, с. 192]. Осознавая

необходимость происходящего и не пытаюсь противодействовать неизбежному, он соотносит собственные возможности с действительным положением дел, не желает ничего несбыточного, не совершает ничего из того, что шло бы вразрез с добродетелью, с чувством долга [20, с. 211–213].

«Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живет так, как он хочет. Разумный человек всегда живет так, как он хочет <...> он только того и желает, что возможно получить. И потому разумный человек свободен», – пишет Эпиктет [20, с. 231].

Если мудрец намерен избежать какой-то страшной участи в будущем, он может повлиять на свои поступки в настоящем, чтобы вмешаться в сплетение причин и предотвратить катастрофу. Так, например, Ориген, анализируя предсказание оракула Лаю, пишет, что единственным шансом для отца Эдипа не быть убитым собственным сыном было осознать всю цепь причин, которые могли бы привести к подобному исходу, и не зачинать детей [15, № 957, с. 158].

Таким образом, античная мысль проделала путь от утверждения о безусловной подвластности человека судьбе до признания одновременно и судьбы (всеохватывающей причинно-следственной связи вещей), и свободы разумного существа распоряжаться собой, своим внутренним состоянием в рамках развивающихся определенным образом событий.

Заключение. Проанализировав историю становления философской мысли античности, можно сделать вывод о том, что почти с самого начала возникновения философской традиции в Европе определение понятия человека тесно связано с понятиями разума, свободы и воли.

Так, в философии софистов человек осмысливается как существо деятельное. Если человек добивается свободы своего мышления, он становится независимым от традиций, догм, мнений толпы. Такой индивид ведет себя в соответствии с собственным сознательным выбором того или иного поступка, определяя тем самым свое место в этом мире, придавая смысл вещам и событиям.

В философии Сократа человек прежде всего существо нравственное. А его нравственность базируется на уразумении всеобщего блага и действиях в соответствии с ним.

Платон, а вслед за ним и Аристотель, также приписывает разуму ведущую роль в поведении человека. Разум должен направлять волю и обуздывать низменные страсти. Цель человеческой жизни – в достижении истинного знания не только ради самого этого знания, но также ради гармоничного существования в мире, в том числе счастливого сосуществования людей друг с другом.

У стоиков термин «свобода» становится одним из ключевых. Воспитавший себя мудрец, практикующий духовные упражнения, имеет свободу воли в качестве главной своей цели. Даже если трактовать свободу в вульгарном смысле – как возможность делать все, что человек хочет, – стоик свободен, поскольку его желания не входят в противоречие с существующим положением дел и потому исполнимы. С помощью разума, четко определяющего в каждый момент времени сферы возможного и неизбежного, философ умеряет свои желания, вписывая их в рамки данных сфер.

Таким образом, согласно европейской философской традиции античности, счастливый человек (и подлинно свободный) – тот, чья воля подчинена разуму. Термины «свобода», «воля» и «разум» взаимосвязаны. Разум призван направлять волю. Без руководства с его стороны воля рискует оказаться подвластной диктату низменных желаний.

Список источников

1. Ларионов И. Ю., Перов В. Ю., Семенов В. В. Моральный идеал свободы: рабство и наемный труд в античности // SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13. № 2. С. 627–636.
2. Харламов А. Н. Особенности формирования категорий свобода воли, вина и ответственность в эпоху античности // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 98–102.
3. Бенедикт Р. Хризантема и меч. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 256 с.
4. Солодова Л. В. Кросскультурный анализ социально-психологических феноменов «стыд» и «вина» // Человек и мир: Психология риска, инноваций, конфликта: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 76–81.

5. Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 70–97.
6. Iskra-Paczkowska A., Paczkowski P. Ancient Doctrines of Passions: Plato and Aristotle // *Studia Humana*, Rzeszow, 2016, Vol. 5(3), pp. 21–28. DOI: 10.1515/sh-2016-0012.
7. Kotsori I.-S. Plato: The Virtues of Philosophical leader // *Open Journal for Studies Philosophy*. 2018. 2 (1). doi.org/10.32591/coas.ojsp.0201.01001k.
8. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135–192.
9. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер: ИД «Коло», 2005. 448 с.
10. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
11. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 296–374.
12. Малинина Н. В. Альберт Великий и Мартин Лютер о свободе воли // *Глобализация и идентичность / под ред. Г. Б. Ворониной, Г. М. Ершова: Московский государственный лингвистический университет*, 2017. С. 15–23.
13. Аристотель. О душе // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–451.
14. Tremblay M. Akrasia in Epictetus: A Comparison with Aristotle // *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. 2019. Vol. 53 (4). Pp. 1–27. DOI: 10.1515/apeiron-2018-0071
15. Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2002. Т. 2. Ч. 2. 272 с.
16. Степанова А. С. Философия Древней Стои. СПб.: Изд-во КН, 1995. 272 с.
17. Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2007. Т. 3. Ч. 1. 299 с.
18. Марк Аврелий. Наедине с собой. М.: АСТ, 2019. 256 с.
19. Русаков С.С. Практика субъективации в стоической философии Марка Аврелия // *Этическая мысль*. 2022. Т. 22. № 2. С. 62–73.
20. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. 463 с.

References

1. Larionov I. Yu., Perov V. Yu., Semenov V. V. The moral Ideal of Antiquity: Slavery and Wage Labour in Antiquity. *SCHOLE. Filosofskoe antikovedenie I klassicheskaya tradiciya* [SCHOLE. The philosophical Study of Antiquity and Classical tradition], 2019, vol. 13, no 2, pp. 627–636. (In Russ.)
2. Harlamov A. N. The Features of the Formation of the Concepts of Freedom of Will, Guilt, and Responsibility in the Ancient Period. *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i*

mezhhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the VGU, Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2007, no 2 (2), pp. 98–102. (In Russ.)

3. Benedict R. *Hrizantemameich* [The Chrysanthemum and the Sword]. Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2014. 256 p. (In Russ.)

4. Solodova L. V. Cross-Cultural Analysis of Socio-Psychological Phenomena “Shame” and “Guilt”. *Chelovek i mir: Psihologiyariska, innovacij, konflikta. Sb. nauch. trudov* [Man and the World: Psychology of Risk, Innovation, Conflict. Selected Works]. Ekaterinburg: Humanitarian University Publ., 2016, pp. 76–81. (In Russ.)

5. Plato. Apology of Socrates. *Plato. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Selected Works in 4 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1990, Vol. 1. Pp. 70–97. (In Russ.)

6. Iskra-Paczkowska A., Paczkowski P. Ancient Doctrines of Passions: Plato and Aristotle. *Studia Humana*, vol. 5(3). Rzeszow, 2016, pp. 21–28. DOI: 10.1515/sh-2016-0012

7. Kotsori I.-S. Plato: The Virtues of Philosophical leader. *Open Journal for Studies Philosophy*, 2018, 2 (1). doi.org/10.32591/coas.ojsp.0201.01001k

8. Plato. Phaedrus. *Plato. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Selected Works in 4 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, Vol. 1. Pp. 135–192. (In Russ.)

9. Hadot P. *Duhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual Exercises and Ancient Philosophy]. Moscow, St.Petersburg: Stepnojveter Pub., ID «Kolo» Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)

10. Aristotle. Nicomachean Ethics. *Aristotle. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Selected Works in 4 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. Vol. 4. Pp. 53–293. (In Russ.)

11. Aristotle. Great Ethics. *Aristotle. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Selected Works in 4 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1983, Vol. 4. Pp. 296–374. (In Russ.)

12. Malinina N. V. Albert the Great and Martin Luther on the Freedom of Will. *Globalizaciya i identichnost'* [The Globalization and Identity]. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., 2017. Pp. 15–23. (In Russ.)

13. Aristotle. On the Soul. *Aristotle. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Selected Works in 4 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. Vol. 1. Pp. 369–451. (In Russ.)

14. Tremblay M. Akrasia in Epictetus: A Comparison with Aristotle. *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*, 2019, vol. 53 (4), pp. 1–27. DOI: 10.1515/apeiron-2018-0071

15. *Fragmenty rannih stoikov* [Fragments of the Early Stoics]. Per. Stolyarov A.A. Moscow: Greco-Latin Study by Y.A. Shichalin, 2002, vol. 2, part 2, 272 p. (In Russ.)

16. Stepanova A. S. *Filosofiya Drevnej Stoi* [Philosophy of Ancient Stoya]. St. Petersburg: KN Publ., 1995, 272 p. (In Russ.)

17. *Fragmenty rannih stoikov* [Fragments of the Early Stoics]. Per. Stolyarov A. A. Moscow: Greco-Latin Study by Y.A. Shichalin, 2007, vol. 3, part 1, 299 p. (In Russ.)

18. Marcus Aurelius. *Naedine s soboj* [The meditations]. Moscow: AST Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)

19. Rusakov S. S. The Practice of Subjectivation in Marcus Aurelius' Stoical Philosophy. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2022, vol. 22, no 2, pp. 62–73. (In Russ.)

20. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelij* [Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Republic Publ., 1995. 463 p. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Соколова Нина Александровна

Nina A. Sokolova

кандидат философских наук, доцент
кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnicheskaya St., Petersburg, 195251, Russia

Пылькин Александр Александрович

Alexandr A. Pylkin

кандидат философских наук, доцент
кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnicheskaya St., Petersburg, 195251, Russia

Сафонова Алла Сергеевна

Alla S. Safonova

кандидат философских наук, доцент
кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия

29, Polytechnicheskaya St., Petersburg, 195251, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

08.07.2023
06.08.2023
10.09.2023

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 304.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-130>

Школа как молодежная культурная сцена: проблематизация вопроса

Олег Валерьевич Мясоутов

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии,
Красноярская школа № 11,
средняя общеобразовательная школа № 10 им. Ю.А. Овчинникова
Красноярск, Россия, polius@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена обсуждению возможности и перспектив использования термина «молодежная культурная сцена» в качестве концептуальной рамки для изучения школы как центра воспитания культуры, ее культуuroобразующей роли в молодежной среде.*

Рассматриваются пути решения проблемы воспитания в школе, прежде всего через погружение в культуру посредством социокультурных практик

интересного. Школа, являясь культурообразующим фактором, сама находится в культурной среде определенного локального пространства (района, города, региона). Эта культурная среда, в свою очередь, формирует культурное пространство школы, а школьники, обучаясь и социализируясь в этом культурном пространстве, фактически совмещают разные измерения групповых идентичностей: субкультурные, стилевые с одной стороны, этнические и религиозные с другой. Вместе с тем в российской школьной повседневности на современном этапе пересекаются три социокультурные тенденции: традиционное устройство школьной жизни, инновационное образование, декларируемое ФГОС, и отражение социокультурных вызовов новой технологической реальности и социальной неопределенности.

Кроме обоснования теоретических основ в статье приводятся некоторые наиболее показательные результаты эмпирических исследований, свидетельствующие об особенностях молодежной культурной сцены школьников. Высказывается авторская гипотеза о том, что именно может стать точкой опоры, открывающей возможность выхода современной школы из ценностно-мировоззренческого тупика воспитания при столкновении молодежной культуры желаемого настоящего с традиционной школьной повседневностью и социально-политическими бифуркациями в мире, выражающимися в ситуации глобальной социальной неопределенности.

Данное исследование предлагает использование теоретико-методологической концепции культурной сцены в отношении современной школы. Это, в свою очередь, позволит учитывать при анализе проблем школьного воспитания не только традиционную средовую составляющую воспитательного процесса, но и групповые молодежные идентичности в контексте школьного пространства и реакции школьных сообществ на дискурсивное давление, нередко приводящее к тому самому ценностно-мировоззренческому конфликту «отцов и детей», который сегодня как никогда актуален для современной школы.

Ключевые слова: школа, школьники, школьная молодежь, молодежная культура, молодежная культурная сцена, воспитание, культура желаемого настоящего, социальная неопределенность, социокультурные практики интересного

Для цитирования: Мясоев О. В. Школа как молодежная культурная сцена: проблематизация вопроса // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 130–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-130>

School as a Youth Cultural Scene: Problematization of the Issue

Oleg V. Myasoutov

Siberian Institute of Business, Management and Psychology,

Krasnoyarsk school №11,

Secondary school №10 named after Yu.A. Ovchinnikov,

Krasnoyarsk, Russia, polius@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the discussion of the possibility and prospects of using the term Youth Cultural Scene as a conceptual framework for studying the school as a center of culture education, its culture-forming role in the youth environment.*

The ways of solving the problem of education at school are considered, first of all, through immersion in culture through socio-cultural practices of interesting things. The school, being a culture-forming factor, is itself located in the cultural environment of a certain local space (district, city, region). This cultural environment, in turn, forms its cultural space, and schoolchildren, studying and socializing in this cultural space, actually combine different dimensions of group identities: subcultural, stylistic, on the one hand, ethnic and religious – on the other. At the same time, three socio-cultural trends intersect in Russian school everyday life at the present stage: the traditional structure of school life, innovative education declared by the Federal State Educational Standard, and the reflection of socio-cultural challenges of the new technological reality and social uncertainty.

In addition to substantiating the theoretical foundations, the article presents some of the most revealing results of empirical research, indicating the peculiarities of the youth cultural scene of schoolchildren. The author's hypothesis is expressed about what exactly can become a "fulcrum" that opens up the possibility of a modern school's exit from the "value-ideological impasse" of education when the youth "culture of the desired present" collides with traditional school everyday life and socio-political bifurcations in the world expressed in a situation of global social uncertainty.

This study suggests the use of the theoretical and methodological concept of the Cultural Scene in relation to the modern school which in its turn will allow taking into account not only the traditional environmental component of the educational process, but also group youth identities in the context of school space and the reaction of school communities to discursive pressure which often leads to the same value-based ideological conflict of "fathers and children", which is more relevant today than ever for a modern school.

Keywords: *school, schoolchildren, school youth, youth culture, Youth Cultural Scene, education, culture of the desired present, social uncertainty, socio-cultural practices of the interesting*

For citation: Myasoutov O. V. School as a Youth Cultural Scene: Problem-ization of the Issue. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Educa-tion*. 2023; 4: 130–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-130>

Введение. Молодежь в современном мире все больше становится объектом манипулирования, причем как во внутрироссийских общественно-политических баталиях, так и в той информационной войне, которая широко развернулась в наши дни на международном уровне. Такое целенаправленное внимание к молодежи во многом основывается на феномене молодежной культуры, за последнее время оказавшемся недооцененным в российской научной мысли. Можно смело утверждать, что в научной среде пока еще наблюдается некоторая недооценка того, что молодежный активизм все больше и больше уходит в пространство культуры.

Данное утверждение позволяет задуматься, готовы ли мы к пониманию «молодежной повестки» с точки зрения развития культуры в широком значении? Может ли современная школа как важнейший агент социализации и воспитания найти ответы на те культурные вызовы, которые порождает новая технологическая реальность с одной стороны и ситуация социальной неопределенности с другой и которые проявляются в молодежной среде в изменениях в коммуникативных практиках, в практиках повседневного поведения (причем не только школьников, но и их родителей и педагогов), в сфере этических эталонов?

Такая постановка вопроса во многом актуализирует обращение к более расширенному пониманию школы как молодежной культурной сцены и позволяет сказать, что на основе ценностей и культурных мифов, проявляющихся сегодня в молодежной культуре, формируются новые (или обновленные) образно-смысловые категории, обладающие помимо специальных характеристик (таких, как правовые, социальные или политические) базовым куль-

турным содержанием, лежащим в основании смысловых конструкций и отражающим особенности молодежи прежде всего как субъекта культурного действия.

Относительно новым в изучении молодежной культуры, исторически возникшим на пересечении двух направлений – исследований города и социологии музыки, является понятие «сцена». Современные ученые периодически пытаются адаптировать это понятие к изучению немusикальных пространств и практик, показывая тем самым оригинальный подход к исследованию новых форм молодежных социальностей с учетом выбора особых мест, наделяемых молодыми людьми своими смыслами как части их групповой идентичности. Есть перспективные попытки оценить феномен молодежи с точки зрения анализа его конкретных социокультурных воплощений. Так, Е. Л. Омельченко, исходя из того, что, «с одной стороны, российская молодежь, по сравнению с западными сверстниками, в меньшей степени включена в международную мобильность, с другой – она плотно вовлечена в глобальные молодежные тренды, при этом этнически разнообразная комбинация молодежных групп (школьные классы, университетские аудитории, дворовые и культурные компании) является для нее привычной средой взросления, в том числе и в контексте семейной истории», делает вывод: «на формирование особых молодежных солидарностей или культурных молодежных сцен не в меньшей степени (а в конкретной российской ситуации – в значительной степени) влияют государственные дискурсы в отношении молодежи, локальные условия взросления, гендерные, религиозные и этнические режимы нормативности и, конечно, уровень и качество жизни в целом» [1, с. 8]. «Сцена», с точки зрения Е. Л. Омельченко и С. И. Полякова, есть «место притяжения и создания неких культурных продуктов, наделяемых смыслом, значимым для групповой идентичности» [2, с. 116]. Таким образом, сцена – это всегда какое-то место, при этом место многозначное, как конкретная физическая точка притяжения, так и более широкий контекст, выходящий за рамки конкретного локуса; место, которое становится символом (знаком) групповой идентичности.

Отсюда одной из наиболее важных культурологических задач видится «открытие» школы как культурной сцены, исходя из того, что школа всегда обладала и обладает социокультурным потенциалом для поддержки и культивирования культурного в человеке. Ведь человек сам есть, с одной стороны, творец культуры, с другой – ее творение. Человек, погружаясь в культуру, не только (и не столько) знакомится с ее достижениями, сколько сам открывает для себя новый мир, сам творит культуру.

Так что же такое современная школа? Место получения знаний и инструментального использования технологических возможностей или же нечто большее, та самая культурная сцена, позволяющая, во-первых, увидеть разные включенные группы и инициативы; во-вторых, анализировать не только непосредственных участников сцены, но и тех, кто находится вне ее, при этом наблюдая и взаимодействуя с ее участниками; и наконец, в-третьих, обратить более пристальное внимание на неформальные связи и знания, приобретаемые участниками сцены, на размытость границ между социальным и профессиональным. Ответ на данный вопрос позволит перевести фокус с конкретно функционального понимания школы как центра образования и воспитания на более широкое понимание – как места производства культурного продукта.

Таким образом, на сегодняшний день контекст молодежной культурной сцены в аспекте школьной жизни как никогда актуален, поскольку и само российское общество находится на социокультурном распутье. И пока не совсем очевидно, по какому сценарию пойдет его дальнейшее развитие – по национально-конструктивному, учитывающему социально-культурные коды и опыт предшествующих поколений россиян, в том числе опыт этнороссийский и советский, или по пути «революционизма» в социуме и культуре, во многих аспектах смыкающегося с западными «образцами прогресса».

Методы исследования, теоретическая база. Методология исследования строится на принципах стратегии смешивания методов [3]. Основу составил системный подход, использовались методы анализа и синтеза, описательный метод.

Обращение к концепту культурной сцены актуализируется прежде всего его потенциалом в отношении групповых практик

молодежи, вписанных в различные пространства. Автор пытается показать, как с помощью сценического подхода можно исследовать новые формы молодежных социальностей в контексте социокультурного пространства.

Эмпирическую базу составили данные фокус-групп и анкетирования, проведенных ранее, в 2021 и 2022 гг., в рамках авторских исследований культурных трендов школьников, их роли в формировании «культуры желаемого настоящего» и динамики в современных условиях социальной неопределенности.

Важнейшим понятием исследования является «молодежная культурная сцена». **Теоретическая база исследования** опирается на понимание молодежной культурной сцены как социокультурного пространства (частного или публичного, реального или виртуального), которое осваивается молодежью, способствует выражению ее идентичности и становлению в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала.

Исследование концепта молодежной культурной сцены предполагает на первом этапе определение морфологической сущности данного понятия. Для этого нам необходимо прежде всего проследить определенную трансформацию взглядов в понимании сцены как культурологического феномена и присущих ей социокультурных характеристик.

Зарождение и развитие концепта сцены связано с актуальной дискуссией, возникшей в западной научной традиции в 1970–1980-х гг. и критически переосмыслившей субкультурные теории [4]. Напомним, смысловым стержнем субкультурных теорий является представление об оппозиции субкультуры по отношению к массовой культуре. При этом, по замечанию некоторых исследователей, в культуре позднего модерна и тем более постмодерна перестает быть актуальным представление о наличии только одной разделяемой всеми культуры, по отношению к которой субкультуры как бы бросают вызов и выражаются в неких девиациях [5; 6]. Культурную ситуацию постмодерна логичнее описывать как совокупность культурных сцен. Так что же такое культурная сцена? Сцена представляется нам как некая точка сборки различных социокультурных конструкций. Сцена соотносится с определен-

ным стилем жизни, разделяемым ее участниками, некоей культурной чувствительностью – правильно – неправильно, красиво – некрасиво, этично – неэтично и т. д. (в отличие от субкультурного стиля с его строгой приверженностью прежде всего внешнему проявлению). Сцена находится на пересечении этики и эстетики (с одной стороны, это пространство для репрезентации культурных идентичностей – возможность видеть и быть увиденным; с другой – «этический мир» с определенным моральным режимом, помогающим установить правила поведения каждого из участников сцены).

Концепт «сцены» позволяет рассматривать внутреннюю гетерогенность общества, при том что субкультурный стиль перестает быть однозначным идентификатором принадлежности к конкретной субкультуре. Взять, например, хипстеров или представителей различных спортивных практик – паркура, воркаута, скейтборда и пр. К этим сообществам сложно применим субкультурный подход, так как внутри них мы обнаруживаем различные сегменты при сохранении некоего общего ценностно-коммуникативного ядра. Основа современных молодежных сообществ – это их тесные эмоциональные связи, закрепляющиеся в повседневных практиках. Сценовый подход позволяет перенести исследовательский фокус с анализа культурных дискурсов на определение правил и смыслов, по которым индивиды совместно формируют сцену, воспроизводя в повседневных социальностях определенные социальные конструкции.

В отечественной науке на сегодняшний день также достаточно широко разрабатывается сценовый подход.

Вопросам конструирования понятия «молодежная культурная сцена» посвящена статья Е. Л. Омельченко и С. И. Полякова «Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ», к которой мы обращались выше. Авторы, отталкиваясь от дискуссии вокруг субкультурного подхода, его критики, осмысления истории теоретизации в молодежных исследованиях, обосновывают эвристическую ценность сценового подхода.

Анализу субкультурных, солидарных, сценовых норм и правил в тесной связи с гендерными, этническими и религиозными режимами, значимыми для той или иной группы, посвящена коллективная

монография «Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности», изданная в 2020 г., к которой мы также обращались ранее.

Таким образом, «сцена», в отличие от «субкультуры», есть локально организованный социальный мир людей, сетей и сообществ, включающий в себя не только тех, кто производит смыслы, но и «зрителей», становящихся участниками этого производства. Исходя из этого вспомним утверждение В. А. Лукова о том, что молодежь – всегда «социальная конструкция определенного времени и определенных социокультурных условий» [7, с. 39]. При этом обратим внимание на то, что исследователь настаивает на связи этой конструкции с «функцией передачи социокультурных кодов от поколения к поколению для поддержания устойчивости общественного порядка» [7, с. 39].

Молодежная культура наиболее открыта процессам социокультурной трансформации норм и ценностей, поскольку именно она быстрее осваивает новые ценности и, следовательно, больше всего нуждается в социокультурной идентичности. Только молодежная культура помогает молодому человеку в освоении социокультурных навыков поведения, в присвоении первичного статуса, в адаптации к ослаблению связей с родителями (семьей), в передаче специфических ценностных представлений, а также в удовлетворении потребности в общении с себе подобными. И сегодня молодежная культура, формируясь в условиях новой технологической реальности и глобальной социальной неопределенности, во многом обуславливает формирование социокультурных ценностей, адекватных этой новой реальности, в молодежной среде, а школа, на наш взгляд, во многом является местом пересечения, точкой сборки различных молодежных культурных смыслов и ценностей. Так готова ли современная школа к адекватному восприятию этих смыслов и ценностей и к диалогу с молодыми людьми на культурной сцене? Этот вопрос, на наш взгляд, заслуживает широкого обсуждения в академической среде.

Результаты исследования и их обсуждение. В развитии сценочного подхода обратимся к непосредственным эмпирическим исследованиям молодежного школьного сообщества и попытаемся выяснить, как производится школьная молодежная культурная

сцена. Исследования проводились в сентябре-октябре 2021 г. и сентябре-октябре 2022 г. Для эмпирических исследований мы привлекли 100 учащихся школ Красноярска (от 14 до 18 лет), отобранных методом случайной выборки. В рамках исследований нами были использованы качественные социологические методики, позволяющие определить специфику школьной молодежной сцены города: фокус-группы, анкетирование. Очевидно, что подробное описание школы как молодежной культурной сцены еще впереди, на данном этапе проблематизации вопроса мы ограничиваемся лишь общим описанием некоторых специфических смыслов, которыми наполняется сегодня школа как молодежная культурная сцена.

Полученные нами в ходе проведения фокус-групп результаты позволяют говорить прежде всего о том, что вектор развития ценностных ориентаций современных российских школьников долгие годы развивался в сторону приоритетов общества потребления. На этих приоритетах и относительно высоком уровне материального благополучия, особенно в российских городах, выкристаллизовалась в своих основных чертах молодежная «культура желаемого настоящего», в которой было сформировано целиком и полностью как минимум одно поколение российской молодежи. Поколение клипового сознания и визуального мышления, оно оказалось и первым поколением России, полностью сформированным под воздействием новой технологической реальности, ставшей одним из системообразующих кодов современной молодежной культуры [8]. В этой модели четко видны социокультурные истоки пессимистических настроений сегодняшних школьников как в отношении будущего, так и в отношении обременения себя выстраиванием реальных социальных отношений. Жизнь, конечно, вносит в этот процесс некоторые коррективы, и тем не менее, как показывают предыдущие авторские исследования, трудную задачу задуматься о своих перспективах и прилагать усилия по конструированию своего будущего осознанно ставят перед собой сегодня совсем не многие молодые люди.

Эмпирические исследования выявили тот факт, что бытующие в культуре школьников социокультурные смыслы базируются не

на знаниях или фактах окружающей реальности, а на образах молодежной культуры. В ней обнаруживаются, помимо фрагментов наличной реальности, культурные образы восприятия действительности, отдельные актуальные составляющие разнообразной современной информации и доминирующие культурные смыслы. В конечном счете реальность, порожденная такой культурной средой, превращается в симулякр – правдоподобный образ отсутствующей, но желаемой действительности (в нашем случае – желаемого настоящего). При этом о желаемом будущем речи не идет, ведь школьники, находясь в иной (виртуальной) реальности, быстро привыкающие к постоянному пребыванию в информационном поле, наполненном информацией неструктурированной, нередко непроверенной и недостоверной, часто даже не испытывают ни малейшей необходимости куда-то идти и что-либо делать, не говоря уже о том, чтобы задумываться о своем будущем и прилагать усилия по его конструированию.

Результаты анкетирования показали, что основным источником информации для большинства школьников является Интернет (95 % респондентов). Учитывая, что в настоящее время практически у каждого школьника есть мобильный телефон и возможность выхода в интернет, значительную часть своего времени современные школьники проводят в сети. Целями такого времяпровождения являются прежде всего общение, развлечение и учеба. При этом Интернет становится для них «универсальной выручалочкой» вместе с отрицанием необходимости получать знания в традиционном формате, с одной стороны, и со снижением собственной ответственности, например за результат учебы, с другой. В то же время выявлено в целом негативное отношение школьников к дистанционному образованию и преобладание в ответах респондентов высокого значения роли учителя в образовательно-воспитательном процессе. Интересно, что учитель для современных школьников – это не только и не столько «носитель знания», сколько «авторитет», «взрослый», играющий важную, но недостаточную (по мнению респондентов) роль в их жизни, и «интересный собеседник». Отмеченная недостаточность – следствие во многом дефицита (при отсутствии времени или присутствии бо-

язни) внеучебных коммуникаций между учителями и школьниками. И эти нарастающие дефициты постепенно трансформируются в опасный показатель низкого уровня межкультурных коммуникаций разных поколений российского общества.

Первым очевидным этапом выхода этого поколения из привычного состояния комфорта оказалась пандемия COVID-19. В ходе исследования 70 % опрошенных утверждали, что их привычные занятия в этих условиях изменились, 44 % отметили, что сократили свое участие в привычных молодежных «тусовках», а 51 % ограничили общение с семьей и друзьями. Хотя опрошенные школьники в своем большинстве отрицают, что испытывали панику (92 %), об общем повышении тревожности молодых людей в период пандемии убедительно говорит то, что 53 % респондентов хотели бы вернуться в допандемийный период, а 90 % считают пандемию реальной угрозой для человечества.

Эмпирические исследования показали, что такая характерная для «пандемийного этапа» выхода школьной молодежи из зоны комфорта черта, как дистанцированность от реально происходящих событий, продолжает укрепляться. Как оказалось, две трети опрошенных школьников не интересуются происходящими в мире и стране событиями (64 %). При этом культурная активность школьной молодежи стала более широкой. В определенном смысле, конечно, эта ситуация связана с различными государственными программами, реализуемыми в сфере молодежной политики. Но школьная молодежь часто переориентирует эти форматы для реализации своих личных планов и целей, например, когда включается в волонтерское движение ради будущей карьеры. Можно сказать, что ценностный вектор новой технологической реальности, сформировавшийся в прошлое десятилетие в молодежной культуре, на сегодняшний день уже стал системным ядром культуры российских школьников. Это, на наш взгляд, во многом определило те тренды, которые данная культура продемонстрировала на втором, уже качественно ином этапе выхода из зоны комфорта. Мы говорим об этапе, который наступил после февраля 2022 г. с началом специальной военной операции.

В целом нынешний этап социальной неопределенности и многофакторной изоляции, в отличие от «пандемийной эпохи», воспринимается молодыми людьми более болезненно. Поколение 14–18-летних, сформированное в идеологии глобалистского «открытого мира», считает патриотизм и национальные идеалы во многом понятиями исключительно советскими, а потому, как минимум, фундаментально устаревшими. Открывшаяся сегодня коммуникационная и ценностная «пропасть» между Россией и так называемым «коллективным Западом» меняет молодежную картину мира, и такая смена не может быть безболезненной. Блок вопросов «Будущее: цели и задачи» показал, что современная школьная молодежь находится в состоянии «компромисса с неопределенностью», то есть примиряется с чувством неопределенности, научается жить с ним, формирует новые стандарты психологической устойчивости и критического мышления. В этом смысле молодые «несчастливы». Как подтверждение этому – явное и очень сильное затруднение и даже замешательство в ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?» При этом они вынуждены формировать смысловую опору в ситуации неопределенности во всех сферах – от политики до семейной жизни. Поэтому они с большим трудом могут ответить на вопрос о своих будущих планах. Им легче проявить себя в малых делах – посадить дерево, убрать мусор, помочь кому-то.

Указанные выше особенности школьной молодежной культурной сцены – лишь немногие. Более подробно с результатами эмпирических исследований можно ознакомиться в предыдущих авторских публикациях [8; 9].

Заключение. Теоретико-методологический анализ обсуждаемой проблематики позволяет, с одной стороны, выявить глубокий потенциал концепта сцены и сценического подхода, с другой – его перегруженность различными смыслами и интерпретациями. Данный концепт зависит прямо от того сюжета, в рамках которого с ним работают и по отношению к которому оно используется, а также от пространства, к анализу которого применяется. При том что концепт сцены в силу своих особенностей затрудняет работу и сужает возможность его использования, он помогает увидеть и

зафиксировать смыслы групповых коммуникаций, которые не поддаются другим аналитическим средствам. Вместе с тем важно отделять концепт сцены в его постсубкультурной традиции от обыденного (или театрального) понимания сцены. Важнейшим критерием культурной сцены в постсубкультурном понимании является наличие общих для всех ее участников смыслов культурных практик в рамках социокультурных пространств. Отсюда следует, что это понятие вовсе неприменимо ко всем местам. Вопрос о границах применения является одним из самых важных и актуальных. Школа может и не быть культурной сценой, но она может ею стать, если школьники включаются в значимые совместные практики и коммуникации, тем самым подталкивая школьную администрацию к переопределению логики и эстетики школы как места. В дальнейшем как результат у школы-сцены формируется история, некая репутация, передающаяся через сети и в «кругу своих», что поддерживает солидарность ее участников. Внутри школы как молодежной культурной сцены формируются публичные кластеры – лаунж-зоны, театральные площадки, кинопространства, музейные холлы, лектории и т. д.

Эмпирические исследования показали, что бытующие в культуре школьников культурные тренды обеспечивают групповую интеграцию, но в целом показывают разнообразие жизненных представлений, характерное для такого типа молодежной культуры, как «культура желаемого настоящего». При этом школьная молодежь как часть российской молодежи глубоко переживает ситуацию «мировоззренческого тупика», который образовался при столкновении «культуры желаемого настоящего» и реалий политического и социально-экономического момента. Наблюдаемые в школьной среде явления как в условиях пандемии, так и в особенности в условиях изменившейся в 2022 г. политической действительности можно интерпретировать как тренд значительного расслоения настроений и мнений. Наряду с центростремительными тенденциями в культуре школьников набирают силу и центробежные тенденции. Об усилении тенденции к «закрытости» свидетельствуют углубляющаяся дистанцированность значительной части школьников от происходящих в мире и стране событий, вос-

приятие этих событий по законам сетевого контента, доминирование уклада новой технологической реальности над реалиями жизни общества и замена, таким образом, собственных реальных социокультурных практик опытом виртуального «манипулирования реальностью». К тенденции противоположного порядка относится наметившаяся автономизация мнений и поступков значительной части школьников (от 40 до 60 % по разным тематическим блокам), а также ориентация на ценности старшего поколения, усиление межпоколенческих коммуникаций и стремление опереться на опыт старших.

Социокультурные характеристики школьной молодежи – это серьезный вызов современному обществу, ответ на который видится прежде всего в развитии социокультурных форматов работы со школьной молодежью, адекватных ее социокультурным ценностям в условиях реалий современной жизни. Культурной платформой для таких форматов выступают эмоциональные социокультурные практики интересного, которые, на наш взгляд, должны стать основой культурно-образовательного процесса в современной школе. Цель их – присвоение молодежью нового опыта в процессе собственной самореализации в исследовательски-творческом (инновационном) и творческо-нарративном (фантазийном) направлениях. Глобальная задача таких практик – формирование навыков утрачивающегося алгоритма идеалообразования путем формирования в молодежной культуре обобщенного образа-клипа в семантическом пространстве «герой – народ – время», а также ценностной семантики собственных семейных культурных корней. Важнейшим фактором – эмоциональным «усилителем» и понятийно-клиповым способом перевода – является передача этой важной социокультурной информации таким образом, чтобы «усилителями» и «переводчиками» в дальнейшем диалоге со школьной молодежью выступали бы сами молодые люди, школьники – ее носители.

Образование есть социокультурный институт закрепления традиций, и в то же время это во многом пространство формирования «нового мира». Если школа и система образования в целом не заметят вышеназванного вызова, если, по образному выраже-

нию С.Д. Полякова, вместо «авангардного» сценария мы пойдем по «арьергардному» или даже «контркультурному» сценарию [10], скорее всего, мы так и будем пестовать пространство «двоемирия» (в школе – одно, в жизни – другое), тот самый «вечный» социально-педагогический культурный сюжет.

Развитие школы как культурной сцены позволяет создать целостное образовательно-культурное пространство, субъектами которого являются школьники, родители и учителя. Вместе с тем все это во многом зависит от количества педагогов, по жизни органически включенных в социокультурные коммуникации с молодежью и убежденных, что молодежная культура – это как минимум то смысловое пространство, которое играет немаловажную роль в современном образовании.

В современных условиях как никогда нужны откровенные личные контакты со школьниками. Необходимы условия для реальных социокультурных практик учащихся, приносящих общественную пользу и прорисовывающих профиль будущего. Школа просто обязана отвечать на актуальные вопросы, и это, разумеется, никак не дежурные заформализованные политинформации, на которых советское общество уже обожгло в период застоя, а реальный и главное честный диалог с детьми.

Исходя из проблематики исследуемых вопросов, представляется актуальным дальнейшее исследование феномена молодежной культурной сцены в культурно-образовательном контексте. Перед нами стоит исследовательская задача проанализировать и представить некую культурно-символическую карту школы как молодежной культурной сцены со всеми ее молодежными культурными пространствами и сегментами. Эта исследовательская задача требует детального изучения и уточнения потенциала концепта сцены как для теоретического контекста, так и для практического использования. Меняющиеся формы молодежной социальности подталкивают к поиску новых способов концептуализации молодежных культурных практик, используя при этом как традиционный субкультурный подход, так и актуальные постсубкультурные теории (в том числе и сценовый подход).

Список источников

1. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности : коллект. моногр. / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. URL: https://id.hse.ru/data/2020/08/17/1585824942/Молодежь%20в%20городе_текст_сайт.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

2. Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. 16 (2). С. 111–132. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2017/06/30/1171215863/SocOboz_16_2_111-132_Omelchenko_Poliakov.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

3. Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/21-29_Savinskaya.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

4. Hall S., Jefferson T. Resistance through Rituals: Youth Cultures in Post-War Britain. London: Hutchinson, 1976. 288 p. URL: <http://sgpwe.izt.uam.mx/pages/egt/Cursos/SeminarioTNC/ResistanceThroughRituals.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).

5. Kahn-Harris K., Bennet A. Unspectacular Subculture? Transgression and Mundanity in the Global Extreme Metal Scene // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture. London: Palgrave, 2004. Pp. 107–118. URL: <https://kahn-harris.org/book/after-subculture-critical-studies-in-contemporary-youth-culture/> (дата обращения: 17.07.2023).

6. Straw W. Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music // Cultural Studies. 1991. Vol. 5, no 3. Pp. 368–388. URL: <https://willstraw.files.wordpress.com/2019/06/systems-of-articulation-logics-of-change.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).

7. Луков В. А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия: Демография. Социология. Экономика / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева, д.с.н. Т. К. Ростовской, д.с.н. Ю. А. Зубок. М.: Экон-информ, 2019. С. 36–47. URL: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2018/12/СборникМолодежьитогРЕД.блок4.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).

8. Мясоутов О. В., Казанова Т. И., Приходько И. Н. Культура современных школьников: жизненные тренды подрастающего поколения // Человек и образование. 2021. Вып. 4 (69). С. 61–70. URL: <https://человекиобразование.рф/s181570410018623-0-1/> (дата обращения: 24.07.2023).

9. Мясоутов О. В., Казанова Т. И., Приходько И. Н. Культура школьников в условиях неопределенности: динамика, реакции, оценки // Человек и образование. 2022. № 4. С. 71–79. URL: <https://человекиобразование.рф/s181570410023776-8-1/> (дата обращения: 24.07.2023).

10. Поляков С. Д. Социокультурные вызовы современной школе: опыт феноменологического анализа // Непрерывное образование: XXI век. 2017. 2 (18). С. 1–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-vyzovy-sovremennoy-shkole-opyt-fenomenologicheskogo-analiza> (дата обращения: 24.07.2023).

References

1. *Molodezh' v gorode: kul'tury, sceny i solidarnosti : kollekt. monogr. / sost. i nauch. red. E. L. Omel'chenko ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»* [Youth in the city: culture, scenes and solidarity : collection. monogr. / comp. and scientific ed. by E. L. Omelchenko ; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics"]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 502 p. Available at: https://id.hse.ru/data/2020/08/17/1585824942/Molodezh'%20v%20gorode_tekst_sajt.pdf (accessed: 05.07.2023). (In Russ.)

2. Omelchenko E. L., Polyakov S. I. The concept of the cultural scene as a theoretical perspective and a tool for analyzing urban youth communities. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review], 2017, no 16 (2), pp. 111–132. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2017/06/30/1171215863/SocOboz_16_2_111-132_Omelchenko_Poliakov.pdf (accessed: 05.07.2023). (In Russ.)

3. Savinskaya O. B., Istomina A. G., Larkina T. Yu., Kruglova K. D. Conceptual ideas about the strategies of "mixing methods" (mixed methods research): stages of development and modern discussions. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2016, no 8, pp. 21–29. Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/21-29_Savinskaya.pdf (accessed 03.07.2023). (In Russ.)

4. Hall S., Jefferson T. *Resistance through Rituals: Youth Cultures in Post-War Britain*. London, Hutchinson, 1976. 288 p. Available at: <http://sgpwe.izt.uam.mx/pages/egt/Cursos/SeminarioTNC/ResistanceThroughRituals.pdf> (accessed: 17.07.2023).

5. Kahn-Harris K., Bennet A. Unspectacular Subculture? Transgression and Mundanity in the Global Extreme Metal Scene. *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. London, Palgrave, 2004, pp. 107–118. Available at: <https://kahn-harris.org/book/after-subculture-critical-studies-in-contemporary-youth-culture/> (accessed: 17.07.2023).

6. Straw W. Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music. *Cultural Studies*, 1991, vol. 5, no 3, pp. 368–388. Available at: <https://willstraw.files.wordpress.com/2019/06/systems-of-articulation-logics-of-change.pdf> (accessed: 17.07.2023).

7. Lukov V. A. Youth organization in the context of its time and subjectivity of socio-cultural changes. *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki. Seriya «Demografiya. Sociologiya. Ekonomika»* [Youth and youth policy: new meanings and practices. The series "Demography. Sociology. Economics" / ed. chl.-corr. RAS Ryazantseva S. V., Doctor of Agricultural Sciences Rostovskaya T. K., Doctor of Agricultural Sciences Zubok Yu. A.]. Moscow: Ekon-inform, 2019, pp. 36–47. Available at: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2018/12/СборникМолодежьиторРЕД.блокок4.pdf> (accessed 19.07.2023). (In Russ.)

8. Myasoutov O. V., Kazanova T. I., Prikhodko I. N. Culture of modern school-children: life trends of the younger generation. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education], 2021, no 4 (69), pp. 61–70. Available at: <https://человекиобразование.рф/s181570410018623-0-1/> (accessed: 24.07.2023). (In Russ.)

9. Myasoutov O. V., Kazanova T. I., Prikhodko I. N. The culture of schoolchildren in conditions of uncertainty: dynamics, reactions, assessments. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education], 2022, no 4, pp. 71–79. Available at: <https://человекиобразование.рф/s181570410023776-8-1/> (accessed: 24.07.2023). (In Russ.)

10. Polyakov S. D. Sociocultural challenges of modern school: experience of phenomenological analysis. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: the XXI century], 2017, no 2 (18), pp. 1–8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-vyzovy-sovremennoy-shkole-opyt-fenomenologicheskogo-analiza> (accessed 24.07.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Мясоутов Олег Валерьевич

канд. культурологии, доцент, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии; учитель истории и обществознания, Красноярская школа № 11; педагог дополнительного образования, Средняя общеобразовательная школа № 10 им. Ю. А. Овчинникова

660037, Россия, Красноярский край, Красноярск, ул. Московская, д. 7 «А»

Oleg V. Myasoutov

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Siberian Institute of Business, Management and Psychology; teacher of History and Social Studies, Krasnoyarsk School No. 11; teacher of additional education, Secondary School No. 10 named after Yu. A. Ovchinnikov

7 "A" Moskovskaya Str., Krasnoyarsk, Krasnoyarsky Krai, 660037, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	26.07.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.09.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	10.10.2023

УДК 378.147

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149>

**Модель формирования этнокультурной компетентности
у будущих учителей начальных классов
(на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)**

Вита Федоровна Поберезкая¹,

Светлана Николаевна Терентьева²

¹violettaf09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8358-2776>

²terentjewa.swetlana2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9363-7187>

Аннотация. В статье представлена и обоснована модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов, в которую включены: структура этнокультурной компетентности, критерии сформированности этнокультурной компетентности, задачи этнокультурного образования, блоки «этнокультурные ценности» и «условия этнокультурного образования». Успешная реализация модели формирования этнокультурной компетентности обучающихся зависит от создания этнокультурной среды в вузе, которая основывается на включении в образовательный процесс материалов, связанных с традицией, культурой, искусством коренного населения Республики Коми и народов, проживающих на территории региона. Важным аспектом является приобщение будущих учителей к разработке и внедрению методических материалов этнокультурной направленности в образовательных организациях республики.

Цель исследования: разработать и внедрить модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов в условиях вуза.

Описание научной и практической значимости работы: установить связь между критериями, показателями, прогнозируемыми результатами сформированности этнокультурной компетентности, задачами этнокультурного образования в высшем учебном заведении и на основании это-

го разработать и внедрить модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов.

В процессе исследования были использованы теоретические методы исследования – анализ, синтез, конкретизация, обобщение и метод аналогий; эмпирические – педагогический эксперимент, метод экспертных оценок, педагогическое наблюдение.

Ключевые слова: *модель формирования этнокультурной компетентности, этнокультурное образование, будущий учитель начальных классов*

Для цитирования: Поберезкая В. Ф., Терентьева С. Н. Модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов (на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина») // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 149–167. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149>

Model of Ethnocultural Competence Formation In Future Primary School Teachers: case study of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Vita F. Poberezkaia¹, Svetlana N. Terentyeva²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹violettaf09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8358-2776>

²terentjewaswetlana2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9363-7187>

Abstract. *The article presents and substantiates a model of ethnocultural competence formation in future primary school teachers which includes: the structure of ethnocultural competence, criteria for ethnocultural competence formation, the tasks of ethnocultural education, the block “ethnocultural values” and the block “conditions of ethnocultural education”. The successful implementation of students’ model of ethnocultural competence formation depends on the creation of an ethnocultural environment at the university which is based on the inclusion in the educational process of materials related to the traditions, culture, and art of the indigenous population of the Komi Republic and the peoples living in the region. An important aspect is the involvement of future teachers in the development and implementation of teaching materials of ethnocultural orientation in educational organizations of the republic.*

The purpose of the study is to develop and implement a model of ethnocultural competence in future primary school teachers in a university setting.

Description of the scientific and practical significance of the work: to establish a connection between the criteria, indicators, predicted results of the formation of ethnocultural competence, the tasks of ethnocultural education in a higher educational institution and, on the basis of the above, to develop and implement a model of ethnocultural competence formation in future primary school teachers.

In the process of the research, theoretical research methods were used – analysis, synthesis, concretization, generalization and the method of analogies; the empirical ones were a pedagogical experiment, a method of expert assessments and pedagogical observation.

Keywords: *model of ethnocultural competence formation, ethnocultural education, future primary school teachers*

For citation: Poberezkaia V. F., Terentyeva S. N. Model of Ethnocultural Competence Formation In Future Primary School Teachers: case study of Piti-rim Sorokin Syktyvkar State University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 4: 149–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149>

Введение. Реалии современных региональных школ России таковы, что в одном классе обучаются дети разных национальностей, изучающие государственный язык региона, культуру, традиции и историю коренного населения региона. Важно с первых дней обучения в школе прививать обучающимся уважительное отношение к людям разных национальностей, развивать дружественные, гуманистические отношения.

В последнее время среди учителей региональных школ широко обсуждается вопрос, связанный с этнокультурным образованием и воспитанием обучающихся, так как одной из задач образования подрастающего поколения в школе является формирование толерантной личности, уважающей традиции и духовные ценности многонациональной нашей родины.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (далее – ФГОС НОО) относительно личностных результатов освоения представлены следующие требования¹:

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021

- осознание своей этнокультурной и российской гражданской идентичности;
- сопричастность к прошлому, настоящему и будущему своей страны и родного края;
- уважение к своему и другим народам;
- уважительное отношение и интерес к художественной культуре, восприимчивость к разным видам искусства, традициям и творчеству своего и других народов.

Одной из задач вуза при реализации основной образовательной программы является формирование этнокультурной компетентности у будущих учителей. В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования 3++ (далее – ФГОС ВО 3++) по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» указано, что у обучающихся вуза должны быть сформированы универсальная компетенция, связанная с межкультурным взаимодействием: «УК-5. Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах...», общепрофессиональная компетенция «ОПК-4. Способен осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей»². Вышеперечисленные компетенции ведут к формированию профессиональной этнокультурной компетентности будущих педагогов для начальной школы.

Анализ реальной практики показывает, что педагог современной школы не всегда оправдывает ожидания участников образовательных отношений в плане реализации этнокультурного образования. Большая часть учителей не в полном объеме владеет информацией об этнокультурных ценностях, не умеет выбирать, применять, ис-

г. № 286. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 07.09.2023).

² Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) : приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. № 125 (с изменениями и дополнениями). Редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_15062021.pdf. (дата обращения: 07.09.2023).

пользовать и оценивать содержание этнокультурного образования в своей профессиональной деятельности. Одной из причин такого состояния является то, что в вузах, где готовятся педагогические кадры, не всегда создана в полной мере этнокультурная среда и отсутствует систематическая работа по формированию этнокультурной компетентности, что приводит к определенным противоречиям:

- между требованиями к результатам освоения программы бакалавриата и реализацией межпредметной интеграции, включающей этнокультурную направленность;

- запросами современной школы и необходимостью подготовки будущего педагога, «владеющего этнокультурной компетентностью как основой межэтнического общения и толерантности...» [1, с. 6];

- недостаточной разработанностью условий для организаций высшего образования с целью формирования этнокультурной компетентности у будущего педагога и целесообразностью внедрения этих условий в образовательный процесс вуза.

С целью решения данных противоречий была разработана и внедрена модель формирования профессиональной (этнокультурной) компетентности у будущих учителей начальных классов в вузе.

Содержательно-смысловое понятие «этнокультурная компетентность»

Понятие «этнокультурная компетентность» широко раскрывается в научных исследованиях в разные периоды развития системы российского образования.

По мнению И. А. Морозова, под этнокультурной компетентностью подразумевается «признание мультикультурализма, обладание глубокими знаниями об этнических общностях и их культуре, осознание их различия» [2, с. 50], что отражает только когнитивный характер понятия.

«Этнокультурная компетентность – это интегральное свойство личности, выражающееся в опыте овладения этнокультурными ценностями, что проявляется в умениях, навыках, моделях поведения в моноэтнической и полиэтнической среде...» (Б. А. Афанасьева) [3, с. 34].

Основой для формирования этнокультурной компетентности, по мнению Т. В. Поштаревой [4, с. 35], является межэтническое

взаимопонимание и взаимодействие. Условия такого взаимодействия рассматривал В. Г. Крысько [5], который считал, что адекватно выбранные формы сотрудничества влияют на создание положительной атмосферы, наполненной согласием и взаимным доверием, в поликультурном обществе.

Каждое из рассмотренных определений дополняет и расширяет другое, но все они касаются обучающихся разных уровней образования. Обобщая вышеуказанные определения, будем понимать под этнокультурной компетентностью педагогическое взаимодействие и сотрудничество между участниками образовательного процесса в поликультурной среде, предполагающее трансляцию знаний этнокультурного содержания, понимание и эмоционально-ценностное отношение к этнокультурному наследию и готовность к профессиональной деятельности в поликультурном обществе.

При разработке критериев, показателей и прогнозируемых результатов сформированности этнокультурной компетентности у будущих педагогов мы опирались на исследования Е. С. Бабуновой [6] и Т. В. Поштаревой [4].

Когнитивный критерий. Он включает в себя овладение знаниями этнокультурного содержания на репродуктивном, частично-творческом и творческом уровнях и предполагает, что обучающийся способен не только воспроизводить полученную информацию этнокультурного содержания, но и объяснять идеи этнопедагогике.

Личностный (эмоционально-ценностный) критерий. Данный критерий содержит эмоционально-ценностное отношение к культурному наследию коренного народа и народов региона на разных стадиях развития интереса: любопытство, любознательность, познавательный или творческий интерес [7]. По данному критерию будущий педагог способен не только проводить отбор материалов этнокультурного содержания, но также прогнозировать использование этнокультурных материалов в предстоящей педагогической деятельности.

Поведенческий критерий. Этот критерий напрямую связан с будущей профессиональной деятельностью, направленной на реализацию задач этнокультурного образования подрастающего поколения.

На основе вышеперечисленных критериев были разработаны показатели и прогнозируемые результаты, которые являются со-

ставляющими этнокультурной компетентности будущих педагогов (см. таблицу).

Таблица

Составляющие этнокультурной компетентности
 будущих педагогов

Критерии	Показатели	Прогнозируемый результат
когнитивный	Овладение знаниями этнокультурного содержания: – репродуктивный, – частично-творческий, – творческий	Способен: – воспроизводить полученную информацию этнокультурного содержания (определять, выбирать, цитировать, соотносить и т. п.); – объяснять ценностные идеи этнопедагогики (объяснять, описывать, рассуждать, перефразировать, приводить примеры)
личный	Личностное (эмоционально-ценностное) отношение к культурному (в частности, этнокультурному) наследию коми народа и народов региона: – любопытство – любознательность; – познавательный интерес; – творческий интерес (проявление эмпатии и толерантности в межличностном взаимодействии; наличие этнической идентичности)	Способен: – выбирать, применять и интерпретировать, использовать, оценивать содержание этнокультурного образования; – проводить контрастно-сопоставительный анализ этнокультурной среды и этнокультурных материалов, разработанных как обучающимся, так и педагогическим сообществом; – аргументировать, отстаивать свою точку зрения, решать, ранжировать, рекомендовать материалы этнокультурного содержания
поведенческий	Умение организовывать свою профессиональную деятельность в соответствии с задачами этнокультурного воспитания подрастающего поколения: – репродуктивной; – частично-творческой; – творческой	Способен: – разрабатывать; – прогнозировать; – планировать; – проектировать профессиональную деятельность, направленную на этнокультурное образование подрастающего поколения

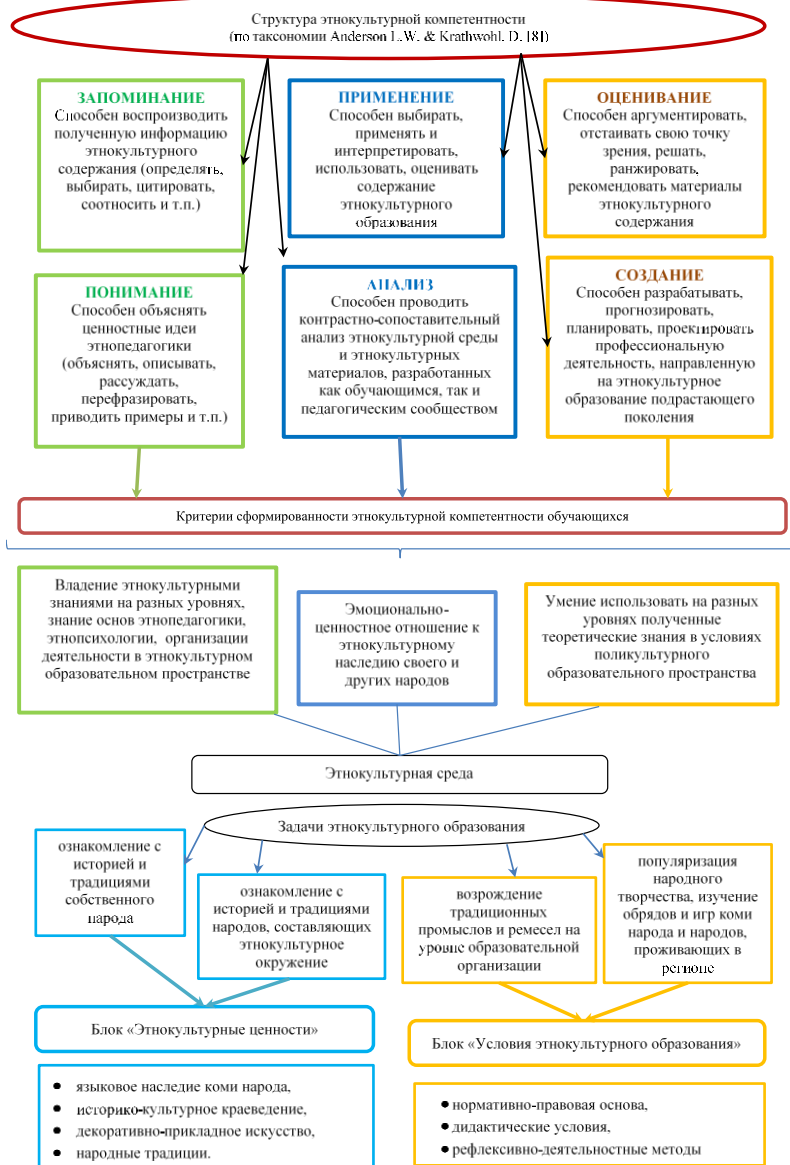

Рис.1. Модель формирования этнокультурной компетентности будущих учителей в вузе

Описание модели формирования этнокультурной компетентности будущих учителей

На основе разработанных критериев, показателей и прогнозируемого результата сформированности этнокультурной компетентности была создана и реализована модель формирования этнокультурной компетентности (рис. 1).

Характеристика структурных элементов модели. Модель включает следующие взаимосвязанные элементы: структуру этнокультурной компетентности (по таксономии Anderson L.W. & Krathwohl. D. [8]), критерии сформированности этнокультурной компетентности, этнокультурную среду, задачи этнокультурного образования, а также два содержательных блока.

Данная модель связана с разработанными критериями сформированности этнокультурной компетентности и таксономией Anderson L.W. & Krathwohl. D. [8] следующим образом:

- когнитивный критерий включает в себя процесс запоминания и понимания этнокультурного содержания;
- личностный критерий направлен на анализ этнокультурной среды и этнокультурных материалов, а также применение отобранных материалов в процессе этнокультурного образования;
- поведенческий критерий содержит оценивание и создание материалов, направленных на этнокультурное образование подрастающего поколения.

Показатели когнитивного и личностного критериев формируются при успешной реализации следующих задач: расширение представлений об истории и традициях своего народа, а также знакомство с историей и традициями народов России. Данные задачи находят отражение в блоке «Этнокультурные ценности», включающем следующие элементы: фольклор и литературу, историю, этнографию и природознание, декоративно-прикладное искусство, народную музыку, хореографию и народные игры, обряды и традиции народа коми и народов, проживающих на территории региона, которые являются частью этнокультурной среды образовательной организации.

Задачи, связанные:

- с возрождением традиционных промыслов и ремесел,

- популяризацией народного творчества,
- изучением обрядов и игр коми народа и народов, проживающих в регионе, реализуются на уроках и во внеурочной деятельности в начальной школе, а также при подготовке будущих учителей начальных классов. Реализация этих задач позволяет сформировать показатели поведенческого критерия и реализуются в блоке «Условия этнокультурного образования».

К условиям реализации этнокультурного образования относятся: нормативно-правовая основа (рис. 2) и дидактические условия (рис. 3).

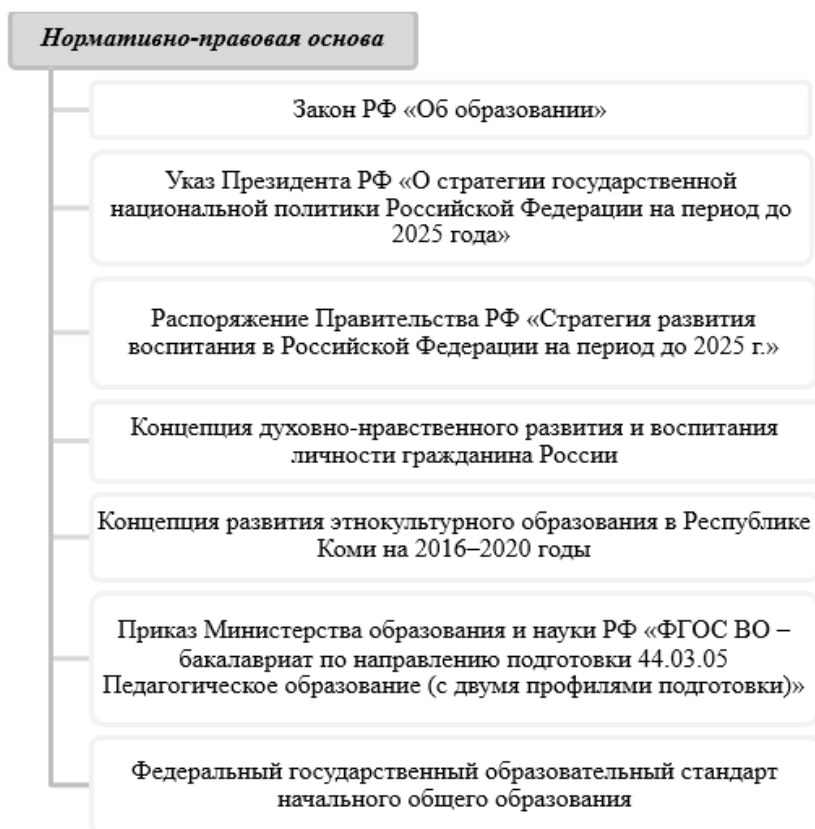

Рис. 2. Нормативно-правовая основа реализации этнокультурного образования в образовательном учреждении

В СГУ имени Питирима Сорокина формирование этнокультурной компетентности у обучающихся происходит в учебной и внеучебной деятельности.

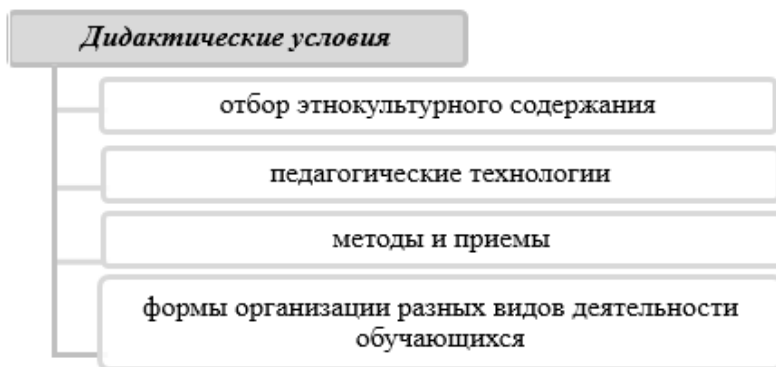

Рис. 3. Дидактические условия этнокультурного образования в образовательной организации

С целью «обогащения знаний о родной народной культуре, социальных норм поведения, духовно-нравственных ценностей; знакомства с культурными достижениями других народов; использования опыта народного воспитания...» [9, с. 38] в основные профессиональные образовательные программы, реализуемые в институте педагогики и психологии, включены дисциплины этнокультурной направленности (например, «Этнокультурное образование младших школьников») или разделы тем дисциплин. Так, в рамках дисциплин «Методика обучения технологии в начальных классах» и «Методика обучения изобразительного искусства в начальных классах» изучаются разделы, касающиеся декоративно-прикладного и современного искусства народа коми. При изучении дисциплины «Детская литература» особое внимание уделяется изучению и анализу детской литературы авторов Республики Коми. Вопросы этнокультурной составляющей рассматриваются при изучении дисциплин обязательной части и части, формируемой участниками образовательных отношений, входящих в учебный план. Также студентам университета предлагаются факультативные дисциплины этнокультурной направленности: историко-

культурное краеведение, история Республики Коми, традиционная культура Республики Коми, культура финно-угорских народов, этнографический туризм.

В рамках научно-исследовательской деятельности при выполнении рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ студентов разрабатываются электронные учебные пособия этнокультурной направленности, виртуальные экскурсии по музеям и достопримечательностям Республики Коми, учебные и методические материалы на печатной основе и проводятся мастер-классы по их использованию как для студентов, так и для учителей начальных классов и коми языка и литературы.

Для «повышения этнической осведомленности, формирования основ национального самосознания и положительной этнической идентичности через усвоение ценностных ориентаций своего народа...» [11, с. 9] в рамках внеучебной деятельности в Институте педагогики и психологии ежегодно проводятся мероприятия этнокультурной направленности: конкурс талантов исполнительского мастерства на родных языках «Медся! Медся!...» («Самый! Самый!...»), веревочный курс с использованием коми национальных игр для первокурсников «Ворсыштам» («Поиграем»), викторина для младших школьников «Мой родной край», выставка творческих работ студентов и преподавателей «Этносолянка», квест по коми «Выль во» («Новый год») и т. д.

Все вышеперечисленные формы, содержание, технологии этнопедагогического процесса направлены как на воспитание этнической культуры личности, так и на формирование этнокультурной компетентности, что является целью этнокультурного образования будущих учителей начальных классов и гражданина многонационального Российского государства [12].

Рефлексивно-деятельностные методы, которые основываются на таксономии Bloom B.S. and Krathwohl D. R. [10] и Anderson L.W. and Krathwohl. D. [8], включают в себя:

1) рефлексивные методы: самоанализ, контроль, актуализацию жизненного опыта, моделирование ситуаций, тренинги и эмоциональные этюды;

2) проблемные методы: метод обучения выдвиганию гипотез, постановки вопросов, творческих задач, аргументированию и доказательству в решении выдвинутых проблем;

3) репродуктивные (прямые) и опосредованные методы: метод изложения информационного материала, использование наглядных (наблюдения, аудиовизуальные и видеовизуальные) [6, с. 328].

Взаимозависимость вышеперечисленных компонентов модели возможна через организованную этнокультурную среду. В узком смысле этнокультурная среда – это организованное пространство образовательной организации, в котором содержатся этнокультурные материалы (информационные и образовательные ресурсы, предметно-выставочное пространство, разработанные обучающимися и преподавателями по этнокультурной тематике). В широком смысле это комплекс условий, созданных в образовательной организации для формирования этнокультурной компетентности обучающихся, к которым относятся психолого-педагогические, организационно-педагогические и дидактические условия сопровождения этнокультурного образования [13, с. 6].

С целью организации этнокультурной среды в вузе на базе Института педагогики и психологии с 2019 г. функционирует лаборатория по этнокультурному образованию и краеведению «Этно-ЛабКоми». На базе лаборатории обучающиеся овладевают профессиональными умениями по отбору, описанию и применению разработанных материалов этнокультурного содержания в начальной школе. Также студенты приобретают умения трансляции своих разработок в профессиональном сообществе учителей начальных классов, что влияет на формирование у будущих педагогов опыта эмоционально-ценностного отношения к личности обучающегося в поликультурной среде и опыта общения и взаимодействия.

В рамках деятельности лаборатории было организовано и проведено эмпирическое исследование с целью проверки эффективности реализуемой модели формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов. Результаты диагностики показали, что когнитивный критерий у обучающихся первого курса сформирован на репродуктивном уровне (студенты допускали ошибки в определении государственной символики Республики Коми, не знают перевод гимна Республики Коми с коми на русский

язык, не смогли раскрыть этимологию населенных пунктов региона), у обучающихся выпускного курса – на частично-творческом уровне (некоторые студенты допустили ошибки при определении коми названий населенных пунктов, затруднялись ответить на вопросы, касающиеся особенностей декоративно-прикладного искусства народа коми) (рис. 4).

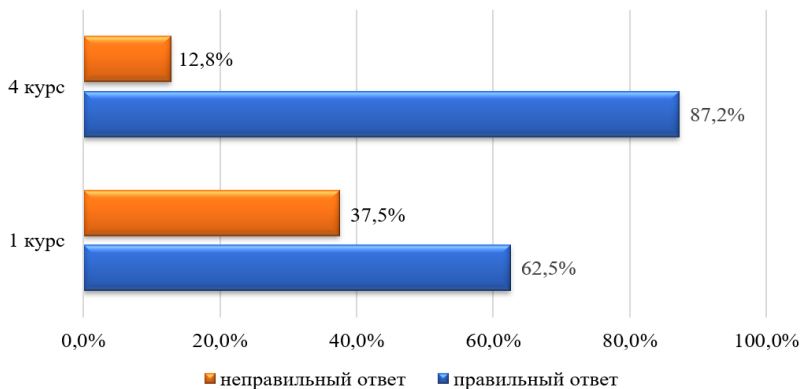

Рис. 4. Результаты диагностики когнитивного критерия у обучающихся I и IV курсов

Эмоционально-ценностный критерий на одинаковом уровне – на уровне познавательного интереса у обучающихся всех курсов (рис. 5).

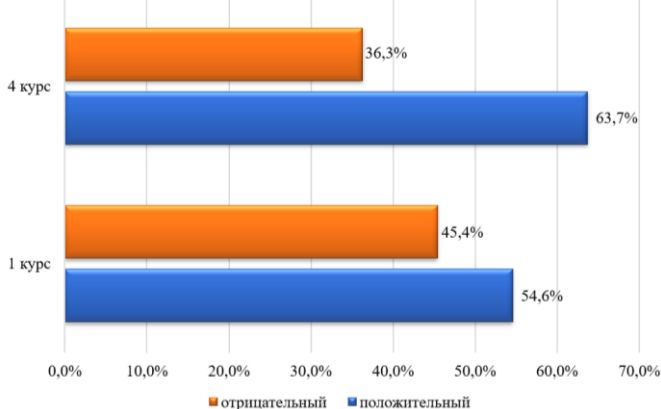

Рис. 5. Результаты диагностики эмоционально-ценностного критерия у обучающихся I и IV курсов

Поведенческий критерий был отражен в вопросах на прогнозирование своей будущей профессиональной деятельности. У первокурсников достаточно узкое представление о внедрении этнокультурного содержания в образовательный процесс начальной школы (репродуктивный уровень – 23,5 %), а старшекурсники показали частично-творческий уровень (68,3 %): студенты указали перечень школьных предметов и направления внеурочной деятельности, в рамках которых возможно формирование этнокультурной компетентности младших школьников (рис. 6).

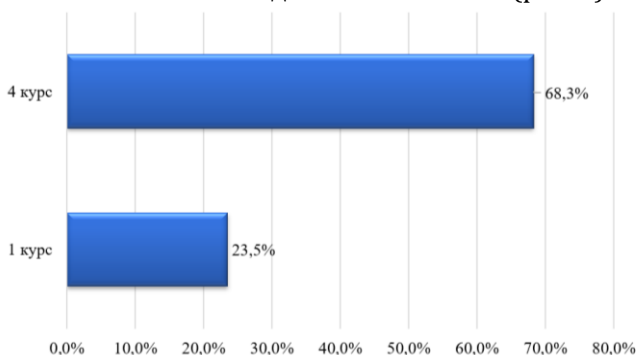

Рис. 6. Результаты диагностики поведенческого критерия у обучающихся I и IV курсов

Можно утверждать, что за период с 2019 по 2023 г. разработанная модель формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов дала положительные результаты.

Заключение. Ценность проведенного исследования состоит в следующем: разработанная модель формирования этнокультурной компетентности может быть реализована при обучении будущих педагогов для начальной школы в любом вузе РФ с учётом её региональных особенностей (проживающих на территории разных этносов, культур и религий).

Эмпирическое исследование показало, что обучающиеся на первом курсе вуза имеют узкое представление об этнокультурном наследии региона, но в процессе всего периода обучения, погружившись в созданную этнокультурную среду, овладевают этно-

культурными знаниями, основами этнопедагогики и этнопсихологии, используют полученные теоретические знания в условиях поликультурного образовательного пространства и межличностного общения, что, в свою очередь, реализует требования к результатам освоения программы бакалавриата.

Список источников

1. Попова М. Н. Формирование этнокультурной компетенции старшеклассников в региональной образовательной среде : дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2019. 181 с.
2. Морозов И. А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы I Междунар. науч. конф. (Уфа, июнь 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 49–52.
3. Афанасьева А. Б. Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Академический вестник института образования взрослых Российской академии образования. 2008. № 4. С. 34–38.
4. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. 2005. № 3. С. 35–42.
5. Крысько В. Г. Социальная психология : учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 553 с.
6. Бабунова Е. С. Педагогическая стратегия становления этнокультурной образованности детей дошкольного возраста: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2009. 521 с.
7. Щукина Г. И. Познавательный интерес как педагогическая проблема: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1968. 41 с.
8. Anderson L. W. & Krathwohl D. (Eds.). A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. New York: Longman, 2001.
9. Захарова Л. М. Этнокультурное воспитание детей дошкольного возраста в отечественной педагогике // Образование и просвещение. 2010. № 10. С. 37–43.
10. Bloom B. S. and Krathwohl D. R. Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals, by a committee of college and university examiners. 1956. Handbook I: Cognitive Domain. NY, NY: Longmans, Green.
11. Пивторак Е. В. Теория и методика этнокультурного образования : уч.-метод. пособие. Екатеринбург: Ridero, 2019, 128 с.
12. Ченкураева Е. Н. Педагогические условия становления этнокультурного образования в инновационном образовательном учреждении (на примере национальной гимназии) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

13. Поберезкая В. Ф., Терентьева С. Н. Этнокультурное образование в начальной школе : монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. 140 с.

References

1. Popova M. N. *Formirovanie etnokul'turnoj kompetencii starsheklassnikov v regional'noj obrazovatel'noj srede* [Formation of ethnocultural competence of high school students in the regional educational environment: dis. ...cand. ped. sciences]. Yakutsk, 2019. 181 p. (In Russ.)

2. Morozov I. A. Ethnocultural competence and standards of general education of the second generation. *Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: materialy I Mezhdunar. nauch. konf.* [Current issues of modern pedagogy: materials of the I International. scientific conf.]. Ufa: Leto, 2011, pp. 49–52. (In Russ.)

3. Afanas'eva A. B. Improving the ethnocultural education of modern teachers. *Akademicheskij vestnik instituta obrazovaniya vzroslykh Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Academic Bulletin of the Institute of Adult Education of the Russian Academy of Education], 2008, no 4, pp. 34–38. (In Russ.)

4. Poshtareva T. V. Formation of ethnocultural competence. *Pedagogika* [Pedagogy], 2005, no 3, pp. 35–42. (In Russ.)

5. Kry's'ko V. G. *Social'naya psihologiya: uchebnik dlya bakalavrov* [Social psychology: textbook for bachelors]. Moscow: Yurajt, 2019. 553 p. (In Russ.)

6. Babunova E. S. *Pedagogicheskaya strategiya stanovleniya etnokul'turnoj obrazovannosti detej doshkol'nogo vozrasta* [Pedagogical strategy for the development of ethnocultural education of preschool children: abstract. dis. ... doc. ped. Sciences]. Chelyabinsk, 2009. 521 p. (In Russ.)

7. Shchukina G. I. *Poznavatel'nyy interes kak pedagogicheskaya problema* [Cognitive interest as a pedagogical problem: abstract. dis. ... Dr. ped. Sciences]. Leningrad, 1968. 41p. (In Russ.)

8. Anderson L.W. & Krathwohl. D. (Eds.). *A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives*. New York: Longman. 2001.

9. Zaharova L. M. Ethnocultural education of preschool children in domestic pedagogy. *Obrazovanie i prosveshchenie* [Education and enlightenment], 2010. no 10, pp. 37–43. (In Russ.)

10. Bloom B. S. and Krathwohl D. R. *Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals, by a committee of college and university examiners*. 1956. Handbook I: Cognitive Domain. NY, NY: Longmans, Green.

11. Pivtorak E. V. *Teoriya i metodika etnokul'turnogo obrazovaniya* [Theory and methodology of ethnocultural education: textbook]. Ekaterinburg: Ridero, 2019, 128 p. (In Russ.)

12. Chenkuraeva E. N. *Pedagogicheskie usloviya stanovleniya etnokul'turnogo obrazovaniya v innovacionnom obrazovatel'nom uchrezhdenii (na primere nacional'noj gimnazii)* [Pedagogical conditions for the development of ethnocultural education in an

innovative educational institution (using the example of a national gymnasium) : abstract of thesis. dis. ...cand. ped. Sciences]. Volgograd, 2007. 24 p. (In Russ.)

13. Poberezkaia V. F. *Etnokul'turnoe obrazovanie v nachal'noj shkole : monografiya* [Ethnocultural education in primary school : monograph]. Syktyvkar: Publishing house of SSU im. Pitirim Sorokina, 2022. 140 p. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Поберезкая Вита Федоровна

канд. пед. наук, доцент

Vita F. Poberezkaia

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

Терентьева Светлана Николаевна

канд. пед. наук, доцент

Svetlana N. Terentyeva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

СГУ им. Питирима Сорокина

167001, Россия, Сыктывкар,

Октябрьский пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State

University, 55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar,

167001, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

15.09.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

29.09.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

15.10.2023

Научная статья / Article

УДК 378.14

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-166>

Ценностные ориентации будущих педагогов

Светлана Дмитриевна Сажина

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, sve-sazhina@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования ценностных ориентаций при подготовке специалистов по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки» в организациях высшего образования на современном этапе.

Представлены данные результатов исследования, проведенного в университете в 2023 г. среди студентов первого курса, по тематическим блокам: «Идеалы», «Ценности», «Ценностные ориентиры», «Семейные ценности», «Успех в жизни», «Качества личности», «Гражданственность и патриотизм» – с целью выявления ценностных ориентаций будущих педагогов. Для изучения была подготовлена формализованная анкета, включающая 60 вопросов. По итогам анализа результатов исследования отмечена важность сформированности отдельных ценностных ориентиров, выделены возможные причины несформированных ценностей. Указываются возможные проблемы, которые могут вызвать затруднения в работе будущего педагога с детьми в целом, и сделан акцент на актуальных проблемах, выявленных в ходе анализа исследования, которые могут повлиять на профессиональную подготовку в области воспитания в организациях высшего образования в частности. Также обращается внимание на формирование у будущих педагогов базовых ценностей, ценностных ориентиров в процессе обучения в организации высшего образования.

В статье представлен обзор нормативных актов, определяющих ценности и ценностные ориентации будущих педагогов, направленных на подготовку педагогических кадров в высшей школе, сформулированы проблемы и пути выхода из них.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентиры, будущие педагоги, педагогическое образование, воспитание, ценности будущих педагогов, образовательная организация высшего образования, подготовка будущих педагогов

Для цитирования: Сажина С. Д. Ценностные ориентации будущих педагогов // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 166–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-166>

Values of Future Teachers

Svetlana D. Sazhina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
sve-sazhina@yandex.ru

Abstract. The article raises the issue of value orientation formation in training specialists in the field of UGSN 44.00.00 Education and Pedagogical Sciences in Higher Educational Organizations at the Present Stage. The purpose of the study is to identify the value orientations of future teachers. It was conducted at the university in 2023 with participation of first-year students studying in the field of USSN 44.00.00 Education and Pedagogical Sciences according to such

thematic blocks as "Ideals", "Values", "Value Orientations", "Family Values", "Success in Life", "Personality qualities", "Citizenship and Patriotism". A formalized questionnaire was prepared for the study that included 60 questions. Based on the results of the analysis of the results of the study, importance of formation of individual value orientations is noted and possible causes of unformed values are highlighted. The possible problems that may cause difficulties arising in the work of a future teacher with children in general are indicated and emphasis is placed on the relevant problems identified during the analysis of the study that may affect professional training in the field of Education in the Organization of Higher Education in particular. The emphasis is also placed on formation of future teachers' basic values, value orientations in the learning process in the organization of higher education.

The article presents an overview of the normative acts defining the values and value orientations of future teachers and is aimed at training teaching staff in higher education. Problems and the ways to solve them are formulated.

Keywords: *values, value orientations, future teachers, pedagogical education, upbringing, values of future teachers, educational organization of higher education*

For citation: Sazhina S. D. Values of Future Teachers. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 4: 166–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-166>

Введение. Современное общество стремительно меняется. В условиях обновления всех сфер жизни (расширение идеологии потребления и развлечений, информатизация и наличие доступного интернета, глобализация всех процессов, применение искусственного интеллекта) происходит изменение ценностных ориентаций будущего поколения, что отражается на определении ими идеалов, реализации целей и способов их достижения в личной и профессиональной сфере.

Педагогическое образование как транслятор культурного кода, миссией которого также является формирование российской идентичности и системы ценностей у будущих педагогов (а как следствие, и у подрастающего поколения), должно учитывать вышеуказанные изменения и определять новые пути достижения поставленных целей. В связи с этим могут меняться требования, предъявляемые к образованию в целом, к образовательному процессу и образовательным организациям в частности.

Роль педагога в изменяющемся обществе – не только сформировать у детей правильное мировоззрение и матрицу стандартов, базовые психические процессы и систему качеств личности, но и защитить их сознание от ложных идеалов, объяснить обучающимся необходимость ограничений при проживании в обществе людей, последствий их возможной деятельности, обеспечить своевременные социальные связи и т. п. В связи с этим самим педагогом должны быть осознаны и приняты воспитательные ценности, гуманистическая парадигма воспитания, сформированы базовые ценности, этические принципы и подходы, понимание ценности образования, ответственность за качество формирования подрастающего поколения, воспитательная позиция, понимаемая как «совокупность ценностных его ориентаций – ценностное отношение к профессии, личности ребенка, воспитательные, духовно-нравственные, гуманистические ценности, которые педагог реализует в воспитательной деятельности; представления о своей роли в системе взаимодействия субъектов воспитания» [1]. Эта позиция способствует реализации воспитательных ценностей российского общества в практике воспитания, влияет на положительную мотивацию к воспитательной деятельности, активную субъектную позицию педагога в воспитательном процессе [2, с. 139].

Таким образом, для эффективной подготовки будущих педагогов к реализации профессиональной деятельности нужны не только компетенции для выполнения профессиональных функций, сформированные в процессе обучения в вузе, но и такие ценности, как гуманность, инициативность, сформированность активной жизненной позиции и др.

Материалы статьи опираются на нормативные документы, раскрывающие систему российских ценностей, формируемых у подрастающего поколения, и результаты диагностического исследования ценностных ориентаций будущих педагогов – студентов первых курсов, проведенного в рамках университета.

Теоретическая база исследования. Система ценностей и идеалов как важнейших регуляторов социального поведения индивида трансформируется от поколения к поколению. Социальная реальность постоянно стимулирует появление новых идей, ориентиров,

предпочтений, развитие новых потребностей, формирование новых жизненных моделей. Вместе с тем ценности, которых придерживается общество, обладают некоторой устойчивостью, например, в системе духовных ценностей и норм поведения, определяемых обществом на основе конфессий, религиозных учений, происходят незначительные изменения.

Ценности понимаются как те реалии и их структурные составляющие, которые являются приоритетными доминантами для людей определенной социально-экономической группы «в качестве действительности, цели и идеала» [3]. Д. А. Леонтьев рассмотрел ценности как «1) общественный идеал, выработанный общественным сознанием, и присутствие в нем обобщенных представлений о совершенстве в различных сферах общественной жизни; 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей; 3) мотивационные структуры личности, побуждающие ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов» [4]. Можно сказать, что ценности выступают как ориентиры в потоке внешней информации о социальных явлениях общества, т. е. определяют выбор отношения человека к социуму, к его профессиональной реализации, характеризуя его жизненную позицию, направленность устремлений личности, а также соизмеримость потребностей и способов их удовлетворения [5, с. 26].

В. Д. Щадриков разделяет понятие «ценности» и «ценностные ориентации». Под последними он понимает направленность личности на те или иные ценности [6; с. 150], так как они выражают внутреннюю готовность человека к определенному поведению, в них представлены его потребности и интересы. Необходимо отметить, что профессионально-ценностным ориентациям в профессиональном становлении принадлежит особая роль, поскольку они отражают систему установок, характеризующих отношение личности к профессии, к детям и самому себе [7, с. 142].

Среди современных авторов вопросами ценностей и ценностных ориентаций студентов и молодежи занимались: О. В. Кудашкина, Е. В. Лапина, О. Е. Никуленкова, А. В. Савченков, Е. В. Соловьева, Е. В. Чалая и др. Концепции формирования ценно-

стей будущих педагогов рассматривали: О. Н. Акиньшина, Э. С. Аришина, Л. И. Барбашова, Н. А. Гущина, Е. С. Красилова, Г. П. Михеева, И. В. Старчакова, А. И. Троцкая и др.

Говоря о ценностных ориентациях будущих педагогов, необходимо охарактеризовать государственную политику Российской Федерации в области укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а именно выделить те основные документы, которые характеризуют базовые национальные ценности и которыми должен руководствоваться педагог.

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (далее – Концепция). Она определяет базовые национальные ценности как «основное содержание духовно-нравственного развития, воспитания и социализации...» (патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, семья, труд и творчество, наука, религия, искусство и литература, природа, человечество). Концепция поясняет, что «содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности определяется в соответствии с базовыми национальными ценностями» через нравственный пример педагога, индивидуально-личностное развитие и др.; определяет идеал, на который должно ориентироваться воспитание («высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации»). Концепция делает акцент на том, что «наиболее глубоко духовно-нравственное развитие и воспитание личности происходит в сфере общего образования...», где «основным субъектом, реализующим цели духовно-нравственного развития и воспитания... является педагогический коллектив», а также определяет роль педагога в воспитании («никакие воспитательные программы не будут эффективны, если педагог не являет собой всегда главный для обучающихся пример нравственного и гражданского личностного поведения»)¹.

¹ Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. URL: mosmetod.ru (дата обращения: 13.08.2023).

2. Указ Президента «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», который определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, как основы российского общества, перечисляет основные ценности и делает акцент на роль образования в сохранении традиционных ценностей².

3. Профессиональный стандарт педагога, одним из значимых аспектов которого является реализация воспитательных возможностей всех видов деятельности³.

4. Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций (далее – Программа воспитания), характеризующая каждое направление воспитания (гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое, экологическое и ценности научного познания) и определяющая целевые ориентиры по каждому направлению⁴.

Таким образом, для того, чтобы реализовывать государственную политику в области воспитания, педагогу самому необходимо быть примером нравственного и гражданского личностного поведения.

С целью изучения ценностных ориентаций будущих педагогов на базе ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» в 2023 г. было проведено исследование, в котором приняли участие студенты 1–3-х курсов в количестве 410 чел., из них по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки» – 354 чел., из них студенты первого курса – 223 человека. Для изучения была подготовлена формализованная анкета, включающая 60 вопросов. Тематические

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.08.2023).

³ Профессиональный стандарт педагога // Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н. URL: (<https://base.garant.ru/70535556/>) (дата обращения: 13.08.2023).

⁴ Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/aef/orxve66kt39augto500oy0oczgnmrc2e.pdf> (дата обращения: 13.08.2023).

блоки исследования были соотнесены с Концепцией Программы воспитания. Ряд вопросов в анкете был взят из опроса ежегодного мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи, подготовленного Институтом воспитания РФ.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ результатов анкетирования обучающихся первого курса – будущих педагогов показал, что главной ценностью студенты считают «здоровье» (74 %). Вместе с тем показатель «здоровье» как условие для вступления в брак (46,5 %) и «наличие крепкого здоровья» как показатель успеха в жизни (44,8 %) не являются преобладающими, что свидетельствует о том, что ценностный ориентир «здоровье» больше декларируемый и не определяет реальное поведение молодежи.

«Идеалом», то есть тем, на кого хотят быть похожи или с кого берут пример первокурсники, являются медийные личности (блогеры, актеры, телеведущие, певцы и т. п.) (33,4 %), родители (31,65 %), литературные герои и герои из фильмов (22,5 %). Педагоги (17 %), исторические личности (16,3 %) и политические деятели (8,7 %) в качестве идеала не рассматриваются, что не соотносится с государственной политикой по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем студенты отмечают, что интернет и СМИ (17,6 %) и медийные личности (14 %) вносят самый незначительный вклад в формирование ценностных ориентаций человека, что свидетельствует о несистемности мышления и демонстрирует общее заблуждение молодежи в основных вопросах воспитания личности.

«Любовь» является ценностью лишь для каждого второго (48,8 %), «счастливая семейная жизнь» – лишь для каждого четвертого (24,8 %), а «создавать счастье другим и радоваться за них (за их благосостояние, развитие и совершенствование и др.)» согласны только 9,7 % студентов. Вместе с тем при рассматривании «любви» относительно «семейных ценностей» процент проголосовавших увеличивается (65,5 %), а 96 % обучающихся рассматривают «взаимную любовь» как условие для вступления в брак. «Любовь» тесно связана с «дружбой», однако «наличие хороших и верных друзей» предпочитает только каждый третий (36,2 %), так же как и «свободу (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)» (32 %). Вместе

с тем профессия педагога подразумевает любовь к детям, умение радоваться за их развитие и успехи, формирование у детей истинно дружеских взаимоотношений, что не согласуется с ценностными ориентациями обучающихся, указанными выше.

Наиболее значимыми в семейных ценностях обучающие отмечают: «заботу друг о друге», «взаимоуважение и поддержку» (80 %), «доверие» (64,4 %), «эмоционально-психологический комфорт» (62,2 %) и «уважение личных границ каждого члена семьи» (61,2 %). Только треть студентов отмечают важность в семейной жизни «сходства во взглядах и взаимопонимания» (34,8 %), «общение с близкими родственниками, семейные праздники и юбилеи» (27,6 %). Наименее значимыми ценностями в семейной жизни для обучающихся являются: «помощь родителям и старшему поколению» (24,2 %), «дети» (14,1 %), «передача опыта от старшего поколения к младшему» (10,3 %). Вместе с тем доминирующими нравственными аспектами, которым будет учить детей будущий педагог, является именно помощь другим, поддержание традиций, дружеские взаимоотношения. А передача опыта от старшего поколения к младшему является основой процесса воспитания.

В будущем «вступить в законный брак и иметь детей» намерены половина (50,1 %) студентов (для 86 % которых «дети» не являются ценностью в семейной жизни). Условиями для вступления в брак обучающие выделяют: «наличие работы или постоянного заработка» (62,4 %), «материальную обеспеченность» (59,1 %) (хотя как семейную ценность материальную обеспеченность семьи отмечают только 34,4 %), «наличие собственного жилья» (53,5 %) и «независимость от родителей» (43 %), что может свидетельствовать об инфантилизме, т. е. недостаточной решимости взять на себя ответственность при отсутствии гарантированных параметров. «Профессиональную самореализацию» как условие вступления в брак рассматривают только треть студентов (35 %), «окончание образования» как условие практически не рассматривается (16,7 %). Оптимальным возрастом для создания семьи 45,5 % респондентов выбрали «от 26–30 лет», а 20,3 % рассматривают возраст от 18–25 лет, что подтверждает указанные выше данные и может свидетельствовать об отодвигающемся возрасте психологического

взросления. Планируя количество детей в семье, 42,5 % считают оптимальным иметь двоих детей, а 18,4 % их не планируют. Вместе с тем доминирующим видом воспитания после нравственного является семейное. Можно предположить о практической сложности осуществления воспитания детей в образовательной организации, не имея собственного семейного опыта и не признавая детей как основную ценность семьи. Причиной этого также может рассматриваться постоянное отодвигание возраста психологического взросления, неумение рисковать, ошибаться, потеря интереса и инициативы, так называемая ситуация выученной беспомощности.

«Материальная обеспеченность» для студентов (53,6 %) более важна, чем «развитие, работа над собой и постоянное духовное и физическое самосовершенствование» (42,8 %), «жизненная мудрость (зрелость суждений, здравый смысл)» (36,2 %), «интересная работа» (27,4 %), «возможность творческой деятельности» (18,7 %), «познание действительности (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры)» (18,5 %) и «общественное признание» (11,8 %), так как материальная обеспеченность дает стартовую площадку для реализации других ценностей. Наименее важными ценностями в жизни первокурсников являются: «абстрактные ценности красоты природы и искусства» (19,5 %), «продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей)» (18,5 %) и «религия» (6,6 %). Таким образом, одни из необходимых составляющих профессиональной деятельности педагога: творческий подход к педагогической деятельности; умение видеть красоту природы и искусства для осуществления экологического и эстетического воспитания; зрелость суждений и здравый смысл как основа педагогической деятельности; регулярное самообразование и самопознание; стремление к признанию обществом и родителями себя как профессионала, как условие завоевания авторитета, дающего возможности влиять на воспитанников и родительское сообщество, – обучающимися практически не рассматриваются.

На взгляд студентов, наибольший вклад в формирование их ценностных ориентаций внесли «они сами» (76,5 %), «родители» (76 %), «друзья» (34,8 %), а наименьший – «интернет и СМИ»

(17,6 %), «педагоги образовательных организаций» (16,5 %), «медийные личности» (14 %), «бабушки и дедушки» (10 %), «иные родственники» (3,1 %) и «дошкольное образовательное учреждение» (2,8 %). Таким образом, источниками для формирования ценностей студенты считают себя и семью и демонстрируют низкую степень доверия к другим источникам (интернет, СМИ, образовательные организации, родственники), что свидетельствует о недооценивании данных средств и отсутствии понимания студентами полной картины мира.

Относительно ценностных ориентиров гражданского и патриотического воспитания было выявлено следующее: треть студентов «любит свою родину – Республику Коми, но, если будет возможность, планируют уехать жить в другой регион» (37,5 %) или в другую страну (28,3 %); остальные опрошенные считают, что «Россия комфортна для проживания и в ней много достоинств» (33,5 %). Никуда переезжать из России не планируют 29 %, что нельзя сказать о переезде из Республики Коми (не планируют только 17,2 %). Настораживает, что только 8,2 % студентов считают, что «где родился, там и пригодился». Гражданская позиция, по мнению студентов, проявляется «в любви к Родине» (60,6 %) и «соблюдении законов» (60,3 %). Для 64,3 % студентов «активная деятельная жизнь (активная деятельность, полнота и эмоциональная насыщенность жизни и др.)» не является приоритетом, что в целом свидетельствует о пассивной жизненной позиции анкетированных. Менее половины обучающихся к гражданской позиции также относят «помощь и заботу о ближних» (47,5 %), «уважение государственных символов» (43,9 %), а менее трети – «обсуждение актуальных вопросов и проблем общества» (31,6 %), «участие в выборах» (29,5 %) и «в волонтерской и благотворительной деятельности» (22,3 %). Участие в общественных мероприятиях, социальных флэшмобах (16,9 %) и членство в общественных организациях (13,4 %) студентами не рассматриваются. Вместе с тем в Профессиональном стандарте педагога и Программе воспитания для общеобразовательных организаций сделаны акценты на формирование у подрастающего поколения активной жизненной позиции, участие в различных мероприятиях,

что требует от педагога наличия устойчивого внутренне мотивированного стремления к социально полезной деятельности.

Любовь к Родине подразумевает, по мнению будущих педагогов: «бережно относиться к культурному и историческому наследию своей страны» (60,1 %), «сохранять и защищать историческую правду своей страны» (55,1 %), «гордиться историей своей страны» (52,5 %) и «чувствовать ответственность за будущее своей страны» (46,2 %). Наименее популярными мнениями оказались: «проявлять инициативу в формировании будущего своей страны» (23,7 %), «защищать свою страну от любых нападков и обвинений» (21,7 %), «работать во благо страны (21,2 %) и своего населенного пункта» (15,5 %), «помогать нуждающимся» (16,2 %), «связывать свое будущее с будущим своей страны» (14,5 %), «выделять свои средства на общественные дела» (7,8 %). Треть студентов считают, что «Россия – хорошее государство, в мире не так много таких» (37,8 %), другая треть – что «Россия не хуже и не лучше других государств» (31,7 %). Говоря о ситуации в мире на данный момент, только 30 % студентов уверены, что «хорошо разбираются в том, что происходит», «с уважением и очень положительно относятся к деятельности президента России» – 18,5 %, нейтрально – 22,6 %, негативно – 8,4 %.

Вместе с тем основными качествами будущего педагога должны быть: осознанная приверженность российским общественным ценностям, развитый социальный и эмоциональный интеллект, внутреннее принятие воспитательного идеала, любовь к своему народу и Отечеству. Также, согласно Программе воспитания, педагог при осуществлении воспитания ориентируется на «современный российский национальный воспитательный идеал – высоко-нравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее страны, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации»⁵. Надо отметить, что личность педагога –

⁵ Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/aef/orxve66kt39augto500oy0ozcgnmrc2e.pdf> (дата обращения: 13.08.2023).

главный фактор воспитания, мотивация педагога – главная движущая сила воспитания.

Успех в жизни будущие педагоги связывают с «материальным обеспечением» (68,4 %), «крепкой семьей» (52 %) и «наличием интересной работы, которая по душе» (51,5 %), «реализацией своих способностей» (46,5 %), «наличием крепкого здоровья» (44,8 %) и «карьерным лифтом» (42,3 %). Менее значимыми для успеха студенты считают «наличие хороших и верных друзей» (35,8 %) и «быть самостоятельным, в т. ч. в суждениях и поступках» (30,2 %). Для достижения успеха, по мнению обучающихся, наиболее важны: «профессионализм в своем деле» (70,6 %), «хорошие коммуникативные навыки» (53,7 %) и «яркая индивидуальность и харизматичность» (53,5 %). Наименее важными для достижения успеха в жизни студенты считают: «высшее образование» (60 %) и «высокооплачиваемую работу» (36,5 %). Не связывают успех в жизни с «внешением вклада в развитие своей страны» 82 % обучающихся, с «высоким положением в обществе» – 85,6 %, с «наличием детей» – 86,8 %, с «возможностью работать в дружном коллективе» – 90,5 %, с «наличием высшего образования» – 92,6 %. Вместе с тем необходимо отметить отсутствие у студентов взаимозависимости между профессионализмом, карьерным лифтом, интересной работой, самореализацией и высшим образованием; переоценку значимости яркой индивидуальности и харизмы (скорее всего, ассоциируемых с медийными личностями), независимость в достижении успеха; недооценку влияния на достижение успеха дружеских и семейных связей в социуме.

Наиболее значимыми качествами студенты выделяют: «воспитанность и хорошие манеры» (54,7 %), «честность (правдивость, искренность)» (48,6 %), «ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)» (47,4 %), что соответствует основным категориям нравственности, определяемым системой традиционных российских ценностей. Менее важными определены: «аккуратность и чистоплотность» (33,4 %), «широта взглядов, умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи привычки» (30,7 %), «исполнительность» (26,2 %), «рационализм» (22,3 %) и чуткость (20 %). Не важны для обучающихся: «умение настоять на

своем, не уступать перед трудностями» (16,6 %), «эффективность в делах, трудолюбие и продуктивность в работе» (15,3 %), «терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения» (14,6 %), «смелость и отстаивание своего мнения и взглядов (12 %), «непримиримость к недостаткам в себе и других» (2,5 %). Таким образом, честность, чувство долга и ответственность не являются значимыми качествами, они важны только для каждого второго. Качества, необходимые для педагога: широта взглядов, умение понять чужую точку зрения – являются значимыми только для каждого третьего, исполнительность и чуткость – для каждого четвертого, а трудолюбие, продуктивность в работе, терпимость по отношению к другим, умение не уступать перед трудностями, прощать другим их ошибки и заблуждения – для каждого седьмого. Непримиримость к своим недостаткам студентами не рассматривается. В этом случае важное качество педагога – осознание своего несовершенства при постоянном стремлении к самосовершенствованию – студентами ещё не осознается.

Исследование также показало, что доминирующими у будущих педагогов являются материальные ценностные ориентиры (комфортная жизнь, жилье, финансовая состоятельность), а не духовные ценности, которые нельзя ощутить с помощью органов чувств и имеющие больший вес на ментальном уровне (друзья, образование, красота, религия и т. п.). Социальная пассивность студентов, отсутствие у них интереса к общественной жизни, к активным социальным контактам, их заикленность на собственных проблемах мешают реализовать потенциал творческой активности, заложенный в человеке и необходимый будущему педагогу. Также можно выделить несоответствие ценностных ориентаций будущих педагогов требуемым государственной политикой в области образования для работы в образовательных организациях.

Заключение. Проведенное исследование позволяет определить ценностные ориентации студентов первых курсов, обучающихся по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки».

Сформированные ценности оказывают влияние на будущего педагога различными способами: во-первых, они определяют восприятие ситуаций и проблем, то есть осмысление внешней среды

путем отбора, упорядочивания и интерпретации информации; во-вторых, определяют отношение к окружающим; в-третьих, влияют на решения и действия будущих педагогов, помогают сделать выбор между моральными и аморальными поступками. И именно несоответствие ценностных ориентаций педагога государственной политике в области воспитания может не только снизить качество его профессиональной деятельности, но и негативно отразиться на образовании подрастающего поколения.

Педагог должен воспитывать своей личностью, личной жизненной позицией, наличием нравственных устоев, которые лежат в основе народной общности и государственности, быть носителем образа «успешной взрослости». Его призвание определяется его любовью, интересом и уважением к человеку, к ребенку, к своей стране и своему народу, к педагогическому труду, к традиционным ценностям. Он должен быть личностно зрелым, иметь высокую степень самостоятельности и социальной ответственности, в том числе за результаты воспитания. Ценности и смыслы воспитания в сознании педагога должны быть актуализированы и трансформированы в цели профессиональной деятельности.

Профессиональное поведение в области воспитания должно осуществляться педагогом обоснованно и осознанно, с опорой на лично значимую систему ценностей, с использованием педагогического потенциала любой ситуации, с учетом проблем, особенно актуальных на современном этапе, и рефлексивного отношения к собственным действиям. Также новые вызовы диктуют новые подходы к воспитанию, а научное понимание изменений, происходящих в рамках современных социальных процессов, влияет на понимание фундаментальности воспитания в целом и процесс воспитания в частности [2].

В этой связи образовательные организации высшего образования призваны решить целый комплекс задач, включая интегративный подход к обучению, развитию и воспитанию личности студента, ведь успешное выполнение будущим педагогом профессиональных задач возможно только при соответствии и ориентированности их профессиональных и личностных качеств тем ценностям, которые определены государством.

Учет выявленных в результате анкетирования ценностных ориентаций студентов может позволить спроектировать организацию учебно-воспитательного процесса и добиться более высоких результатов на этапе высшего образования. Понимая особенности тех, кто приходит учиться на педагогические направления подготовки, профессорско-преподавательскому составу необходимо регулярно пересматривать содержание курсов, форм и методов, используемых в ходе образования, для максимального развития личности будущего педагога, формирования его как нравственного примера и идеала для подрастающего поколения, подготовки его к решению профессиональных задач образования и воспитания, эффективному осуществлению деятельности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принципов командного взаимодействия.

Список источников

1. Вагнер И. В. Актуальные задачи подготовки кадров в контексте реализации профессионального стандарта «Специалист в области воспитания» // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 23–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-podgotovki-kadrov-v-kontekste-realizatsii-professionalnogo-standarta-spetsialist-v-oblasti-vospitaniya> (дата обращения: 10.08.2023).
2. Сажина С. Д. Актуальные проблемы подготовки педагогов // Человек. Культура. Образование. 2022. 4(46). С. 132–144.
3. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л.: ЛГУ, 1968. 152 с.
4. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 50–56. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1099134699.html> (дата обращения: 07.08.2023).
5. Троцкая А. И. Формирование социально-профессиональных ценностей будущих педагогов профессионального обучения : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2015. 245 с. URL: https://omgpu.ru/sites/default/files/dissertaciya_trotskay_a_i1.pdf?ysclid=llb67u1f1v819735661 (дата обращения: 11.08.2023).
6. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека о предмете психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. I. № 1. С. 150–155.
7. Кудашкина О. В. Исследование профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов на этапе высшего образования // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7. С. 140–152. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10971/pdf> (дата обращения: 11.08.2023).

References

1. Vagner I. V. Current tasks of personnel training in the context of implementing the professional standard "Specialist in the field of education". *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no 1, pp.23–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-podgotovki-kadrov-v-kontekste-realizatsii-professionalnogo-standarta-spetsialist-v-oblasti-vospitaniya> (accessed: 10.08.2023). (In Russ.)
2. Sazhina S. D. Current problems of teacher training. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2022, 4(46), pp. 132–144. (In Russ.)
3. Tugarinov V. P. *O cennostyakh zhizni i kul'tury* [About the values of life and culture]. Leningrad: LGU, 1968. 152 p. (In Russ.)
4. Leont'ev D. A. Value concepts in individual and group consciousness. *Psichologicheskoe obozrenie* [Psychological Review], 1998, no 1, pp. 50–56. Available at: <http://psychology.net.ru/articles/content/1099134699.html> (accessed: 07.08.2023). (In Russ.)
5. Trockaya A. I. *Formirovanie social'no-professional'nyh cennostej budushchih pedagogov professional'nogo obucheniya* [Formation of social and professional values of future vocational training teachers: dis. ...cand. ped. Sciences]. Omsk, 2015. 245 p. Available at: https://omgpu.ru/sites/default/files/dissertaciya_trotskyay_a_i1.pdf?ysclid=llb67u1f1v819735661 (accessed: 11.08.2023). (In Russ.)
6. Shadrikov V. D. The world of human inner life on the subject of psychology. *Psichologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2013, vol. I, no 1, pp. 150–155. (In Russ.)
7. Kudashkina O. V. Study of professional and value orientations of future teachers at the stage of higher education. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social problem], 2018, vol. 9, no 7, pp. 140–152. Available at: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10971/pdf> (accessed: 11.08.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Сажина Светлана Дмитриевна

Svetlana D. Sazhina

канд. пед. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

01.09.2023
18.09.2023
10.10.2023

Научная статья / Article

УДК 372.881.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-183>

**Компонентный анализ и методика его проведения
на занятиях по лексикологии в вузе**

Ирина Серафимовна Урманчеева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, isurman@rambler.ru

Аннотация. Компонентный анализ успешно применяется в научных исследованиях по изучению семантики лексических единиц как в нашей стране, так и за рубежом. Поэтому студенты, получающие филологическое, в том числе педагогическое, образование обязательно знакомятся с методикой его проведения, как правило, на учебных занятиях по лексикологии, а также при подготовке научно-исследовательских работ и проектов разного уровня. Однако в процессе применения компонентного анализа студенты неизбежно сталкиваются с разными подходами к методике его проведения, с несопадающим терминологическим аппаратом. Выполнение практических заданий на занятиях по лексикологии требует единого подхода к применению процедуры, унификации терминов. В статье описывается методика проведения компонентного анализа, предполагающая организацию работы по поэтапному овладению процедурой анализа с целью формирования устойчивого навыка его использования в учебной и исследовательской деятельности студентов, в процессе лексико-семантического анализа слов и лексических парадигм. В основе методических рекомендаций лежит обобщение научного и педагогического опыта применения компонентного анализа, в том числе многолетнего преподавательского опыта автора публикации. В результате унификации подвергается терминологический аппарат процедуры: из содержательно и функционально близких терминов предлагаются для использования наиболее частотные и зарекомендовавшие себя в научных исследованиях.

Описывается алгоритм выявления минимальных компонентов семантики в структуре лексического значения слова при полном и частичном компонентном анализе. Характеризуются разные виды упражнений и заданий, направленных на формирование знаний, умений и навыков анализа, как семасиологического, так и ономасиологического плана.

Ключевые слова: компонентный анализ, архисема, дифференциальные семы, коннотативные семы, потенциальные семы, эксплицитные и имплицитные семы, лексикология, лексико-семантический анализ.

Для цитирования: Урманчиева И. С. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях по лексикологии в вузе // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 183–199. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-183>

Component Analysis and Methodology in Lexicology Classes at the University

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, isurman@rambler.ru

Abstract. *Component analysis is successfully used in scientific research on the study of the semantics of lexical units both in our country and abroad. Therefore, students receiving philological, including pedagogical, education should get acquainted with the methodology of its implementation, as a rule, in Lexicology classes, as well as in preparation of research works and projects of various levels. However, in the process of applying component analysis, students inevitably face different approaches to the method of conducting it, with a mismatched terminology apparatus. Doing practical assignments in Lexicology classes requires a unified approach to the procedure and unification of terms. The article describes the methodology for conducting component analysis which involves organizing work on the phased mastery of the analysis procedure in order to form a stable skill for its use in educational and research activities of students, in the process of lexical-semantic analysis of words and lexical paradigms. The methodological recommendations are based on a generalization of the scientific and pedagogical experience of applying component analysis, including many years of teaching experience of the author of the publication. As a result of unification, the terminological apparatus of the procedure is subjected to unification: of all the meaningfully and functionally close terms, the ones most frequent and proven in scientific research are proposed for use. The article describes an algorithm for detecting minimal components of semantics in the structure of the lexical meaning of a word with complete and partial component analysis. Different types of exercises and tasks are characterized for gaining knowledge, skills and habits of analysis of both semiological and onomasiological aspects.*

Keywords: *component analysis, archism, differential sema, connotative sema, potential sema, explicit and implicit sema, lexicology, lexico-semantic analysis*

For citation: Urmancheeva I. S. Component Analysis and Methodology in Lexicology Classes at the University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 183–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-183>

Введение. Под компонентным анализом понимается метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие [1, с. 233]. Компонентный анализ оформился в лингвистике как самостоятельный метод в конце 50-х гг. XX века и связан с работами В. Гуденафа и Ф. Лаунсбери [2, с. 130]. Процедура компонентного анализа предполагает выделение минимальных компонентов значения – сем (термин В. Скалички, который в науке конкурировал с такими терминами, как фигуры плана содержания (Л. Ельмслев), семантический множитель (А. Жолковский), дифференциальный признак (И. В. Арнольд), семантический маркер (Дж. Катц и Дж. Фодор), семантические примитивы (А. Вежбицкая), семантический признак (А. А. Уфимцева), см.: [2, с. 47; 3, с. 32]).

Студенты, изучающие лексикологию современного русского языка, знакомятся с двумя аспектами рассмотрения лексического состава – системно-семасиологическим и социолингвистическим. И если последний достаточно хорошо разработан в методической литературе и представлен большим количеством упражнений и заданий [4, с. 4], то системно-семасиологический аспект характеризуется меньшей проработанностью с методической точки зрения, что делает такие исследования особенно актуальными. Научные работы в области лексикологии давно развернулись от характеристики социолингвистических особенностей слова (его происхождения, социально-функциональных и стилистических свойств, активного и пассивного словаря) к анализу его содержательной стороны. Как отмечает профессор Московского государственного университета И. М. Кобозева, лингвистическую семантику должны изучать все, кто по роду своих занятий имеет дело с созданием и анализом текстов на

естественном языке; человек, профессионально работающий с языком (лингвист, литературовед, журналист, копирайтер, имиджмейкер), должен понимать, что представляет собой та информация, которая может кодироваться языковыми средствами [5, с. 8].

Учебно-методические пособия и учебники для студентов-филологов предлагают разные алгоритмы выявления сем в лексическом значении слова (см., например: [3, с. 33–35; 4, с. 16–20; 6, с. 197–198]). З. Д. Попова и И. А. Стернин сравнивают модели иерархической организации сем, предложенные разными исследователями. А. А. Уфимцева выделяет следующую иерархию семантических признаков: 1) признак части речи, 2) признак семантической категории (одушевленность – неодушевленность), 3) признак семантической субкатегории (лицо – нелицо, исчисляемое – неисчисляемое), 4) признак лексической группировки, 5) индивидуальный дифференцирующий признак. Дж. Катц и Дж. Фодор предлагают следующую классификацию компонентов, находящихся в иерархических отношениях: грамматический маркер (сема части речи) – семантический маркер (объединяющий семантический компонент) – дистингвишер (дифференциальный признак слова, его индивидуальный различитель). В. Г. Гак рассматривает иерархию компонентов как отношение семы родового значения (архисемы) к дифференциальным семам видового значения, И. В. Арнольд – как отношение: архисема части речи – классема – дифференциальная сема [2, с. 67].

Разные подходы ученых и методистов к компонентному анализу обуславливают необходимость унификации этой процедуры в учебных целях. В учебно-методическом пособии автора «Лексикология современного русского языка» [7; 8] предложен алгоритм компонентного анализа и комплекс упражнений, позволяющих обеспечить студентов знаниями, необходимыми для его проведения, сформировать умения и навыки такого анализа. Апробация материалов, которые подвергаются регулярным корректировкам ввиду появления новых научных данных, обсуждения проблемных вопросов, ведется на протяжении 20 лет. За это время материал был апробирован со студентами разных направлений подготовки, которые тоже меняются в соответствии с образовательными стандартами. В последние несколько лет это такие направления, как

«Педагогическое образование» (профили: «Филологическое образование», «Русский язык и литература», «Коми язык и литература и русский язык и литература»), «Филология», «Лингвистика». Таким образом, целью статьи является обобщение сведений о компонентном анализе и методике его проведения с единых теоретических позиций, в единых терминах, чтобы обеспечить сопоставимость имеющихся достижений и адаптировать методику компонентного анализа для реализации учебных задач. Это в конечном счете необходимо для формирования навыка лексико-семантического анализа слова, который, наряду с другими, является одним из основных умений филолога.

Методы исследования, теоретическая база. Компонентный анализ является одним из методов семантических исследований. В статье анализируются и обобщаются научные подходы и рекомендации к процедуре его проведения, что и составляет основной метод теоретического изучения вопроса. Научной базой такого исследования послужили труды В. Г. Гака, И. А. Стернина, И. В. Арнольд, Л. М. Васильева и др., языковедческие энциклопедические словари и справочники, словари терминов. Дополнительно в статье используются собственно лингвистические методы: описательно-сопоставительный, генетический, семантико-стилистический, структурно-функциональный, метод контекстного анализа, психолингвистические методы.

В статье излагается авторская методика выявления сем в структуре лексического значения слова, опирающаяся на научные теоретические разработки и вузовский опыт преподавания лексикологии современного русского языка. Базой такого исследования послужили учебники и учебные пособия для студентов-филологов И. М. Кобозевой, Е. А. Шумских, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, Э. В. Кузнецовой и др. Для этого применялся метод изучения вузовского опыта обучения русскому языку; анализ учебных материалов; опытное обучение, связанное с проверкой методических рекомендаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Методика анализа полного состава сем предполагает выявление минимальных компонентов грамматического и лексического характера. Семы выявляются в слове последовательно, они образуют своего рода

иерархию. Самыми общими семами грамматического плана, характерными для слов одной части речи, являются категориально-грамматические семы. Э. В. Кузнецова, наряду с приведенным термином, использует также термин «граммема», или «грамматическая сема». В учебнике современного русского языка под редакцией Е. И. Дибровой предлагается термин «классема» – «общекатегориальная сема лексико-грамматического значения, характеризующая принадлежность слов к определенной части речи» [6, с. 197]. Так, у существительных это 'предметность', у прилагательных – 'признак / признаковость', у глаголов – 'действие / процессуальность', у числительных – 'число' и т. д.

Следующими в семантике слова вычленяются лексико-грамматические семы, или лексограммемы, – семы грамматического характера, присутствующие в лексических значениях слов одной части речи, но не являющиеся одинаковыми для всех этих слов. Например, у существительных выделяются такие лексико-грамматические семы, как 'конкретность', 'абстрактность', 'вещественность', 'собирательность', у прилагательных – 'качественность', 'относительность', 'притяжательность', у глаголов – 'завершенность', 'незавершенность', 'переходность', 'непереходность', 'возвратность', 'невозвратность' и т. д.

Далее в слове выделяются семы лексического характера. Самая общая собственно лексическая сема является главной, доминирующей, определяющей родовое понятие. Ее называют архисема (В. Г. Гак), категориально-лексическая сема (Э. В. Кузнецова), гиперсема (Е. И. Диброва). Часто семы, которые являются общими для группы сравниваемых слов, называют интегральными. Так, для слов стол, диван, кровать, кресло, шкаф, тумба такой общей семой является семантический компонент 'мебель', для слов белый, черный, синий, красный, зеленый, желтый – 'цвет', для лексических единиц (ЛЕ) говорить, произносить, ответить, прошептать, крикнуть, высказать – 'речевая деятельность' и т. д.

Если интегральные семы объединяют слова, то с помощью дифференциальных сем (ДС) – собственно лексических, подчиненных, определяющих видовое понятие – слова семантического поля противопоставляются друг другу. Также подобные семы называют

гипосемами в противоположность гиперсеме (Е. И. Диброва), дистингвишерами (Дж. Катц, Дж. Фодор), индивидуализирующими, диагностирующими семами (И. В. Арнольд). Дифференциальные семы (по терминологии В. Г. Гака) подчинены архисеме, они ее уточняют, конкретизируют, что придает семной структуре слова иерархический характер. ДС создают индивидуальность слов, хотя не являются уникальными, а могут повторяться в словах в разных комбинациях [3, с. 33–34]. В слове диван при архисеме ‘мебель’ ДС ‘мягкая’, ‘со спинкой’, ‘для сидения и лежания’, ‘крупных размеров’, ‘предназначена для нескольких человек’. Последние две семы отличают слово диван от слова кресло, при том что семы ‘мягкая’, ‘со спинкой’, ‘для сидения’ у них совпадают.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют семы бытовые и профессиональные, негативные и позитивные, вероятностные, антонимичные, градуальные и др. [2, с. 48–61]. Как правило, все эти характеристики относятся к дифференциальным семам и определяют тип семы по отношению к другим семам. Например, профессиональные семы содержат информацию нефилологического, научного характера. В отличие от бытовых сем они могут быть известны только специалистам в данной области и отражать глубокие существенные признаки денотата, выявленные научным анализом предмета. Вероятностные семы отражают признаки, присущие объекту не всегда, а лишь с той или иной степенью вероятности. Негативные семы указывают на обязательное отсутствие некоторых признаков денотата. Градуальные семы различают семемы нескольких лексем по степени выраженного ими признака. Антонимичные семы способствуют противопоставлению семем по одному признаку.

Также дифференциальные семы можно охарактеризовать с точки зрения их смысловой направленности. Семы могут быть описательными, реляционными, функциональными, локативными, темпоральными, акциональными, партитивными, аксиологическими и др.

Например, описательные семы отражают собственные свойства предмета (размеры, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия). Например, в слове плетенка ‘продолгова-

тый витой белый хлеб' описательные ДС указывают на форму ('продолговатый'), строение ('витой'), цвет, сорт муки ('белый').

Реляционные семы указывают на отношения родства, половой противоположности, классификационной отнесенности, принадлежности, смежности, подобия. С помощью подобных сем описываются, например, различия между словами в семантической группе 'родственники': сноха ('по отношению к родителям мужа'), свекровь ('по отношению к жене мужа'). В слове зарянка реляционная сема 'семейства дроздовых' указывает на классификационную отнесенность птицы (эта же сема является научной).

Функциональные семы указывают на назначение предмета, явления и т. д. В слове котел можно выявить функциональную сему 'для варки или кипячения', а в слове фара – 'для освещения пути'.

Локативные семы актуализируют аллосемы 'место' и 'направление' (ср. аналогичную терминологию: [10, с. 207]). Темпоральные семы указывают на время. В слове роса 'водяные капли' выявляются локативные ДС 'осаждаются на поверхность растений, почвы и различных предметов', темпоральные ДС 'в вечерние, ночные и ранние утренние часы'.

Партитивные семы актуализируют значение части или составных частей в семеме слова. Например, слова кольцо и перстень отличаются партитивной семой 'обычно с драгоценным камнем' в слове перстень.

Аксиологические семы связаны с так называемой рациональной, объективной оценкой, которая «идет не от сердца, а от разума, от рассудка» [11, с. 143] и «фиксируется» в качестве семы денотативной семантики [12, с. 29]. В слове богема 'слой творческой интеллигенции, не имеющей устойчивого дохода, ведущий беспорядочную, беспечную жизнь' компонент 'беспорядочная, беспечная жизнь' передает рациональную, объективную оценку социального коллектива, входит в качестве аксиологической семы в денотативный макрокомпонент значения слова.

Следует отметить, что в словах разных частей речи дифференциальные семы обладают разной смысловой направленностью. У конкретных существительных это описательные семы, основан-

ные на эмпирическом восприятии предмета (форма, цвет, размер, строение). В семантике глаголов и отглагольных существительных, прилагательных присутствуют семы объекта и субъекта, цели и причины, способа совершения действия, инструмента или средства действия. В наречиях и числительных присутствуют кванторные семы (семь меры и количества).

Лексическое значение слова включает разные виды сем, причем их набор индивидуален в каждом слове. Например, в ЛЕ плацебо при архисеме 'вещество' вычленяются следующие дифференциальные семы: описательные негативные ДС 'безвредное', 'не обладающее лечебными свойствами', акциональная ДС 'приготовленное', реляционная сравнительная ДС 'в виде лекарственного препарата', функциональная научная 'для изучения роли внушения в лечебном эффекте'.

«По степени фиксированности, закрепленности за определенными значениями различаются обязательные и факультативные семантические компоненты» [13, с. 104]. Л. М. Васильев называет их факультативными семами, Э. В. Кузнецова вслед за В. Г. Гаком – потенциальными. Потенциальные семы (ПС) – семы, которые не осмысливаются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях. Как отмечает В. Г. Гак, потенциальные семы отражают различные второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, различные ассоциации, с которыми данный элемент действительности связывается в сознании говорящих. Потенциальной семой для слова автобус может стать 'тряскость езды'. Потенциальные семы играют большую роль в речи, с их функционированием связано появление переносных значений у слова. В обычном же прямом употреблении слова они отходят на задний план, и соответствующие признаки не обязательно актуализируются [9, с. 15]. Так, в предложении «Не бойтесь, с нами мужчина» актуализированы такие потенциальные семы слова мужчина, как 'физически сильный', 'смелый', 'способный защитить'. З. Д. Попова и И. А. Стернин называют подобные семы диспозиционными, так как они отражают такие признаки денотата, какими он должен обладать в идеале с

точки зрения говорящего коллектива [2, с. 52]. Подобные семы называют также ассоциативными, связанными с устойчивыми коллективными смыслами ('тупость' в слове осел, 'грязный' в слове свинья), неосновными (периферийными). Например, в слове учитель неосновными семами являются 'авторитетный', 'чуткий', 'интеллигентный'. Неосновные семы актуализируются в конкретных высказываниях, ср.: «Учащиеся не справились с заданием и позвали учителя» (актуализирована сема 'авторитетный'); «Какой же ты учитель, если не заметил изменений в ученике?» (актуализирована сема 'чуткий', то есть предполагается, что настоящий учитель заметил бы изменения в ученике).

Способами выявления потенциальных сем является их актуализация в специфических контекстах, анализ семантических и словообразовательных дериватов, устойчивых оборотов. Например, в прямом значении слова черный выявляются такие потенциальные семы, как 'мрачный', 'безрадостный', 'поглощающий свет и тепло', 'жаркий'. Они актуализируются в специфическом контексте «Ну что ты весь в черном, лето ведь!». Анализ семантических дериватов (переносных значений) позволяет выявить ПС 'недобрый', 'плохой' (черные мысли, черная зависть, черные силы, черная магия). Устойчивые обороты актуализируют ПС 'связанный с трудностями, лишениями' (на черный день), 'негативный', 'неблаговидный' (черный пиар). В прямом значении слова черный эти семы присутствуют как скрытые смыслы, факультативные компоненты семантики, семантические потенциалы. Они могут актуализироваться в контекстах «Не хочу я красить стены в черный цвет!», «Это же детские игрушки, почему они черные?», «Смотрит на меня своими черными глазами, мне даже не по себе».

Коннотативные семы (КС) – это оценочные и эмоциональные компоненты слов. Например, в слове олух 'глупый, непонятливый человек' вычлняются такие яркие коннотативные семы, как 'отрицательная оценка', 'неодобрение'.

Термин коннотация неоднозначен. Во-первых, под коннотацией (коннотативным макрокомпонентом значения) понимается часть значения слова, связанная с выражением субъективного отношения говорящего к предмету речи, что находит отражение в

коннотативных аллосемах 'оценка' и 'эмоция' (свинья 'о человеке' – КС 'отрицательная оценка' и 'пренебрежение'). Во-вторых, под коннотацией понимается устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом сознании говорящих употребление того или иного слова в данном значении (свинья – 'неряшливость, нечистоплотность'), см.: [2, с. 49; 5, с. 97; 14, с. 159; 15, с. 264; 16, с. 11].

Совершенно очевидно, что культурные коннотации соотносятся с потенциальными, факультативными семами слова, поскольку не проявляются при употреблении слова в прямом значении, но явно предполагаются, выступают определенным фоном, дополнительным смыслом. Например: «Ослик был сегодня зол: он узнал, что он осел» (Маршак). Очевидно, что слово осел реализует смысл «животное»: ослик узнал, что он животное осел, а не «тупой, упрямый, глупый человек», но редуцированное до потенциальных сем переносное значение сопровождает предметно-понятийное содержание прямого значения этого слова и вызывает смех. Ср. употребление слова ослик на месте слова осел: *Ослик был сегодня зол: он узнал, что он ослик. Прямое значение слова ослик лишено факультативных семантических компонентов 'тупой, упрямый', поэтому шутового, каламбурного обыгрывания смысла не происходит.

Наиболее оптимальным в учебных целях представляется следующий порядок выявления иерархически расположенных сем в лексическом значении слова: 1) категориально-грамматическая сема (КГС); 2) лексико-грамматическая сема (ЛГС); 3) архисема; 4) дифференциальные семы (ДС); 5) потенциальные семы (ПС); 6) коннотативные семы (КС). Например, в слове дочурка последовательность сем, которую определяют студенты, следующая: 1) КГС – 'предметность'; 2) ЛГС – 'конкретность'; 3) архисема – 'родственник'; 4) ДС – 'ребенок', 'по отношению к родителям' (реляционные семы), 'рожденный / удочеренный' (акциональная вероятностная сема), 'женский пол', 'кровное родство', 'прямое родство', 'первое поколение' (реляционные семы); антонимичными семами являются: 'женский пол' (по сравнению со словами сын, сынок – ДС 'мужской пол'), 'кровное родство' (ср. падчерица – ДС 'некровное родство'), 'прямое родство' (ср. племянница – ДС 'непрямое родство'); 5) ПС – 'малень-

кая', 'любимая', 'желанная', 'оберегаемая', 'слабое, беззащитное существо'; 6) КС яркие – 'ласкательность', 'положительная оценка'.

Полный компонентный анализ возможен только после выполнения ряда упражнений, направленных на формирование устойчивого навыка выявления сем разных уровней. В зависимости от этапа усвоения языкового материала это могут быть пропедевтические задания – на первом этапе (знакомство с теоретическим материалом, например, с таблицами «Семы частей речи», «Примеры потенциальных сем», «Примеры коннотативных сем», см.: [8, с. 21–27]), иллюстративные (знакомство с образцами к упражнениям, см.: [7, с. 11–17.]), закрепительные, способствующие формированию умения использовать теоретические сведения по изучаемой теме в практической деятельности (например, определить архисему, объединяющую группу слов, назвать дифференциальные семы, которыми слова отличаются друг от друга, сгруппировать слова вокруг архисемы, подобрать разные способы выявления потенциальных сем, вычленив в лексическом значении коннотативные семы с опорой на толковые словари и др.), повторительно-обобщающие (выполнение полного компонентного анализа предложенного слова с опорой на схему) и творческие (самостоятельный подбор слова для компонентного анализа) – на заключительном этапе. При этом выполнение творческого задания предполагает применение ономаσιологического подхода к анализу слова, когда студенты во время аудиторного занятия заслушивают разбор одного из учащихся и по нему определяют проанализированное слово (реализация модели «от содержания к форме»). Надо отметить, что все остальные задания предполагают реализацию семасиологического подхода (от формы к содержанию).

Л. М. Васильев различает также эксплицитные и имплицитные компоненты значения. Эксплицитными (явно выраженными) называют такие компоненты, которые имеют явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение. Имплицитные (скрытые) компоненты значения не имеют самостоятельного явного выражения в формальной лексико-грамматической структуре языка, они выражаются синкретически

[13, с. 98]. В слове королевич сема 'наследник, преемник' эксплицирована суффиксом -евич, в ЛЕ сверхопытный сема 'превосходство' эксплицирована префиксом сверх-, а в слове пальтишко отрицательные пренебрежительные коннотативные семы выражены суффиксом -ишк.

Частичный состав сем может приводиться при сопоставлении семантики слов, находящихся между собой в парадигматических отношениях, – омонимических, синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических. Как правило, это выявление интегральной семы, объединяющей слова, и дифференциальных сем, различающих слова, у антонимов, синонимов, согипонимов. На основании такого анализа делаются выводы, например, относительно типов синонимов по семантике, типов оппозиции – привативной или эквиполентной. Частичный компонентный анализ необходим для доказательства полисемии или омонимии слов. Только коннотативные семы выявляются при характеристике экспрессивной лексики.

Заключение. Компонентный анализ, безусловно, является оптимальным методом исследования структуры лексического значения слова по разным семантическим компонентам, начиная от самых общих сем грамматического характера и заканчивая элементами факультативного, потенциального, вероятностного, индивидуального и оценочного плана. Терминологическое разнообразие и отсутствие единого подхода к процедуре проведения компонентного анализа обуславливают необходимость выработки алгоритма такого анализа в учебных целях, унификации этапов процедуры. Многолетний опыт обсуждения разных методик и анализа десятков слов, опирающийся на классические и новые научные исследования, позволил разработать методические рекомендации по применению компонентного анализа на занятиях по лексикологии в вузе. В облегченном и адаптированном варианте этот алгоритм может также использоваться на уроках русского языка в общеобразовательных учреждениях, в учебно-исследовательской и проектной деятельности обучающихся среднего и старшего звена школы.

Основные методические рекомендации сводятся к следующему:

1) необходимо разделять полный и частичный составы семного членения и использовать при этом разные процедуры анализа;

2) полный состав семного членения предполагает последовательное выявление иерархически расположенных сем: категориально-грамматическая сема – лексико-грамматическая сема – архисема – дифференциальные семы – потенциальные семы – коннотативные семы; применяется при полном лексико-семантическом анализе слова;

3) частичный состав семного членения необходим при анализе слов, находящихся в парадигматических отношениях: синонимов, антонимов, омонимов, согипонимов и др.; как правило, в этих случаях выявляются только семы лексического характера – архисема и дифференциальные семы; анализ экспрессивной лексики требует выявления коннотативных сем;

4) не рекомендуется выполнять полный компонентный анализ лексического значения слова сразу, без формирования навыка выявления той или иной семы; для этого нужно использовать разные виды заданий в зависимости от этапа усвоения языкового материала – пропедевтические, иллюстративные, закрепительные, повторительно-обобщающие и творческие; по преобладающему виду деятельности это в основном аналитические упражнения; при этом специфика процедуры компонентного анализа заключается в том, что необходимо реализовывать как семасиологический (от формы к содержанию), так и ономасиологический подход (от содержания к форме);

5) формирование устойчивого навыка компонентного анализа обеспечивается реализацией принципов систематичности, последовательности и преемственности, то есть предполагает регулярное обращение к процедуре компонентного анализа – полного или частичного – при изучении лексики как в системно-семасиологическом, так и в социолингвистическом аспектах, во время аудиторных занятий или при реализации самостоятельной работы студентов (выполнение лабораторных работ, исследовательских заданий и даже подготовка курсовых работ и ВКР определенной тематики).

С заданиями и образцами анализа можно познакомиться в учебно-методическом пособии автора «Лексикология современного русского языка: в 2 ч.» (Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2021) и в статье автора [17].

Список источников

1. Кузнецов А. М. Компонентного анализа метод // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учебное пособие. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
4. Шумских Е. А. Лексика и фразеология современного русского языка. Практикум. М.: МПГУ, 2013. 136 с.
5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 352 с.
6. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Морфемика. Словообразование / Под ред. Е. И. Дибровой. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 480 с.
7. Урманчеева И. С. Лексикология современного русского языка : учебно-методическое пособие в 2-х ч. Часть 1. Практикум. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. 88 с.
8. Урманчеева И. С. Лексикология современного русского языка : учебно-методическое пособие в 2-х ч. Часть 2. Контрольно-измерительные материалы. Теоретический инструментарий. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. 78 с.
9. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
10. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Издательство «Индрик», 1998. 240 с.
11. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 222 с.
12. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.
13. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.

14. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

15. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.

16. Кругликова Л. Е. Лексико-фразеологическая группа качественных наименований лица в русском языке XI–XX вв. : автореферат дис. ... докт. филол. наук. СПб, 1995. 37 с.

17. Урманчеева И. С. Комплекс заданий и упражнений, способствующих усвоению методики компонентного анализа слова на занятиях по лексикологии в вузе // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 3. С. 21–38. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2023-3-21>.

References

1. Kuznecov A. M. Component analysis method. *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

2. Popova Z. D., Sternin I. A. *Leksicheskaya sistema yazyka: Vnutrennyaya organizaciya, kategorial'nyj apparat i priemy opisaniya* [Lexical system of language: Internal organization, categorical apparatus and methods of description]. Moscow, Book House «LIBROCOM», 2011. 176 p. (In Russ.)

3. Kuznecova E. V. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, Higher school Publ., 1989. 216 p. (In Russ.)

4. Shumskih E. A. *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Praktikum* [Vocabulary and phraseology of the modern Russian language. Workshop]. Moscow, MPGU, 2013. 136 p. (In Russ.)

5. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Book House «LIBROCOM», 2012. 352 p. (In Russ.)

6. *Sovremennyy russkij yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinic* [Modern Russian. Theory. Language Unit Analysis]. Moscow, Publishing Center «Academy», 2008. 480 p. (In Russ.)

7. Urmanceeva I. S. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Chast' 1. Praktikum* [Lexicology of the modern Russian language. Part 1. Workshop]. Syktyvkar: Publishing house of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2021. 88 p. (In Russ.)

8. Urmanceeva I. S. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Chast' 2. Kontrol'no-izmeritel'nye materialy. Teoreticheskij instrumentarij* [Lexicology of the modern Russian language. Part 2. Control and measuring materials. Theoretical Toolkit]. Syktyvkar: Publishing house of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2021. 78 p. (In Russ.)

9. Gak V. G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow: International relations Publ., 1977. 264 p. (In Russ.)

10. Vendina T. I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik Publishing House, 1998. 240 p. (In Russ.)
11. Petrishcheva E. F. *Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo yazyka* [Stylistically colored vocabulary of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 222 p. (In Russ.)
12. Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive vocabulary of colloquial use]. Novosibirsk: Science Publ., 1986. 227 p. (In Russ.)
13. Vasil'ev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow: Book House «LIBROCOM», 2009. 192 p. (In Russ.)
14. Apresyan YU. D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Of vol. II. Integral Language Description and System Lexicography]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1995. 767 p. (In Russ.)
15. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya: cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: value-sense space of language]. Moscow: Flinta Publ.: Science Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)
16. Kruglikova L. E. *Leksiko-frazeologicheskaya gruppa kachestvennykh naimenovanij lica v russkom yazyke XI–XX vv. Avtoref. dokt. diss.* [Lexical and phraseological group of qualitative names of a person in Russian XI-XX centuries. Avtoref. dokt. diss.]. St. Petersburg, 1995. 37 p. (In Russ.)
17. Urmanceeva I. S. A set of tasks and exercises that contribute to assimilation methods of component analysis of a word in lexicology classes at a university. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2023. No. 3. Pp. 21–38. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2023-3-21>.

Сведения об авторе / Information about the author

Урманчеева Ирина Серафимовна

Irina S. Urmanceeva

канд. филол. наук, доцент
СГУ им. Питирима Сорокина

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

16.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

29.07.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

11.09.2023